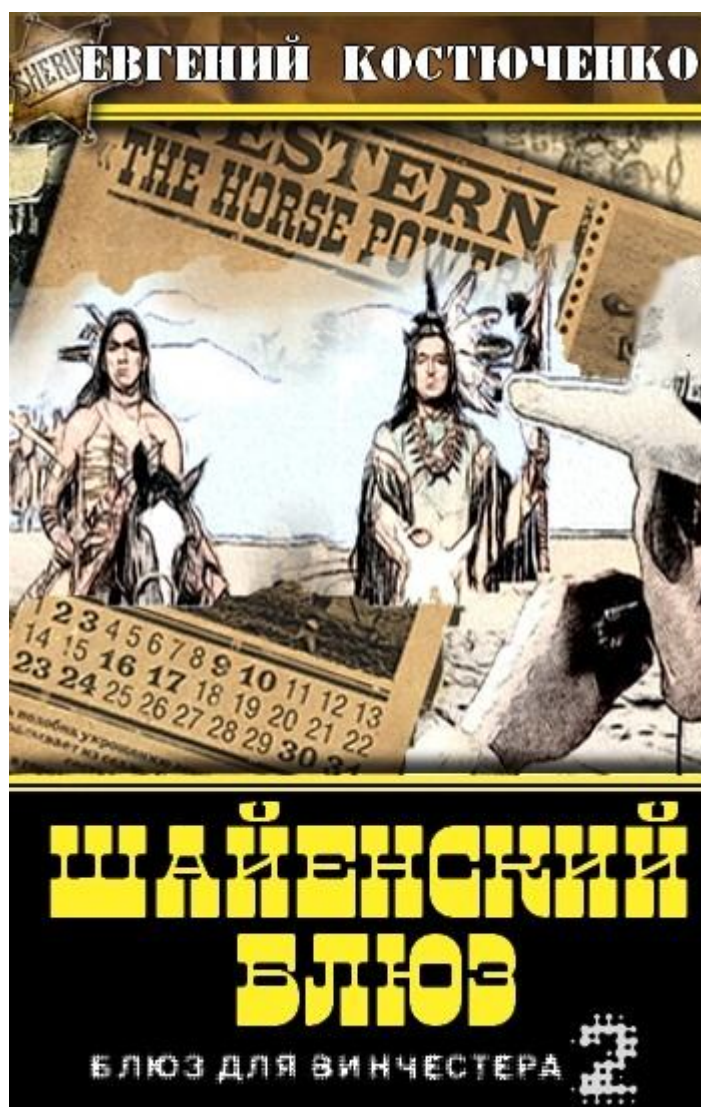

Евгений Николаевич Костюченко Шайенский блюз

Блюз для винчестера – 2

Аннотация

Неожиданная встреча на Пулковском шоссе закончилась тем, что Степан оказался на Диком Западе, в XIX веке. Он не пропал в чужом враждебном мире, потому что быстро усвоил его правила. Если ты отвечаешь за свои слова, тебя уважают и белые, и индейцы. Если бьешь без промаха и не боишься смерти, тебя уважают уцелевшие враги. Так он и жил. Построил город, окружил себя друзьями, встретил подлинную любовь.

Но на просторах прерий уже появились новые хозяева жизни. Они были уверены, что туго набитый кошелёк позволит установить здесь собственные порядки. Они просчитались.

«Если закон против меня, то тем хуже для закона», — решил Степан Гончар, снова берясь за винчестер.

*Авторская переработка изданной книги «Зимний Туман — друг шайенов».
Сохранено авторское форматирование.
Обложка от wotti (согласовано с автором книги).*

Евгений Костюченко (Краев) **Шайенский блюз**

Часть 1. Бизнесмен

1. Кто обует Маршал-Сити?

7 сентября 1857 года отряд мормонов под командованием старейшины Джона Дойла Ли напал на караван эмигрантов, пытавшихся добраться до Калифорнии через Юту. Переселенцев заставили разоружиться, а затем расстреляли всех, кроме самых маленьких детей. Мормоны убили сто двадцать человек.

Спустя двадцать лет старейшина Джон Дойл Ли предстал перед судом. Его признали виновным в убийстве первой категории, и 23 марта 1877 года он был расстрелян на том самом месте, где напал на караван.

Об этом интересном факте Степан Гончар узнал совершенно случайно, когда забрел на публичную лекцию. Заезжий ученый муж поведал и о других, не менее примечательных доказательствах неизбежного торжества Закона, но Степана больше всего задела судьба мормонского полевого командира.

Как жил старейшина Ли эти двадцать лет между преступлением и наказанием? Прятался среди своих или бежал в чужие края? Надеялся на истечение срока давности или на то, что война все спишет? Как бы там ни было, а правосудие совершилось. Но это не могло обрадовать Степана.

Он вернулся в гостиницу, заперся в номере и выложил на стол револьверы. Ежедневную чистку и смазку оружия Степан завершал часовой тренировкой. Держа в каждой руке по кольту, он шагал из угла в угол и расстреливал лепестки золотых лилий, которыми были щедро усеяны обои. К счастью для его соседей, он никогда не забывал предварительно освободить барабаны от патронов. Шесть «выстрелов» с левой руки, шесть с правой, револьверы по карманам. Снова выхватить, и снова по шесть раз нажать на спусковой крючок.

Кольты были легкие, двадцать второго калибра, но все равно запястья скоро начали ныть, а пальцы потеряли чувствительность. «Как вел себя мормон Ли, когда его брали? — подумал Степан, чтобы отвлечься от неприятных ощущений. — Смирненно и кротко протянул руки под кандалы? Упал на колени? Или выхватил оружие? В любом случае, он проиграл. Надо учесть его печальный опыт».

Он взял кольт за ствол и протянул его невидимому блюстителю закона. «Хотите забрать мое оружие? Извольте, сэр». Однажды Гончар видел, каким полезным может оказаться этот трюк. Ему понадобились долгие часы упражнений, чтобы раскусить, в чем секрет. Подавая револьвер рукояткой к противнику, надо держаться не за ствол. Кисть охватывает барабан, указательный палец на виду, он находится у рукоятки. А вот средний палец, согнутый, спрятан в спусковой скобе. Раз! Кольт вращается вокруг среднего пальца. Ствол направлен на противника. Рукоятка смотрит вверх, но это неважно. Важно, что ты можешь нажать на спуск даже в таком положении, а с расстояния вытянутой руки — не промахнешься.

Закончив тренировку, Степан спустился вниз и занял место на террасе, рядом с другими горожанами, ожидающими прибытия почтового дилижанса. По его расчетам, Эрн О'Хара должен был приехать еще два дня назад, но ирландец почему-то задерживался. Степан решил отправить ему еще одну телеграмму, если он и сегодня не появится. Ему — и

Мартину Китсу, который, в отличие от тугодума Эрни, сразу догадается, кто скрывается за подписью «Такер».

Еще и еще раз он мысленно перечитал сообщение, отправленное домой, в Верхний Эшфорд, неделю назад. *«Партия голландской обуви доставлена в Маршал-Сити, Вайоминг. Представитель компании «Майвис» ждет вас в отеле Хилтона. Такер»*. В тексте содержались две подсказки для Эрни. Во-первых, он называл Степана голландцем, в во-вторых, легко мог бы вспомнить, кто ходил охотиться на бизонов в компании шайена Майвиса. Телеграмма абсолютно понятна. Чего же он медлит?

Шум подъезжающего дилижанса заставил Степана приподнять поля шляпы, надвинутой на нос. Шестерка лошадей остановилась на городской площади, окутываясь облаком пыли. Двое охранников в длинных плащах прыгнули на землю, бряцая оружием, и сразу же направились к отелю, продолжая спор, начатый, очевидно, миль тридцать назад: «Каким напитком лучше освежиться с дороги — пинтой пива или бокалом мятного коктейля?».

Пассажиры уже отвязали свои чемоданы, притороченные к задку кареты, когда из дилижанса, наконец, выглянуло настороженное лицо Эрни. Ирландец оглядел площадь, и что-то спросил у кучера. Тот показал кнутом в сторону гостиницы.

«Он не изменился, — подумал Гончар. — Только О'Хара будет спрашивать дорогу к отелю, находясь в двадцати шагах от него». Он снова опустил шляпу, прикрывая лицо, и позволил Эрни пройти мимо него в холл. Затем, выждав с полминуты, зашел следом.

Ирландец стоял у стойки администратора, вытирая лоб платком.

— Мистер Такер? — переспросил клерк. — Да вот же он, позади вас.

— Вы прибыли из Эшфорда? — Степан быстро подал руку. — Разрешите представиться. Стивен Такер, компания «Майвис», Нью-Йорк. Позвольте, я проведу вас к себе, вам явно не терпится ознакомиться с образцами нашей продукции.

Он первым зашагал по лестнице, не дав Эрни опомниться. Прежде чем закрыть за собой дверь, Степан огляделся и прислушался. Два соседних номера пустовали, и по лестнице никто не поднимался. Видимо, ни один из приехавших пассажиров не надумал остановиться в дорогом отеле Бенджамина Хилтона.

— Стиви, как я рад тебя видеть, — сказал ирландец, осторожно опускаясь в огромное плюшевое кресло, которое сразу перестало казаться огромным. — Ты шикарно устроился. Но почему здесь? И где Харви? И, черт побери, почему ты сменил вывеску? Задал мне такую головоломку!

— У меня еще будет время рассказать тебе все по порядку. — Степан плеснул виски в два стаканчика. — Давай выпьем за встречу. Не поверишь, я два месяца даже не прикасался к бутылке. Мне сейчас приходится быть осторожным. Штат Колорадо обвиняет Стивена Питерса в двойном убийстве.

— Не могу поверить, — Эрни застыл со стаканом у рта.

— И правильно. Не верь. Это клевета насчет двойного убийства. Потому что оно было тройным. Будь здоров.

Они выпили за встречу, и Гончар рассказал о том, чем закончилась экспедиция профессора Фарбера. Афера с несуществующими алмазными россыпями была разоблачена, Фредерик Штерн был уличен в предательстве, а жулика Даунвуда в кандалах отправили в Чикаго, где он, по всей видимости, проведет остаток жизни в долговой яме.

— Выпьем за торжество справедливости, — предложил Эрни.

— Выпьем. Хотя еще надо бы выяснить, что такое справедливость, — согласился Гончар и продолжил рассказ.

Степан поведал другу о славной смерти Харви Дрейка, и они подняли за него третий тост, безмолвный. После чего бутылка была надежно закупорена и спрятана. Время для воспоминаний было исчерпано, начинался деловой разговор.

— Когда меня подстрелили, я свалился с поезда, — начал Степан. — Долголизывал раны. Слишком долго. Не знал, стоит ли еще цепляться за жизнь. Но, наверно, мое время еще

не пришло, и я понемногу очухался.

— Где ты жил, пока лечился?

— У Фарберов. Пока искал их в городе, еще как-то держался. Но как только вошел в дом, сел за стол — и поплыл. В общем, очнулся через две недели.

— Это ты в горячке до них дошел, — уверенно заявил Эрни. — Такое случается иногда. Я сам знал ковбоя, которого прострелили насквозь в пяти местах. Он два дня скакал до ранчо, и когда свалился с седла у своего порога, в нем не было ни капельки крови. Он был белый и грязный, как мраморные статуи на вокзале в Чикаго. Ну, а дальше?

— А дальше началось самое интересное, — усмехнулся Степан. — Первое, что я увидел в Денвере, когда смог выйти на улицу — это моя собственная физиономия. Зашел в аптеку, а там плакат. Разыскивается живой или мертвый Стивен Питерс. Двойное убийство. Премия тысяча долларов. Портрет грубоватый, но весьма достоверный. Как я позже выяснил, рисовал сам Штерн. По памяти.

— Откуда ты знаешь?

— От профессора. Штерн дает показания по делу Даунвуда. Он свидетель, а я — соучастник шайки. Шериф Юдл, оказывается, пытался задержать Даунвуда, а я ему воспрепятствовал. То есть застрелил.

— Как ты сказал? Юдл? Не родственник того Юдла, что орудовал в Дакоте?

— Ну да. Это был такой семейный бизнес. Трое братцев из шести устроились шерифами в соседних округах, трое других пользовались их прикрытием. Железная дорога давала им хорошую прибавку к жалованью, хотя и не проходила по их земле. Они всегда имели точную информацию о перевозках, и грабили только самые жирные поезда. Естественно, в их собственных округах царил идеальный порядок. И вот такого образцового служителя закона сразила пуля бродяги из Небраски. Однако судья в Колорадо не всех сосчитал. Одного-то Юдла я уложил при свидетелях в поезде. Второй погиб на глазах Штерна в Каньоне Семи Озер. Честно говоря, не от моей пули, но это дела не меняет.

— Два трупа, и оба законники, — покачал головой Эрни. — Тебя ждут две виселицы.

— Ты научился быстро считать. Но тогда уж добавь и третью виселицу, потому что еще одного Юдла я завалил из «спрингфилда» примерно с трехсот шагов. Ты о нем должен помнить. Это был Остин Юдл.

Ирландец недоверчиво прищурил один глаз, словно рассматривал сомнительную банкноту.

— Ты убил Остина? С трехсот шагов? На таком расстоянии нельзя быть уверенным, что...

— Мне помогла река, — сказал Гончар. — Она принесла труп к моим ногам. Кстати, о реке. Как там поживает наша пристань? И вообще, ты готов отчитаться по заданиям, которые я тебе поручил перед отъездом?

— Что? — Ирландец изумленно уставился на Степана. — Отчитаться? Стиви, сейчас у меня голова забита совсем другими мыслями. Можно подумать, это я стою под петлей, а не ты.

— Не вижу никакой петли. Мистер Такер прибыл в Маршал-Сити с прекрасными рекомендациями от профессора Фарбера и судьи Томсона. Я здесь на хорошем счету. Уже присмотрелся. Подружился с отцами города. Собираюсь открыть обувной магазин. И мне не помешают несколько тыщенок, которые ты мог бы привезти в следующий раз. Но пока ответь, как дела в Эшфорде?

— Дела идут, как по маслу, — доложил О'Хара. — Пристань готова. На лесопилку поступило новое оборудование. Тебе все еще приходят телеграммы от нью-йоркских брокеров. Твои пацаны живут у Майвиса. На днях Пол завалил медведя, а Джефф целыми днями сидит на почте, все читает, и уже освоил телеграфный аппарат. Золотые мальчишки! Да, Стиви, я вспомнил. Вертелся какой-то скользкий тип, что-то вынюхивал насчет тебя. Теперь-то я понимаю, это был сыщик. Но что ты намерен делать?

— Торговать обувью. Я уже присмотрел помещение для магазина.

— Я не спрашиваю, чем ты будешь зарабатывать на жизнь. Я хочу знать, как ты собираешься спасти свою шкуру. Ведь они найдут тебя. Агентство Пинкертон выполняло и не такие сложные заказы. От них не спрячешься. Лучше бы тебе уехать подальше на Запад. В Оклахому. Или еще дальше, в Мексику. Все так делают, Стиви.

Степан Гончар похлопал друга по руке:

— Ты слово в слово повторяешь все то, что говорил мне судья Томсон. Он тоже советовал мне переждать в Мексике. Ему понадобится не меньше года, чтобы все уладить. Он заплатит нужным людям в Вашингтоне. Дело будет передано в федеральный суд, потому что афера затрагивала интересы тысяч вкладчиков со всей страны. На процессе вскроются новые обстоятельства, и с меня снимут все обвинения. Он даст мне телеграмму в Мексику прямо из зала суда.

— Ты ему веришь?

— А что мне остается? Банда братьев Юдл работала на Даунвуда. Судья уверен, что Юдл обязательно пристрелил бы и его, и профессора, чтобы они не разоблачили аферу. А я спас ему жизнь. Теперь он получил редкую возможность отплатить мне тем же. Это будет справедливо.

— Да, конечно. — О'Хара скептически хмыкнул. — Если только судья не забудет о тебе через год. Знаю я этих англичан. Хотя Томсон, похоже, дельный мужик, если советует тебе уехать в Мексику.

— Я бы уехал. Но кому я буду там продавать сапоги, штиблеты и мокасины? Миллионам босоногих оборванцев, у которых нет ни единого песа в кармане, да и карманов нет? Мой бизнес рухнет.

— К черту бизнес! — Эрни возмущенно привстал в кресле. — У тебя есть деньги! И я буду присылать тебе столько, сколько будет надо, чтобы спокойно жить без всякого бизнеса. Мы с тобой партнеры, и ты всегда будешь иметь свою долю прибыли! Стиви, тебе нельзя оставаться здесь! Из твоего окна я вижу здание суда в Денвере! И виселицу во дворе. Три виселицы! И это не считая охотников за твоим скальпом. Тысяча баксов на дороге не валяется, ты об этом подумал?

Гончару стало немного стыдно, что он заставил друга так волноваться.

— Хорошо, брат, — сказал он. — Как только я замечу слежку, все брошу и уеду отсюда. В Мексику, в Гондурас, в Бразилию. В любую страну, где есть американское посольство и приличный банк. И буду спокойно ждать, пока судья не уладит мое дело.

Эрни снова опустился в кресло и вытер раскрасневшееся лицо.

— Вот так-то лучше. Но послушай, а что ты будешь делать, если дело не выгорит? Так и будешь всю жизнь скрываться под чужим именем?

— А что такого? В конце концов, Такер звучит не хуже, чем Питерс, — сказал Степан Гончар.

2. Жених вне закона

Эрни был самым близким другом Степана, но и ему Гончар не мог рассказать о причине, которая удерживала его в опасной близости от здания денверского суда и всех его виселиц. Этой причине было шестнадцать лет, и звали ее Мелисса Фарбер.

Хорошо еще, что ирландцу было неизвестно, в каком доме поселились Фарберы. Тогда бы он точно не оставил Степана в покое, пока тот не пересек бы Рио-Гранде и не скрылся в мексиканских горах. Как нарочно, профессорская семья жила в пансионе как раз через дорогу от полицейского участка.

Выходя из пролетки, Гончар нарочно замешкался, расплачиваясь с извозчиком. Ему хотелось незаметно разглядеть, висит ли еще его портрет на стене участка. Оказалось, висит. На самом видном месте. Слабым утешением могло служить только то, что на портрете Стивен Питерс был изображен без бороды, в шляпе с опущенными полями и в клетчатой рубашке с галстуком-шнурком. Таким запомнил его Фредерик Штерн. Возможно, сейчас он

бы и не узнал своего спутника по экспедиции.

Гончар успел отрастить аккуратную бородку клинышком. В высоком цилиндре, в черном длинном сюртуке, под которым сиял алый шелковый жилет, он был похож на респектабельного юриста или профессионального картежника. Сегодня его пояс не оттягивал патронташ, и тяжелая кобура с неизменным кольцом не натирала его бедро. Нет, на этот раз он приехал в Денвер безоружным. Разве можно считать оружием миниатюрный «ремингтон» тридцать второго калибра, который к тому же покоился в элегантном саквояже?

Он прошелся вдоль невысокого забора, поигрывая тростью. Навстречу ему, с корзиной, полной зелени, шла Росита, служанка Фарберов. Она удивленно повернулась к нему, когда Степан приподнял свой цилиндр и поклонился.

— Чудесный день! Как поживаете?

— О, мистер... Мистер Такер, сэр! — Негритянка не сразу вспомнила новое имя Стивена Питерса.

— Вы не могли бы передать профессору Фарберу, что я собираюсь нанести ему визит? Мне надо уладить кое-какие дела в Денвере, и примерно через час я к вам загляну.

— Да, сэр. Конечно, сэр. — Росита наклонилась к корзинке, поправляя пучок лука, и произнесла, не шевеля губами: — Хозяйка сейчас дома, мистер Стивен, вам незачем болтаться целый час на улице. И маленькая хозяйка тоже дома. Они будут так рады, если вы зайдете прямо сейчас.

— Я пройду через сад, — так же тихо ответил Гончар.

Он и не собирался болтаться на улице. Полчаса ему пришлось провести в банке, еще минут двадцать ушли на посещение обувного магазина. Выяснив, сколько зарабатывают продавщицы, и какую обувь предпочитают покупатели, он спустился к реке и по набережной дошел до сада, который примыкал к особняку Фарберов.

Стоял конец октября, и сад был усеян золотыми и медными листьями. Шагая между черных стволов, Степан с наслаждением втягивал горьковатый воздух. «Настоящая золотая осень. Эх, как хорошо сейчас в Павловске», — подумал он и остановился.

Павловск? За годы, прошедшие в Америке, он впервые вспомнил о своем прошлом. Странно. Почему именно Павловск? В своей прежней жизни Степан Гончар любил побродить по лесу с двустволкой, любил погонять на машине — но посещения парков вовсе не были его любимым занятием. «Старею», — подумал он, вороша тростью горку листьев.

За деревьями виднелся кирпичный особняк с портиком над белыми колоннами. Степан вышел к его заднему крыльцу, где на лужайке разместилась небольшая беседка и качели. Жильцы пансиона были, как правило, людьми семейными, и лужайка, видимо, предназначалась для детей. Но сейчас на качелях сидела Милли, наверняка считавшая себя очень взрослой.

Увидев Степана, она не перестала раскачиваться, а, наоборот, оттолкнулась ножкой от земли посильнее. Ее длинная зеленая юбка шуршала на лету, и черные волнистые волосы развевались, выбившись из-под шляпки.

— О, мистер Такер! — воскликнула она с насмешливой улыбкой. — Как поживаете, сударь? Извините, что не могу прервать свое очень важное занятие!

— Не стоит прерывать. Надеюсь, ваша матушка примет меня без доклада?

Она зацепилась носком за траву, чтобы остановить качели, и Гончар помог ей, схватившись за цепь.

— Нас никто не видит и не слышит, — сказала она. — Стивен, почему ты так долго не приходишь? И что за козлиная борода? Ты стал похож на доктора.

— Не любишь врачей?

— Да кто их любит! Пойдем, мама тебя ждет. Нет, почему ты так долго не появлялся?

— Две недели — это не так и долго.

— Да? Шестнадцать с половиной суток — это не две недели! Я уже думала, что ты в Мексике. Возьми меня под руку. Не уезжай в Мексику, хорошо? Отец говорит, что ты мог бы купить там ранчо. Но это же так ужасно — провести всю жизнь среди скотины и

кактусов! Так что не уезжай.

— Красивое у тебя платье, — сказал он, чтобы сменить болезненную тему.

— Ты тоже нарядился, как на прием к английской королеве. А я больше люблю походную одежду. Вообще мне по душе жизнь в поле. Я бы хотела всю жизнь провести с папой в экспедициях. Или, как ты, кочевать с шайенами.

— Вот этого не надо.

— Почему? Думаешь, я такая неженка? Думаешь, я слабее твоих подружек?

— Ты не слабее. Но кочевая жизнь хороша только летом. А когда наступает зима, лучше жить в городе.

— Ненавижу города. Тесно мне в городе. А тебе?

— Маршал-Сити — какой же это город. Две улицы, три дома. Да и Денверу еще далеко до настоящего города. Вот если бы мы жили в Чикаго, в Нью-Йорке...

— А там, откуда ты родом, — перебила Милли, — там есть большие города?

— Да, — коротко ответил Степан.

Он чуть было не принялся рассказывать ей о Петербурге и Москве, об Архангельске и Одессе.... Там, откуда он родом, осталось много чудесных городов, любимых городов. Гончар вдруг вспомнил, как в осеннем Тбилиси неспешный фуникулер вознес его на вершину Мтацминды, и как он спускался оттуда пешком, прикладываясь к бутылке белого вина. И тут же память перенесла его в Таллин, на самый последний этаж высотной гостиницы «Виру», куда его вознес скоростной лифт, и откуда он тоже спускался пешком, три дня, застревая в барах и чужих номерах.... Воспоминания обожгли его, как вспышка близкого выстрела. «Да что это со мной сегодня?» — с тревогой подумал Степан.

Милли обиженно поджала губы. Но она еще не умела наказывать собеседника презрительным молчанием, и выдержала только три секунды.

— Ты скрытный, сухой и бессердечный, — сказала она. — Когда ты лежал в бреду, то говорил на нескольких языках. И рассказывал сказки. Ты был таким смешным... А теперь ты снова превратился в каменного рыцаря с железным сердцем. Но я хочу знать о тебе всё. Если ты мне не доверяешь, то кому тогда вообще можно доверять?

«Интересно, какие такие сказки я мог ей рассказывать, — подумал Степан. — Неужели про ковры-самолеты компании «Аэрофлот»? Или про волшебный ящик с живыми картинками и меняющимися цифрами, семнадцать дюймов по диагонали?»

— Я бы не приехал, если б не доверял тебе, — сказал он. — Потерпи немного, разбойница, скоро я раскрою все свои страшные тайны.

— Только не при маме, — шепнула Милли, поднимаясь на крыльцо.

Оливия Фарбер сидела у камина, ее ноги были укрыты пледом.

— Извините, Стивен, мне немного нездоровится, — улыбнулась она, откладывая книгу. — Ничего серьезного, неизбежное осеннее недомогание. Какой вы нарядный сегодня. Похоже, ваши дела продвигаются успешно?

— Вашими молитвами, — Гончар поклонился, пожимая протянутую ему горячую руку.

«А ведь у нее температура, — подумал он. — Дать бы ей сейчас аспирин. Только где ж его взять. В аптеке только хинин да микстуры от кашля».

— Леопольд очень хотел вас увидеть. Кажется, он придумал, каким образом вы сможете переждать неблагоприятные времена. Могу я вас спросить, Стивен, какими языками вы владеете?

Милли язвительно заметила:

— Спросить-то ты можешь, да только он не ответит. Таких скрытных типов я в жизни не встречала.

— В твоей жизни еще все впереди, — махнула рукой мать. — Что скажете, Стивен? Как у вас дела с немецким, французским, испанским? Может быть, знаете шведский или русский?

Гончар задумался.

— Раньше я довольно легко читал по-немецки. Но у меня уже давно не было практики.

Испанский знаю только на бытовом уровне. То есть не умру с голоду в мексиканской харчевне. Русский? Да, немного знаю. Шведский? Даже не слышал никогда. Как видите, картина довольно безрадостная. Если профессор хочет пристроить меня переводчиком, то я — не самый перспективный кандидат.

— Отчего же? Откровенно говоря, я поначалу довольно скептически воспринимала эту идею, но сейчас она кажется мне вполне приемлемой. Но об этом после. Расскажите, как складываются ваши дела в Маршал-Сити?

Мелисса стояла за спиной матери, обняв ее за плечи, и Степан мог видеть одновременно обеих — и благосклонную улыбку профессорской жены, и насмешливый взгляд профессорской дочки. Он подробно рассказал, как отремонтировал помещение старой скобяной лавки и как устроил конкурс, подбирая продавцов и управляющего для обувного магазина. Самым трудным оказалось найти в городе хоть какого-нибудь художника, чтобы украсить магазин достойной вывеской и разместить по всему городу и на подъездных путях соответствующую рекламу. Оливию Фарбер очень удивило, каким высоким спросом пользовались среди жителей Маршал-Сити индейские мокасины, и тогда Степан пообещал в следующий раз привести ей несколько пар — эта обувь одинаково хороша и для прогулок по лесу, и в качестве домашних тапочек. Он знал, что здесь его никто не спросит о доходах, и сам привел некоторые цифры и расчеты. А когда Гончар сообщил, что собирается строить дом, Оливия Фарбер заметила:

— Но вы же не собираетесь навсегда осесть в Вайоминге? Впрочем, хороший дом всегда можно выгодно продать.

— И переехать в Денвер, — добавила Милли.

Где-то в глубине здания прозвенел входной колокольчик, и Оливия Фарбер глянула на настенные часы:

— Кажется, Леопольд пришел. Он сам вам все и расскажет.

Профессор Фарбер тоже не удержался от замечаний по поводу нового костюма Степана.

— Для торговца вы одеты слишком импозантно, — сказал он. — Жилет хорош, но к нему не мешает добавить золотую цепь от часов. И часы должны быть массивные, хорошо бы с парой рубинов на крышке. Кто вязал ваш галстук?

— У меня нет лакея, — развел руками Гончар.

— Положим, это доверяют не лакею, а жене. Но в любом случае получилось недурно. Оригинально, но строго. Где вы научились этому?

— Уже не помню.

Мелисса захлопала в ладоши:

— Ага, что я говорила? Даже папе не удалось ничего выпытать!

Фарбер взял Степана под локоть:

— Мистер Питерс, уединимся в библиотеке. Через пять минут Росита подаст нам кофе, а скрасить томительное ожидание мы сможем с помощью бесподобного бренди.

«Кажется, семейство Фарберов серьезно заинтересовалось происхождением бродяги из Небраски, — подумал Степан. — Никогда раньше они не задавали мне столько вопросов, пусть и косвенных, о моем прошлом».

Словно прочитав его мысли, профессор заговорил:

— С детских лет я запомнил простое правило. Если не хочешь, чтобы тебе лгали, не спрашивай лишнего. В путешествиях мне встречались разные люди, и я никого из них не вынуждал лгать. Они сами рассказывали о себе то, что считали нужным. Неважно, говорили они правду, или сочиняли. Я не заставлял их лгать. Но есть вещи, которые необходимо знать с максимальной точностью. Например, отправляясь по реке, не мешает осведомиться, умеет ли плавать твой попутчик. Понимаете, о чем я?

— Не совсем, — признался Гончар.

Профессор плеснул бренди на донышко широкой рюмки.

— Божественный нектар. Попробуйте, и вы никогда не сможете пить ничего, кроме

французского коньяка. Это из Франции. Полагаю, вам известна ценность этого напитка? Хотя... Вы непохожи на француза. Итальянских корней в вас тоже не чувствуется. Иначе Оливия моментально узнала бы в вас земляка.

— К чему эти расспросы, доктор?

— Вы не догадываетесь? — Профессор подвинул рюмку к Степану. — Обратите внимание на аромат. Немного цветочный, не правда ли? Я бы сказал, женственный запах. Виски — это мужчина. А в коньяке заключена женская субстанция.... Извините, что я так долго подбираюсь к сути разговора. Но тема довольно щекотливая.

— Черт возьми! Не узнаю вас, док, — грубовато засмеялся Гончар. — Мы с вами рылись на чужих приисках, мы перестреляли кучу народа, какие еще щекотливые темы остались после этого? Говорите прямо. Время — деньги, слышали такую поговорку?

— Извольте, скажу прямо. Стивен, моя дочь потеряла голову из-за человека, о котором ничего не знает. Не говорите ничего, просто послушайте меня. Ей шестнадцать лет, в ее жилах течет наполовину итальянская кровь. Шекспировской Джульетте, насколько я помню, было четырнадцать. Или еще меньше? Лучше бы это случилось с Мелиссой хотя бы года два назад. Тогда бы все уладилось само собой. Но она считает себя взрослым человеком и уже не играет в дочку-матери, а строит планы. Женская природа берет верх, и Мелисса видит в вас будущего отца своих детей.

Профессор задумался, смакуя коньяк.

— Она сама вам об этом сказала? — спросил Гончар.

— Боже упаси. Есть вещи, о которых не говорят. И есть такой инструмент, как родительское сердце. Может быть, если бы Оливия не была так близка с дочерью, мы бы ничего и не узнали. Но мы знаем. И вы теперь тоже знаете. Что скажете?

Степан ослабил узел галстука, который вдруг показался ему ужасно тесным.

— Что я могу сказать? Судьба подарила мне знакомство с вашей семьей. Я не хочу причинить вам ни малейшего беспокойства. Развернуть перед вами свою родословную? Предъявить фамильный герб? Мне казалось, что вы достаточно хорошо меня узнали. Я не женат. Вам известно, чем я занимаюсь и к чему стремлюсь. И, раз уж об этом зашла речь... Что же, я был бы счастлив жениться на вашей дочери. Хотите знать о моем прошлом? Но прошлого не существует. Во всяком случае, у меня за плечами тридцать лет, прожитых честно. В Небраске, Дакоте и Вайоминге вы не найдете ни одного человека, который мог бы назвать меня трусом или обманщиком.

Фарбер примирительным жестом выставил перед собой ладони:

— Не сомневаюсь! По крайней мере, среди живых таких нет. Но я не касаюсь вашего прошлого. В данной ситуации меня гораздо больше занимает ваше будущее. Вы бы на моем месте тоже не спешили благословить единственную дочь на брак с человеком, который скрывается от правосудия, так?

— Так.

— Ну, и что мы будем делать?

— Ну, док... Зависит от того, что вы предложите. Ведь у вас наверняка уже есть какие-то планы.

— Что вы, никаких планов. Хотя некоторые идеи могут показаться вам вполне достойными. Например, такая. — Профессор отвернулся к книжному шкафу, и проводя пальцем по тисненым корешкам, заговорил медленно и осторожно, взвешивая каждое слово. — Вы уезжаете, скажем, на год. Вы не показываетесь у нас, пока не разрешится эта история с обвинением в убийстве. За это время Мелисса повзрослеет, станет более благоразумной. Возможно, у нее появятся новые интересы, новые впечатления, новые знакомые, в конце концов. Если же она сохранит свои чувства, то у меня не будет никаких возражений. Но дайте ей время, Стивен!

— Следовательно, я должен уехать в Мексику? — уточнил Степан.

— Нет. — Фарбер снова развернулся к нему, явно приободренный тем, как легко был воспринят его совет. — То есть все должны думать, что вы туда уехали. А на самом деле вы

отправитесь совершенно в другом направлении! Что вы знаете о России?

«Так вот оно что! — подумал Степан. — Вот и не верь после этого во всякие предчувствия. То Павловск, то этот вопрос, говорю ли я по-русски. Неспроста все это лезло в голову. Словно кто-то заботливо готовил меня к такому повороту. Ну, спасибо за подготовку».

— О России? Хм. Знаю, что это огромная страна. Много в ней лесов, полей и рек. Там легко спрятаться, если вы это имели в виду. Но слушайте, профессор... — Степан запнулся, подыскивая выражение помягче. — Почему Россия, а не Китай или Индия? Вы бы еще предложили мне слетать на Луну.

— Нет-нет. Речь не об этом. Россия, действительно, огромная страна. Но даже на ее просторах не находится места для людей, которые хотят сохранить свои религиозные обычаи. Удивительно, не правда ли? Я легко могу понять ирландских католиков, которые не могут ужиться с англичанами-протестантами. Им просто некуда деться на своем островке, вот они и пересекают океан. Я понимаю, почему в Америку стремятся немцы, которые не могут найти достойную работу в переполненных и тесных городах. Но русские религиозные диссиденты — это совсем другой случай. Они несколько столетий потратили на то, чтобы отделиться от государственной церкви, укрывшись в труднодоступных районах. Но, похоже, цивилизация в России продвинулась слишком далеко, и теперь несчастным староверам негде скрываться. Во всяком случае, примерно такую картину обрисовали мне в иммиграционном департаменте. Так вот, Стивен. Весной в Маршал-Сити прибудет экспедиция, и вы присоединитесь к ней. Русским нужен специалист по незаселенным землям. Они хотят перевезти в Америку несколько сотен семей, и вы подскажете им, где можно разместить новые поселения так, чтобы не озлобить индейцев и не нарушить права землевладельцев. Это работа как раз для вас, вы же занимались этим в Дакоте.

— В Вайоминге мы вряд ли найдем свободное место для нескольких сотен семей, — заметил Гончар.

— Я знаю. Но есть еще Скалистые горы, есть бассейн Колорадо, есть, наконец, Оклахома. Обследование только этих территорий займет не меньше года. Понимаете? Как вам такая идея?

— Прекрасная идея. — Степан встал. — Скажите, док, вы уже знали об этой экспедиции, когда отправляли меня в Маршал-Сити?

— Нет. Этот городок показался мне тогда самым подходящим укрытием в силу своей труднодоступности. А экспедиция придет туда, потому что Маршал-Сити стоит на самой границе освоенных земель. Дальше — только горы, пустыни и индейцы. Понимаете, Стивен? Найти вас там, где будет работать экспедиция — это просто физически невозможно даже для лучших ищеек Пинкертона.

Степан Гончар почувствовал что-то вроде разочарования. Нет, он не собирался никуда уезжать. Но едва Фарбер заговорил о России, в памяти Степана на миг промелькнули огни Пулковского шоссе... Может быть, незачем искать Ущелье Туманов по всей Америке, а просто вернуться... Куда? В Россию, в блистательный Петербург? А что... Нанять извозчика и выйти из экипажа на ту самую обочину, с которой он когда-то провалился в чужой мир. Может быть, там еще не захлопнулась калитка, ведущая в прежнюю жизнь?

«Нет, — подумал Степан. — Мой мир — здесь. Я живу здесь и сейчас. А все, что осталось за обочиной — оно уже не мое».

— Спасибо за заботу, профессор, — сказал он. — Но русская экспедиция прекрасно справится и без моей помощи. Говорите, они прибудут весной? К этому времени я уже налажу свой бизнес где-нибудь в Акапулько. Если судья Томсон захочет меня найти, мой новый адрес он узнает у мэра. И можете не сомневаться — в течение года я ни разу не появлюсь в вашем доме.

3. ООО «Дороги Вайоминга»

Зима — не лучшее время для путешествий. Перевалы скрылись под снегом, и при всем желании Степан Гончар не смог бы уехать из Маршал-Сити. Хорошо еще, что Эрни успел завезти ему достаточно товара, иначе фирма «Такер и сыновья» зачахла бы на самом первом этапе своего развития.

Коротая вечера за покером в компании мэра, шерифа и хозяина гостиницы, Степан досконально узнал и недолгую историю городка, и его перспективы. Маршал-Сити был конечным пунктом одного из южных ответвлений Орегонской тропы,¹ соединявшей Небраску и Ванкувер. Здесь, в плодородной долине между гор, после Гражданской войны появились сотни ферм. Жившие на этих землях индейцы-паюты не сопротивлялись нашествию белых. Часть их ушла в горы, но большинство осталось. Паюты легко ужились с пришельцами, и многие из них стали батраками на фермах. Урожай кукурузы и пшеницы тут были намного богаче, чем на Востоке, а среди холмов и озер имелись отличные пастбища. Фермеры процветали, процветал и город, ставший столицей округа. Однако зимой в Маршал-Сити все замирало. Когда-то жители города рассчитывали, что здесь пройдет железная дорога, связывающая Вайоминг и Колорадо, но этим планам не суждено было осуществиться.

Впрочем, такое положение не устраивало только торговцев и владельцев отелей. А вот шериф Палмер, например, не очень-то и огорчался. Изолированное положение города ему нравилось хотя бы тем, что сюда не заглядывал разный сброд вроде ирландцев да китайцев, которые оседали вокруг железнодорожных станций и добывали там уголь для проходящих поездов.

— Вот вы стонете, что линия прошла мимо нас, — говорил он. — Посмотрим, как начнут стонать наши преуспевающие соседи, когда китайцы выкопают из-под земли последний уголек, а ирландцы срубят последнее дерево на дрова для паровоза. И куда денется вся эта шваль? На большую дорогу, вот куда.

Обычно на такие тирады следовал ответ со стороны Бенджамина Хилтона.

— У вас подрастают сыновья, — говорил хозяин гостиницы. — Долго им еще оставаться под родительской крышей? Придет время, и они захотят обзавестись семьей. И куда прикажете им обратить взор в поисках невесты? Я заметил, что каждый раз, когда фермеры съезжаются к нам на ярмарку, в обозах все меньше девушек. Можно, конечно, поискать и на самых отдаленных ранчо, но захотят ли ваши парни крутить хвосты коровам? Вот и получается, что им придется отправиться в другие города. И кто поручится, что они там и не останутся? А вот если бы у нас была хорошая дорога, невесты сами слетались бы в Маршал-Сити.

— Ага, — ухмылялся мэр Гриффит, — невесты, их бдительные матушки и папаши с туго набитыми кошельками. Новые жильцы вашей гостиницы и новые клиенты вашего ресторана.

— И новые шулера, проститутки и аферисты, — добавлял шериф, разглядывая свои карты и стараясь скрыть довольную улыбку. — Нет уж, Бен, довольствуйтесь малым. Лучше честная и спокойная бедность, чем суета ради богатства.

Эти разговоры в конце концов надоели Гончару, и он как-то спросил:

— А почему бы нам не поступить по примеру жителей Денвера? Они тоже возлагали надежды на железную дорогу, но ее проложили севернее. И тогда денверцы сами протянули свою ветку к магистрали.

— Если бы мы, как они, сидели на залежах серебра, мы бы тоже так сделали, — сказал Гриффит. — Но с наших горожан не выдавишь лишний доллар даже на строительство школы. Я уж не говорю о фермерах.

— А знаете, какой товар покупают все без исключения? — Гончар обвел взглядом партнеров.

¹ Тропа, Trail — название маршрутов, соединявших отдаленные районы Запада.

— Патроны и выпивку, — сказал шериф.

— Нет. Газету. Наш «Вестник Вайоминга» расходуется моментально. Я говорил недавно с редактором, и он убежден, что, если бы печатал десять тысяч экземпляров, то и они разлетелись бы за день. Газета расходуется по всему округу, и мне кажется, что ее покупают не только для растопки. Люди читают и перечитывают ее. Так почему бы нам через газету не подбросить им идею насчет дороги?

— Да мы уже столько лет об этом судачим, — махнул рукой Хилтон. — Что толку?

— Давайте хотя бы попробуем, — предложил Степан. — Если идею внедрять достаточно упорно, она рано или поздно засядет в голове читателя. Создадим дорожно-строительную компанию, выпустим акции. Будем печатать биржевые котировки, чтобы народ видел, как кто-то богатеет на акциях, не шевельнув даже мизинцем левой ноги. В конце концов жители Маршал-Сити сами придут к мэру, сами скинутся по сотне долларов, и даже сами возьмутся за лопаты, если потребуется.

— Они придут не к мэру, — сказал мэр. — Пусть они идут в обувной магазин. Вы, Такер, беретесь за это дело? Даю вам полную свободу действий. Пишите статьи, рисуйте плакаты, нанимайте зазывал. Можете даже пригласить оркестр, чтобы разбудить народ от спячки.

Как только перевалы освободились от снега, Степану пришлось тайком наведаться в Эшфорд. Он встретился с Эрни, переговорил с инженером Маккормиком, и в ту же ночь, несмотря на отчаянные уговоры друзей, отправился в обратный путь, увозя с собой наброски проекта. Маккормик пообещал направить в Маршал-Сити одного из своих знакомых инженеров. Старый Коллинз когда-то командовал саперным полком, и еще не забыл, как с помощью динамита и Святого Патрика прокладываются дороги в горах. В части изыскательских работ Гончар надеялся на помощь Фарбера. Себе же он оставил самую сложную часть дела — подготовку общественного мнения и организацию акционерной компании «Дороги Вайоминга».

Никто не спрашивал его, зачем он взвалил на себя столько хлопот. Что может быть спокойнее и безопаснее, чем торговля обувью? Получай свой процент прибыли с каждой проданной пары, следи за управляющим, да выписывай новые образцы — вот и вся работа. Наверно, Степан превратился в настоящего американца. Он не мог устоять на месте, если видел возможность развития нового бизнеса. А строительство дорог обещало принести огромные барыши, хоть и не сразу, а в отдаленном будущем. Но самое главное — обувь стопчется и будет выброшена на помойку. А дорога останется.

Вот в таких заботах и пролетела зима. Степан не забыл про обещание, данное Фарберу, и ни разу не наведаясь в Денвер. Уезжать в Мексику он, впрочем, не собирался — у него было слишком много дел в Вайоминге.

Однажды в начале марта он вместе с Коллинзом объезжал холмы за городом, прикидывая, как бы спрямить неизбежный поворот будущей дороги. Они остановились на болотистом берегу озера, и старый сапер вдруг приложил ладонь к уху:

— Мне послышалось? Мистер Такер, вы ничего не слышали?

Степан оглянулся — и понял, что стариковские уши еще не утратили охотничью чуткость. Из-под низких облаков вывалилась стайка гусей. Радостно гогоча, шестерка птиц низко скользила над бурыми камышами, следуя всем поворотам берега и отражаясь в лужах. Неожиданно гуси разом взмыли вверх, описали плавный круг над озером, а затем пошли на посадку. Они бесшумно планировали, выпустив темные лапы, как шасси. Вспенив воду, гуси снова подняли отчаянный гогот и принялись плескаться так, что от них пошли кругами волны.

— Осенью-то они ведут себя поскромнее, — улыбнулся Коллинз, глядя на птиц из-под ладони. — Улетают молча, зато возвращаются с песнями. Наверно, кричат друг другу: «Еще день полета, и будем дома!» Конечно, любому приятно возвратиться в то место, где родился. Вот они и радуются.

Вернувшись в гостиницу, Степан заметил у коновязи двух новых лошадей. Судя по

засохшей грязи, покрывавшей их чуть не до хребта, кобылы проделали изрядный путь. Под стать лошадям были и их хозяева, которых Степан увидел в холле. Разбитые сапоги и потертые кожаные плащи впитали в себя пыль всего Запада. Плотный бородач дремал, развалившись в кресле. Второй гость стоял у стойки администратора. Гончар понял, что парни безуспешно выпрашивают место для постоя. Однако по непреклонному лицу администратора было видно, что он успел оценить их внешний вид. Плюшевые кресла и пуховые перины Бенджамина Хилтона предназначались не для бродяг. И хотя посетитель, облокотившийся на стойку, был безупречно, до синевы, выбрит, это не могло служить пропуском в отель. Потому что от гладкого квадратного подбородка до самого кадыка тянулся тонкий извилистый шрам, и при каждом взгляде на него портье испуганно моргал.

— Но вы, надеюсь, не будете возражать, если мы дождемся управляющего в холле? — дружелюбно улыбаясь, спросил человек со шрамом.

— Это бесполезно, мистер, — сдержанно ответил портье. — Свободные номера не появятся оттого, что вы поговорите с управляющим.

Сидевший в кресле подал голос:

— Позови хозяина.

— Мистер Хилтон ужинает, и вернется не раньше чем через час, — сказал портье. — Я бы советовал вам не тратить время. Загляните в гостиницу напротив. В «Серебряной Звезде» прекрасные условия, и там всегда есть свободные номера. Можете проехать сто ярдов по улице, и увидите постоялый двор. Там будет удобнее и вам, и вашим лошадям.

— Нам будет удобнее здесь...

Степан прошел мимо, не дожидаясь окончания спора. Эти изможденные путники не имели ни малейшего шанса переночевать в гостинице Хилтона, хотя в отеле и были заняты только три номера из десяти. Бенджамин слишком дорожил репутацией своего заведения, несмотря на то, что такая щепетильность и приносила ему сплошные убытки. Гончар и сам бы предпочел жить в «Серебряной Звезде», выстроенной совсем недавно, а не в этой старомодной развалюхе. Но, во-первых, сюда его направил судья Томсон. А во-вторых, Степану очень нравилось, что из своего окна он видел все подходы к гостинице, а рядом с номером был черный ход. При необходимости он всегда мог исчезнуть отсюда, не привлекая внимания к своей скромной особе.

Переодеваясь, Гончар смотрел не в зеркало, а в окно. Улица поднималась между приземистыми домами и упиралась прямо в хмурое небо. Где-то там, за облаками, проносились над весенней степью невидимые гуси, и Степану казалось, что он слышит их возбужденные голоса. «Каждому приятно вернуться туда, где родился, — вспомнил он. — Наверно, так оно и есть. Вот только хорошо бы знать, где именно ты появился на свет. Где, когда, и кто... Степан Гончар родился в Ленинграде, в 1973 году. Точной даты рождения Стивена Питерса никто не знает, известно только, что он появился в Небраске десятого февраля 1876 года. А в октябре 1879-го из Денвера в Маршал-Сити прибыл преуспевающий торговец, мистер Такер. Ну, и кто же из них — я? И куда мне лететь, чтобы покружить над родным гнездом? А ведь жив еще и Зимний Туман, друг шайенов. Этот парень вообще, наверно, родился в какой-нибудь Год Удачной Охоты, и вырос на бизоньей шкуре, под топот копыт».

Он одернул жилет и поправил золотую цепочку. Пора спускаться к ужину.

Винтовая лестница привела его в кабинет, где уже был накрыт стол. Бенджамин Хилтон сегодня казался озабоченным и никак не отреагировал на комплименты, которыми мистер Такер награждал довольно пресное жаркое из оленины.

— Я получил телеграмму из Чикаго, — сказал он. — Месяц назад скончался родственник жены, и теперь у нее возникли проблемы с разделом наследства. Ей досталась половина дома, но она никак не может ее продать. Видимо, там требуется мое присутствие.

— Так поезжайте.

— Хорошая идея. Как я сам не догадался? — Хилтон саркастически усмехнулся. — Вы никогда не задумывались, Такер, почему это я не отхожу от своей гостиницы дальше чем на

десять шагов? Только до почты — и сразу обратно. Не задумывались?

— У каждого есть привычки, непонятные для окружающих, — дипломатично ответил Гончар.

— Вы все поймете, если я вам скажу, что эта гостиница — третья в моей жизни. Две первые сгорели. Одна в Денвере, другая в Рок-Спрингс. И каждый раз это происходило тогда, когда я отсутствовал.

Гончар задумался, потягивая вино. Он понимал, что Хилтон ждет от него какого-то совета, иначе не затеял бы этот разговор.

Затянувшуюся паузу прервал осторожный стук в дверь, и в кабинет заглянула горничная:

— Мистер Хилтон! Сэр, кажется, Робин нуждается в вашей помощи. Он никак не может отвязаться от новых гостей!

— Прошу прощения, — Хилтон встал из-за стола.

— Видел я этих гостей, — сказал Гончар, вставая вместе с ним. — Если не возражаете, я пройду с вами.

— Это те ковбои? Кажется, они считают себя слишком крутыми. Не волнуйтесь, Такер, я умею разговаривать с такой публикой.

— Я не волнуюсь. Но мне кажется, они не ковбои. Это иностранцы.

Гончар и сам не знал, почему вдруг так решил. Наверно, потому, что приехавшие говорили слишком правильно.

Они оба сидели в креслах, и одновременно поднялись навстречу Хилтону.

— Вы — хозяин? — спросил тот, что выглядел постарше и покрепче, со светло-русой окладистой бородой.

— Я должен сказать, что...

— Минутку. Что здесь нет свободных номеров, я уже слышал. Сколько стоит отель?

Бенджамин Хилтон был воплощением любезности.

— Есть номера дорогие, есть и более доступные, но сейчас их стоимость не имеет значения, поскольку все они заняты.

— Отель, — четко повторил иностранец. — Сколько стоит все это? Дом, посуда, белье? Сколько?

— Если это вас так интересует... — Хилтон скрестил руки на груди. — Двадцать пять тысяч долларов.

Иностранец откинул полу жесткого плаща и полез в задний карман джинсов.

— Покупаю.

Он выложил на стойку кипу смятых банкнот. Его спутник быстро отсчитал:

— Восемнадцать, девятнадцать.... Двадцать тысячными,² остальное — мелочью. Пятьсот, шестьсот, две тысячи, две сто, три, четыре, четыре семьсот.... Пять. Пожалуйста, двадцать пять тысяч.

В холле воцарилась мертвая тишина. Хилтон откашлялся и произнес:

— Видимо, вы неверно меня поняли, сэр. Я не имел в виду, что...

— Вы назвали цену, — перебил его иностранец. — Я даю деньги. Что вас не устраивает?

Бенджамин Хилтон оглянулся на Гончара. Степан решил придти ему на выручку.

— Джентльмены, мы могли бы обсудить сделку за столом, — сказал он, подходя к стойке.

— Нет времени, — отрезал иностранец. — Берите свои деньги.

Хилтон осторожно сгреб доллары и постучал о стойку, выравнивая края пачки.

— Мы можем оформить бумаги прямо сейчас или завтра утром, как вам будет удобнее, — тихо сказал он.

² Банкноты номиналом в 500, 1000 и 10 000 долларов были в обращении до 1969 года

— Удобнее завтра, — заявил иностранец. — Я валюсь с ног. Скажите всем, кто здесь живет, что у них есть десять минут на сборы. Через пятнадцать минут все номера должны быть свободны.

4. Русские идут!

В отеле «Серебряная Звезда» бережно хранили традиции, сложившиеся во времена покорения Запада. На рассвете постояльцев будил гонг. Повторный удар раздавался через полчаса, и он означал, что в столовой готов завтрак. Степан знал, что его никто не осудит, если он проваляется в постели лишний часок. Но и на кормежку в таком случае можно не рассчитывать. А готовили в «Звезде» отменно.

— Как спалось на новом месте? — скрывая ехидную усмешку под седыми усами, поинтересовался Коллинз, когда Гончар спустился к завтраку. — Говорят, у Хилтона в каждом номере стоит ванна, и перины там в два фута толщиной, это правда?

Степан кивнул, накладывая из общей кастрюли к себе в тарелку жареную фасоль.

— А еще говорят, Хилтон сегодня ночевал у шерифа в участке, — продолжал Коллинз. — Побоялся, видать, сюда перебраться. С такой-то кучей денег. Неужели этот русский и в самом деле вытащил двадцать пять тысяч из кармана? Вы сами это видели, Стивен?

Гончар снова кивнул. Фасоль таяла во рту, и он подумал, что надо было переехать сюда раньше.

— Русский? — переспросил он.

— Ну да, этот сумасшедший князь. Видал я одного русского князя. Он чуть не разорил самое дорогое казино в Мемфисе. Но этот, наш, покруче будет. Посмотрим, за сколько он продаст гостиницу, когда поедет дальше. Больше пяти тысяч ему никто не даст, это уж точно.

— Вы нанесли на карту те высоты, что мы измерили вчера? — спросил Гончар.

— Так точно, сэр.

— Полковник, я же просил вас, — поморщился Гончар. — Никаких «сэров». Я ровно в два раза младше вас.

— Извините, привычка. Возраст не имеет значения. Я работаю на вас, вот и...

— Мы работаем вместе. И в нашей работе вы понимаете больше меня, и больше любого в радиусе тысячи миль. Что вы наметили на сегодня?

— Сегодня нам придется взять с собой помощников. Пора выставять вехи.

— Думаю, с этой задачей вы прекрасно справитесь без меня. Мне придется весь день заниматься магазином. А работников для вас наберет Гриффит.

Коллинз налил себе кофе и подвинул кофейник к Степану:

— У горожан теперь одна забота — как бы вытянуть из князя побольше денег. Что бы такое еще ему продать? Говорят, он простоит у нас не меньше месяца, будет набирать проводников. Если он затеял большую охоту, с ним уйдут все наши помощники. Вся работа остановится. Сами знаете, от лишнего доллара никто не откажется. А у князя этих лишних долларов — море.

— Я придумаю что-нибудь, — пообещал Гончар.

По дороге к своему магазину он миновал несколько лавок, и в каждой с самого утра кипела работа, словно накануне открытия ярмарки. Степана догнал один из его продавцов.

— Доброе утро, мистер Такер! Я так и думал, что сегодня нам придется открыться пораньше!

— Привет, Майк. Ты мог бы не торопиться, твой рабочий день начинается с десяти.

— Сегодня особый день, сэр.

— Только не у нас.

Парень остановился.

— Что же мне теперь, домой идти?

— Раз уж пришел, займись витриной, — попросил Степан, отпирая дверь.

Он закрылся в тесном кабинете управляющего и раскрыл перед собой бухгалтерский журнал. Слушая, как возится за стенкой продавец, он скользил невидящим взглядом по столбцам цифр, но мысли его были далеко отсюда.

С какой бы целью ни прибыл в Маршал-Сити русский князь, в жизни города начнутся перемены. Да они уже начались. Если намечается большая охота, сюда потянутся проводники со всей округи, и не исключено, что среди них будут и те, кто хорошо знал Стивена Питерса. Даже если они и не слышали еще о его новом положении, встречаться с ними небезопасно.

Его отвлек шум за окном. Скрип колес, слитный топот множества копыт, возгласы погонщиков и щелканье кнута — эти звуки не могли оставить его равнодушным. В город входил караван.

Степан встал у окна, немного отодвинув занавеску. По улице тянулась цепочка навьюченных мулов. Всадник в лохматой шапке остановился, поджидая фургон. Он привстал в стремях и гаркнул по-русски:

— Подтянись!

«Где князь, там и свита», — подумал Гончар.

Тент фургона был скроен из трех разноцветных полотнищ. Они выгорели на солнце, вылиняли под дождями и пропитались пылью, но при желании их еще можно было считать красным, голубым и белым.

Увидев цвета российского государственного флага, Степан понял, что русские прибыли сюда вовсе не ради охоты. Скорее всего, это и есть та самая экспедиция Российской Американской компании, о которой его предупреждал Фарбер.

Он задернул занавеску. Возможно, профессор был прав, предлагая ему уйти вместе с этой экспедицией. Там-то Стивену Питерсу точно не грозит случайная встреча со знакомыми. Но сейчас он не мог бросить всё и бежать из города. И бизнес тут не при чем. Гончар знал почти наверняка, что, уехав отсюда, он никогда не вернется. И никогда не увидит Милли.

Над этим можно смеяться, этому можно сочувствовать, это почти невозможно понять — но Степан Гончар верил, что ему не жить без Мелиссы. Он слишком хорошо запомнил те минуты, когда валялся на песке, истекая кровью, и холодный туман окутывал его. Тогда у него не было ни сил, ни желания сопротивляться смерти. Он словно спускался по текучей осыпи, и только далекий женский голос заставил его остановиться. Гончар вернулся к жизни из-за этой девчонки. Точнее, ему было позволено вернуться. Должен же быть в этом какой-то смысл. Можно считать, что он заключил сделку с Тем, Кто решает, умереть тебе или жить. И главным условием сделки было возвращение к Милли.

И когда он залечивал раны, а она сидела у его постели, то не было лучшего лекарства от боли и жара, чем ее прохладная ладонь на его лбу. Ее голос, ее приглушенный смех, ее легкие шаги за стеной — эти звуки казались ему самой прелестной музыкой. Рядом с Мелиссой все начинало сиять теплыми красками, как под лучами солнца. А без нее мир погружался в сумерки. Если бы Гончар не питал отвращения к высоким словам, он мог бы сказать: «Милли, разбойница... Ты — мое солнце, моя жизнь. Я не могу жить без тебя». Но он точно знал, что никогда не сможет произнести столь напыщенную фразу. Пусть даже в ней и нет ни капли лжи...

А за окном все тянулся караван, точно такой же, с какими Гончар десятки раз пересекал горы и пустыни Запада. Разница была только в том, что на этот раз к обычным звукам примешивалась русская речь.

— Кунцев! Где Кунцев! Куда его черт понес!

— Не иначе в кабаке! Ваше благородие, дозвоьте за ним сбегаю!

— Я тебе сбегаю! Речкин! Двух караульных оставишь в обозе, с остальными на речку, коней поить! Ваше сиятельство, куда прикажете фуры заводить?

— Что так долго-то, Никита Петрович? — слышался недовольный голос того

«иностранца», который прошлой ночью стал владельцем отеля. — Где застряли?

— Виноват, не уследил, Лукашка на горке фургон опрокинул. Слава Богу, не убили никого.

— Располагайтесь в красном доме на площади, Домбровский вас ожидает. Казаков по трое в комнату. Да предупреди, чтоб простыни на портянки не рвали.

— Кунцев! Кунцев, ты где был!

— Да я тут недалеко. Да в лавку заглянул, насчет крупы да муки.

— Крупы? А усы почему мокрые! Смотри у меня, Кунцев, тут тебе не чисто поле, тут какой-никакой, а город, тут не забалуешь!

— Да я, истинный крест, только попробовал!

— Я тебе попробую...

Голоса отдалялись по улице, а в магазине громко звякнул входной колокольчик, и Степан вышел из кабинета, чтобы посмотреть на посетителя.

Русский князь стоял перед прилавком, заложив руки за спину.

— Я зашел, чтобы поблагодарить хозяина этого магазина, — сказал он. — Если б не ваш указатель, мы бы еще долго плутали. Неплохо придумано, поставить посреди степи вежу со стрелками. Нью-Йорк — две тысячи миль, Ванкувер — тысяча миль, обувной магазин Такера — тридцать миль.

— Я хозяин, — сказал Гончар. — Рад, что вы не свернули к Нью-Йорку.

— Там нам нечего делать, на Востоке. Но, признаюсь, последняя сотня миль оказалась весьма тяжелой. Ни свежей карты, ни проводника. Пришлось довериться интуиции моего помощника, который почему-то был уверен, что впереди есть город, который еще не нанесли на карты.

— В Америке хватает таких городов. Их незачем наносить на карты, потому что завтра они могут исчезнуть.

— Надеюсь, ваш городок избежит подобной участи.

Князь с любопытством оглядывал полки, на которых были выставлены сапоги.

— Желаете что-нибудь купить? — спросил Гончар.

Князь кивнул. На вид ему было не больше сорока лет. Когда он снял шляпу, открылся высокий лоб с двумя залысинами. Борода делала его похожим скорее на крестьянина, чем на аристократа.

— Хочу новые сапоги, — сказал он.

— Майк, помоги гостю. — Степан отошел к кассе, чтобы не мешать продавцу.

— Для верховой езды нет ничего лучше настоящих ковбойских сапог, — обрадованно зачастил Майк. — Мы получаем товар от лучших мастеров. Обратите внимание, из какой мягкой телячьей кожи изготовлены голенища. Но при этом — ни единой складки! Голенище останется ровным, как ствол винчестера, сколько бы рек вы не пересекали вброд. А все потому что они прострочены. Видите — швы? Идеальная прямая линия. А колодка жесткая, как сталь, пощупайте! Это бычья кожа.

— Не люблю жесткую колодку, — сказал князь, с силой тиская носок предложенного Майком сапога.

— О, это она только сверху жесткая, чтобы защитить вашу ногу! А изнутри она очень мягкая и податливая! Надо только первые два-три дня надевать сапоги мокрыми, пока будете разношивать, и кожа растянется как раз по ступне!

— Сколько стоят вот эти, красные?

— Тридцать долларов, сэр.

Степан усмехнулся, оценив предприимчивость Майка. Самые дорогие сапоги еще вчера вечером стоили двадцатку. Наверно, и во всех прочих магазинах сегодня резко подскочили цены.

— Мне нужно двенадцать пар, — сказал князь.

— О, тогда вы получите значительную скидку!

— Это неважно. Вам придется повозиться, подбирая обувь для моих людей. Они очень

придирчивы, и любят торговаться. Сегодня у вас будет много работы. Покажите мне самый дорогой образец.

— Сию минуту!

За стеклом витрины Степан увидел шерифа. Палмер стоял, заложив большие пальцы за пояс. Перехватив взгляд Гончара, он поманил его кивком головы и отошел за угол.

— У вас наступило горячее время, Такер, — сказал шериф, когда Степан догнал его. — Такой наплыв покупателей. Население города выросло сразу на четырнадцать душ. А будет еще больше. Похоже, строительство дороги надолго остановится.

— Вовсе нет. Наоборот, завтра мы собираемся разбить за озером первые палатки для лагеря строителей.

— Кто там будет жить? Коллинз?

— Думаю, что мне самому придется там поселиться, — сказал Гончар. — По крайней мере, пока не прибыли инженеры. Знаете, весной меня всегда тянет пожить под открытым небом.

Шериф остановился, оглядываясь.

— Это хорошо. Это очень хорошо, Стивен. Завидую вам. Охота, простор, никаких забот. Вы любите охоту? Что ни говори, а у зайца, которого сам подстрелишь, совсем другой вкус. Хотя я и не поклонник зайчатины...

— Послушайте, Крис, вы пришли ко мне, чтобы поговорить о дичи?

— Смотря, что вы называете дичью, — спокойно ответил шериф. — Некоторые охотятся на зайцев, а некоторые — на людей. Я был вчера на станции, и видел, как с поезда сошел один такой охотник. Хэнк Форман, из Колорадо. Не слыхали о нем?

— Нет.

— А я его знаю уже года три. Он собирает скальпы. И продает их властям. В среднем по тысяче баксов. Я обязан оказывать ему содействие в поиске преступников.

— А премию — пополам? — спросил Гончар.

— Если бы так! Считается, что с меня хватает и жалованья. Однако я не могу себе позволить ничего лишнего, а Хэнк разъезжает на белой арабской кобыле, носит золотые перстни и шикарный «стетсон» за двадцать долларов. Вы его сразу узнаете по малиновому сюртуку и черному галстуку. Но самая дорогая его игрушка — это «ремингтон» армейского образца. Он бьет на пятьдесят шагов. Говорят, Форман набивает свои патроны каким-то особенным порохом. Не знаю, не проверял. И нет никакого желания видеть, как он работает.

— Навряд ли его «ремингтон» найдет применение в нашем тихом городке, — невозмутимо ответил Степан. Он вытянул из жилетного кармашка золотые часы, щелкнул крышкой и сокрушенно покачал головой: — Мне надо поторопиться. Коллинз будет ворчать, если я задержусь. Если я вас правильно понял, Крис, вы не любите зайчатину. Что ж, надеюсь, вы не откажетесь от оленьей ноги? Как только подстрелю первого оленя, ваша хозяйка получит посылку из лагеря.

— Олени сейчас пасутся за холмами. А в степи полно змей. Будьте осторожнее, Стивен. — Шериф подал ему руку. — И никогда не ходите на охоту без помощника.

5. Капкан для охотника

Говорят, если ты слышишь, как летит пуля, то она летит не в тебя. Эти звуки были знакомы Гончару. Бывало, пули вспарывали воздух над головой, или с пчелиным жужжанием проносились сбоку, или злобно мяукали, отскочив от преграды. Но свою пулю он, как водится, не слышал. Больше того, когда она ударила его в бок, Степан услышал только, как лязгнули его зубы. Уже потом до него донесся треск далекого выстрела.

А еще говорят, что змея не ужалит человека, когда он пьет воду из ручья рядом с ней. Этот закон природы соблюдают даже палачи — они никогда не откажут приговоренному в последнем глотке виски. Но охотник за скальпами не обязан следовать законам или хотя бы приличиям. Его пуля настигла Степана как раз в тот момент, когда тот поднес к пересохшим

губам флягу с водой.

От удара Гончар потерял равновесие. Выронив поводья, он соскользнул с лошади и откатился за валун, возвышавшийся над сухой травой. Тучка фыркнула и подошла к нему. Степан хлопнул ладонью по земле и зашипел, отгоняя кобылу. Она послушно отбежала в сторону, оглянувшись пару раз и, убедившись, что хозяин не собирается встать, принялась щипать молодые былинки, зеленеющие в бурой прошлогодней траве.

Гончар ощупал бок. Крови не было. Пуля угодила в патронташ, где, к счастью, были только пустые гильзы.

«Ну, что же, ты получил еще один шанс, — подумал Степан. — Если противник застал тебя врасплох, и ты еще жив — он в твоих руках».

Он осторожно выглянул из-за валуна, раздвинув траву. Его шляпа валялась на песке в двух шагах от него. Рядом лежала фляга, и из открытого горлышка, булькая, выливалась вода. «Отлично, — подумал Гончар. — Он должен думать, что выстрел был удачным. Со стороны все выглядит именно так: я свалился мешком, при этом потерял самое дорогое, что есть в пустыне — шляпу и воду. И лошадь обнюхала хозяина и отскочила, как от покойника. Да, я покойник, я валяюсь за камнем, подойди и убедись в этом».

Он медленно отполз в сторону, отложил винчестер и достал револьвер. Противник обязательно подойдет к нему. Ведь, чтобы получить вознаграждение, надо привезти к полицейскому участку тело убитого преступника...

Палмер недаром предупреждал его об опасности. Возможно, шериф догадывался, что «мистер Такер» не от хорошей жизни застрел в их глухомани, но ему не было никакого дела до того, что осталось в прошлом. На Западе многим часто приходилось менять не только место жительства, но и имя. Разорившийся промышленник становился удачливым фермером, бывший банкир обзаводился табуном, да и сам шериф наверняка оставил на Востоке что-нибудь такое, к чему не хотелось бы возвращаться. Здесь никто не спрашивал о вчерашнем, в цене было только то, что ты мог предложить сегодня. И если порядочному торговцу угрожает встреча с наемным убийцей, почему бы не предупредить его об этом? Хотя бы для того, чтобы уравнять шансы.

После разговора с шерифом Степан не стал медлить. В ту же ночь он оказался в тридцати милях от Маршал-Сити. Остановив фургон на берегу озера, Гончар прекрасно выспался под шорох сухих камышей и вой далеких койотов. На следующее утро прибыл Коллинз с парой работников, и они принялись за устройство лагеря.

Взяв на себя работу по добыче пропитания, Степан в первый же день подстрелил бизона. Теперь они были обеспечены мясом, по крайней мере, на неделю, но Гончар продолжал каждый день выезжать из лагеря с дробовиком и винчестером. Наверно, работники считали его не самым удачливым стрелком, потому что обычно мистер Такер возвращался с пустыми руками. И неудивительно. Ведь вместо того, чтобы выслеживать дичь, Гончар целый день проводил на макушке холма, в тени густого кустарника. Его Тучка паслась в неприметной ложбинке, а сам он то упражнялся с револьверами, то вскидывал бинокль, разглядывая облачко пыли, показавшееся в степи.

По следу первых фургонов из города тянулись открытые повозки с грузом или с новыми работниками, сидевшими на бортах, свесив ноги. За неделю незаметная тропа превратилась в накатанную дорогу. Шесть больших палаток поставили не в ряд, а кольцом, чтобы в середине лагеря было место, защищенное от неутрахающего степного ветра. По утрам рабочих будили звонкие удары по обрезку рельса, висящего рядом с кухней. А вечерами все собирались вокруг фургона Мамаши, где можно было принять «снотворного», перекинуться в кости да почесать языки. Там-то Гончар и услышал, что в городе появился хлыщ на белой арабской кобыле. И понял, что ждать осталось недолго.

Степан был готов к засаде, но все-таки прозевал выстрел, и вот теперь валялся за камнем, ожидая, когда Хэнк Форман соизволит прикончить его.

Он не чувствовал ни страха, ни злости, и заботился только о том, чтобы все сделать правильно. Убегать — поздно, нападать — не на кого, остается только ждать, глядя на

происходящее как бы со стороны, с высоты птичьего полета. И пытаться представить себя на месте противника. «Ему сейчас тоже несладко, — думал Степан, прислушиваясь к тонкому посвистыванию ветра в сухой высокой траве. — Сначала пришлось долго лежать на колкой земле, поджидая меня. А теперь он, наверно, подкрадывается, переползает в траве, и вся его одежда уже в колючках, и песок набился в рукава. Ему придется встать, чтобы увидеть меня. Но он понимает, что, как только встанет, я его уложу. Это в том случае, если я жив. Он надеется, что убил меня. Он почти уверен в этом, и ему самому кажутся лишними все эти предосторожности. Но он будет ползти, и не поднимет головы лишний раз. Черт возьми, сколько хлопот из-за какой-то тысячи долларов! Да я не задумываясь заплатил бы ему больше, лишь бы он успокоился и оставил меня в покое. Столько дел в городе, да и лагерь нельзя оставлять без присмотра, а мы тут играем в прятки. Два солидных человека валяются на земле, и один из них так и останется лежать. И все из-за того, что Хэнку Форману хочется увеличить свой счет в банке».

Он услышал, как Тучка переступила на месте и тряхнула гривой, а потом коротко всхрапнула. Степан скосил глаза на нее. Кобыла замерла, повернув голову. Она что-то увидела в траве.

«Со спины заходит», — понял Гончар, бесшумно перекатываясь на другой бок. Он распластался на земле, держа револьвер обеими руками. Где-то впереди с легким хрустом ломались стебли травы. Степан и не знал, что способен различить такие звуки. Но он вдруг понял, что слышит даже тиканье часов, упрятанных в карман жилета. А непрерывный пульсирующий гул — это шумит в ушах его собственная кровь. Он не замечал только своего дыхания, потому что не дышал. Зато впереди все яснее слышалось дыхание противника.

Но вот и оно замерло.

Может быть, Тучка заметила зайца? Невинный зайчишка, исхудавший за зиму, возится в траве, и не подозревает, что на него нацелен кольт сорок пятого калибра. Как тебя зовут, несчастный грызун? Случайно, не мистер Форман?

— Эй, Питерс! — послышалось из травы.

«Спасибо, Хэнк, — подумал Гончар. — Ты облегчил мне работу. Кроме тебя, никто не назвал бы меня Питерсом».

Степан вытянул руку, наведя револьвер на дрожащие сухие колоски. Он уже точно знал, где находится противник.

— Нет здесь никакого Питерса... — страдальчески промычал он, прикрыв рот ладонью и немного отвернувшись, чтобы звук дошел до Хэнка, отразившись от валуна. Среди охотников полно любителей стрелять по любому шуму. Им и невдомек, какие шутки иногда вытворяет эхо. — Я Такер... Кто-то стрелял в меня...

Трава оглушительно зашуршала, и над ней приподнялась человеческая фигура. Гончар нажал на спуск, и силуэт исчез за облаком дыма. Еще выстрел, и еще один — и каждый раз он опускал ствол на дюйм ниже. Гончар бил по цели, невидимой за дымом, но был уверен, что не промахивается. Ему казалось, что он слышит удары пуль по неподвижному телу.

Он привстал и перекатился в сторону, через валун. Выждал, поднялся на колени, и снова выстрелил, теперь уже не наугад, а по темному пятну в траве. А потом подошел к убитому, продолжая держать его на мушке.

Пули прошли беднягу насквозь. Бурый дождевик был изодран на спине, сквозь кровавое месиво белели осколки ребер. Гончар носком сапога перевернул труп и увидел малиновый сюртук.

Степан нашел в траве «ремингтон». По виду револьвер почти ничем не отличался от армейского кольта, но казался немного тяжелее. На перламутровой рукоятке темнели девять грязных зарубок. Вытряхнув патроны, Гончар подозвал Тучку и засунул трофейный ствол в седельную сумку, а потом отправился искать белую кобылу Хэнка.

Это было несложно. Подползая, Форман оставил хорошо заметные следы, и по ним Степан вышел на вершину невысокого холма. Здесь было расстелено одеяло. Карабин «шарпс» опирался стволом на крестовину, как ручной пулемет на сошки. Степан воткнул его

стволом в землю, к прикладу привязал свой красный платок — по этому ориентиру, видному издалека, можно будет разыскать Хэнка. Это сделают рабочие. Сам Гончар уже и так потратил на него слишком много времени.

В ямке, под пучком травы, он нашел флягу с холодной водой и наконец-то смог напиться вволю, мысленно поблагодарив неудачливого охотника за скальпами.

За холмом стояла белая лошадь. Поводья были привязаны к штыку в земле. Степан ласково похлопал кобылу по шее и, перехватив повод, повел ее за собой в лагерь.

— Сегодня у нас на ужин конина? — спросил Коллинз, но ухмылка вмиг исчезла с его лица, когда он увидел развороченный патронташ Гончара. — Что случилось, Стивен?

— Стреляли. — Степан задрал рубашку, чтобы осмотреть бок. — Ого. Будет роскошный синяк.

— Кто стрелял?

— Он не успел представиться. Придется отправить за ним повозку, сам он придти не может.

Гончар вдруг почувствовал, что не может дышать. Каждый вздох отдавался дикой болью в ушибленном боку.

— Что, больно? — спросил Коллинз. — Надо взять у Мамаши льда. Лучшее лечение — холод, покой и глоток виски. А насчет повозки... Не знаю, Стивен. Гонять мулов туда-сюда? Не проще ли его по-тихому закопать на месте?

— Тогда нам придется и кобылу съесть. По-тихому. Нет, полковник, ни к чему давать повод для новых сплетен. Пусть ребята отвезут тело в город и похоронят на кладбище. Может быть, его кто-то узнает. Например, шериф.

— Палмер вряд ли обрадуется такой посылочке, — заметил старик. — Не будет он приставать с вопросами?

— Не будет. Дело обычное. Парень стрелял первым, из засады. Я ответил. Мне повезло больше, чем ему. Какие тут вопросы?

— Хотите все делать по закону? — Коллинз поднес к глазам патронташ Степана. — Если бы пуля попала в снаряженные патроны, вы бы остались без печени.

Гончар пожал плечами. Он не стал объяснять Коллинзу, почему в патронташе были только пустые гильзы. А также почему в последнее время он носил в каждом из карманов жилета лишнюю тяжесть — серебряный портсигар, стальное зеркальце, и такую совершенно ненужную в прерии вещь, как медную пепельницу. Не только старику Коллинзу, но и самому себе он бы никогда не признался, что охотно повесил бы на грудь крест-накрест еще пару патронташей, тоже с пустыми гильзами.

— ...Говорите, он стрелял из засады, продолжал Коллинз. — А знаете, как на войне мы поступали со снайперами? Мы их обкладывали и брали живьем. Для начала их сажали на ствол собственной винтовки...

— Война давно кончилась, — сказал Гончар.

— Кто вам сказал? — Коллинз вернул ему патронташ. — Людей от работы отвлекать не станем. Я сам отвезу тело в город. А вы ложитесь. Я-то знаю, что такое легкая контузия. Минут через десять вы станете не таким добрым.

6. Ожидание доктора Фарбера

Полковник Коллинз проявлял редкую для католика терпимость к убийству и краже, но невыплату заработка считал тягчайшим смертным грехом. «Убивать иногда приходится, чтобы ценой одной жизни спасти десятки других, — говорил он. — Кража означает только то, что у имущества сменился хозяин, а это дело поправимое. Но когда один человек не заплатит другому за его труд, то он согрешит не против человека, но против Бога. Потому что в душе обманутого работника зарождается ненависть. Он ненавидит обманщика. Ненавидит плоды своего труда, присвоенные обманщиком. Он ненавидит сам труд. В конце концов, он может возненавидеть и Бога, который послал его на грешную землю с одной-

единственной задачей — трудиться. Итак, задерживая выплату жалованья, вы совершаете смертный грех. Имейте это в виду, мистер Такер».

Гончар и сам понимал, что надо поддерживать энтузиазм строителей материальным стимулом. Поэтому каждый понедельник его рабочие получали свои десять долларов. На других стройках расчет обычно производился по пятницам, и это вполне устраивало и тружеников, и содержателей различных заведений, которые окружали каждый рабочий поселок. Но в лагере Коллинза установились иные порядки.

Во-первых, здесь не было двух главных развлечений — карт и женщин. Чтобы перекинуться в покер или потискать крутое бедро, надо было потратить выходной на дорогу в город, да еще успеть вернуться к утреннему разводу. На такие подвиги после рабочей недели почти никто не решался.

Во-вторых, недельное жалованье строителя состояло из двух частей — пять бумажных долларов и пять золотых. Степан Гончар по себе знал, как тяжело расставаться с маленькой, но приятно тяжелой монетой, и был уверен, что строители волей-неволей станут обрастать накоплениями.

Каждое воскресенье он отправлялся в Маршал-Сити, чтобы принять ванну, провести вечер в салуне, а наутро, получив деньги в банке, вернуться обратно на стройку.

Вопреки опасениям Коллинза, шериф не стал приставать с вопросами. Наемный убийца был похоронен на городском кладбище, а на его арабке стала ездить жена Палмера. Гибель Хэнка Формана не привлекла к себе интереса обывателей, потому что горожане были слишком увлечены наблюдением за жизнью маленькой русской колонии, обосновавшейся в отеле Хилтона.

Все уже знали, что князь Салтыков пересек половину континента, от Северной Калифорнии до Вайоминга. Его отряд навестил все фактории, сохранившиеся после упразднения РАК. Компанию-то упразднили, но охотники, жившие на факториях, остались. Они продолжали добывать бобра и куницу, и накопили огромные запасы пушнины. Какую-то часть мехов охотники вынуждены были продавать, чтобы обеспечить свое существование, но и то, что осталось, не могло уместиться в грузовые фургоны экспедиции. Впрочем, князь быстро нашел оптимальное решение. Пушнину свезли к реке и на плотях сплывили к ближайшему городу, который находился в каких-то трехстах милях, а там на нее нашлись оптовые покупатели. Примерно десятую часть выручки князь Салтыков выплатил охотникам. Такой кучи денег они в жизни еще не видели. Никто из них не изъявил желания вернуться в Россию. Они продолжили трудиться на своих факториях, но уже не как слуги государевы, а как вольные стрелки.

Те же деньги, которые остались в распоряжении князя, казалось, не представляли для него никакой ценности. Он расставался с ними легко, как будто это были не доллары, а разрисованные бумажки. И этим навсегда покорила сердца жителей Маршал-Сити.

Впрочем, были и те, кто считал князя несусветным скрягой. Например, хозяина игорного дома денежный поток обошел стороной. Казаки сюда не заглядывали, а сам князь Салтыков и его помощник Домбровский, украшенный шрамом, ни разу не присели за карточные столы, предпочитая другой стол, бильярдный. Они оказались непревзойденными мастерами и бились только друг с другом.

Однажды Домбровский, натирая мелком кончик кия, окликнул Степана, наблюдавшего за игрой:

— Такер, а почему это вы ни разу не сыграли с нами? Говорят, вы никогда не промахиваетесь. Боитесь испортить репутацию?

Если бы это сказал кто-нибудь из местных, такую фразу можно было счесть вызовом. Но на дерзость иностранца не стоило обращать внимания, и Гончар только усмехнулся, ничего не ответив.

— А в самом деле, Стивен, — повернулся к нему шериф Палмер, сидевший рядом за стойкой. — Я никогда не видел, чтобы ты играл в бильярд.

— Не только ты, — сказал Степан. — Этого не видел никто.

— Неужели не умеешь? И не хочешь научиться? — не отставал Палмер. — Попробуй, у тебя должно получиться. А вдруг ты сможешь обставить князя? Новичкам везет. Попробуй, Стивен.

Гончар отставил бокал с пивом и подошел к столу. Домбровский, ободряюще улыбаясь, отдал ему свой кий:

— Вы действительно никогда не играли?

— Никогда.

— Однако кий вы держите правильно, — заметил князь.

— Если верить индусам, многие навыки достаются нам от прежних существований, — сказал Домбровский. — Кем вы были в прошлой жизни, Такер?

— Жизнь начинается каждое утро, — ответил Степан. — Вчера я торговал обувью. Такой ответ устроит?

— У нас, на Западе, — вступил шериф, — разговоры о прошлом ведут только на исповеди. А исповедуются не раньше, чем одной ногой нащупают дно могилы.

Князь расхохотался:

— А раньше и незачем! Ладно, давайте для разминки сыграем в два шара.

Домбровский быстро убрал лишние шары со стола, оставив только желтый и красный.

— Правила крайне простые, — сказал князь. — Бить можно только по красному. Желтый шар должен упасть в лузу. Ваш выстрел первый.

Степан обошел стол, оценивая позицию. Когда-то ему доводилось играть в бильярд. Где это было — в Москве или в Питере? Уже и не вспомнить. Но тот стол был гораздо больше этого, и шары были крупнее, а лузы не такие широкие, как здесь. Он увидел, что шары лежат как раз на одной прямой с лузой, и показал на эту линию кием:

— Могу я ударить так?

— Конечно.

— Но это значит, что я выиграл?

— Пока — нет, — сказал Домбровский. — Вам кажется, что шар покатится прямиком в лузу? Так вас ждет большое разочарование. Если бы все было так просто... Но вы бейте, бейте, сейчас сами все увидите. Только возьмите подставку, с ней вам будет удобнее.

— Мне и так удобно.

Степан, держа кий одной рукой, легонько толкнул красный шар. Тот покатился, стукнулся о желтый — и князь только развел руками:

— Браво, мистер Такер. Быстро же вы со мной справились. Но это был удар фехтовальщика, а не бильярдиста.

Шериф Палмер засмеялся:

— Эх, князь! Дайте Такеру кольт вместо кия, он справится еще быстрее.

— Давайте сыграем по-настоящему. — Князь живо расставлял шары. — Кажется, из вас может получиться приличный соперник.

— Простите, но не сейчас. — Степан отдал кий Домбровскому. — Может быть, когда-нибудь я и захочу этим заняться. Но сейчас мне жаль тратить время. Эта игра слишком простая и ничему не учит.

Князь недовольно нахмурился и поставил кий в гнездо.

— Вам надо играть в русский бильярд. А эти ваши «пул» и «снукер»³, действительно, детская забава. Вы, американцы, слишком любите облегчать себе жизнь. И игры ваши такие же, облегченные, чтобы особо не напрягаться. Ну, где это видано, чтобы катнуть шар вдоль борта — и он падает в лузу!

— Мы любим комфорт, но дело не в этом, — возразил Степан, чувствуя себя обязанным вступить за американцев. — Да, пул — не слишком сложная игра, поэтому розыгрыш партии не затягивается, и партнеры сменяются быстро. В результате за вечер все

³ американские разновидности бильярда

успевают наиграться. А в русском бильярде, как я слышал, можно биться часами. Так что ваш бильярд — для аристократов, а пул — игра народная.

— Не столько народная, сколько коммерческая, — назидательно произнес Домбровский. — Как вы верно изволили заметить, за вечер сменяется множество участников, и каждый оставляет денежки в кассе заведения. Значит, чем проще игра, тем выше доход владельца стола.

— Мой образованный товарищ отравлен не только индуистскими, но и социалистическими идеями, он во всем видит материальную сторону, — сказал Салтыков. — Но мне не хочется вас так легко отпускать, Такер. Какие игры вы предпочитаете? Карты и кости не в счет. Скачки? Может быть, устроим соревнование по стрельбе?

Шериф Палмер заметил сдержанно:

— Стивен недавно уже выиграл одно такое соревнование. Получил главный приз.

— Нет, в самом деле, — сказал Домбровский. — Мы умираем от скуки, и нам еще до самой Пасхи придется торчать здесь. Или вы хотите, чтобы в вашем городе не осталось ни капли спиртного?

— Насчет этого не беспокойтесь, выпивкой мы вас обеспечим, — пообещал шериф. — Ваши парни ведут себя прилично, не задираются. Если человек умеет пить, почему бы не налить ему столько, сколько он способен оплатить?

— И куда вы двинетесь после Пасхи? — спросил Гончар, вернувшись к стойке.

Салтыков уселся рядом, и бармен тут же подвинул к нему бутылку виски.

— Туда, где нас нет, — сказал князь, наполняя стопку. — Хотим отыскать свободный уголок земли, мало-мальски пригодный для землепашества. Вот дождемся одного человека, да и тронемся потихоньку.

— Вы неисправимый оптимист, ваша светлость, — сказал Домбровский. — Дождемся? Я уже не надеюсь на это. Скажите, Такер, сколько дней идет телеграмма до Филадельфии?

— Дней? Обычно ее получают через несколько часов после отправления.

— Слышали, князь? Мы отправили телеграмму две недели назад, и ни ответа, ни привета.

Салтыков залпом выпил виски и закусил соленым орешком.

— Экая дрянь, из куриного помета гонят, не иначе, — пробормотал он по-русски, и, снова перейдя на английский, ответил Домбровскому: — Я уверен, что доктор Фарбер сейчас слишком занят. Но как только он освободится, мы получим ответ. Больше того, я уверен, что он сам приедет сюда, как и обещал.

Степан хотел сказать, что доктор Фарбер теперь живет в Денвере, а не в Филадельфии. Но удержался. «Надо будет завтра с утра отбить телеграмму профессору, — подумал он. — Будет приятно увидеть старика, когда он приедет к своим российским партнерам. Еще приятнее будет, если и маленькая разбойница увяжется за папочкой. Она ведь привыкла держаться рядом с отцом».

— А если ваш профессор не приедет? — спросил Домбровский.

— Значит, отгуляем Пасху и отправимся без него. — Салтыков снова наполнил стопку. Он выпил уже половину бутылки, но выглядел совершенно трезвым. — Я не расслышал вашего ответа, Такер. Ну что, пока мы еще здесь, устроим скачки?

— Без меня. Слишком много работы.

— Жаль, что вы не хотите заняться бильярдом, — сказал Домбровский. — У вас явные способности. Скажите, вы сами догадались, что бить надо точно в центр, или это вышло случайно? Вы рассчитали траекторию?

— Не знаю, — признался Гончар. — Когда целишься, не думаешь ни о чем. Просто видишь мишень. И заранее представляешь, как ты в нее попал. Вот и все. И неважно, чем ты попадешь, пулей, стрелой, или бильярдным шаром. Нужна уверенность. И никаких мыслей.

— Уверенность приходит с опытом. Похоже, вы сожгли не один ящик патронов. Вы охотник? Или бывший военный?

— Я торгую обувью.

Наутро, отправив телеграмму профессору, Степан получил в банке деньги и оправился в лагерь в сопровождении нескольких грузовых фургонов. Переправляясь через реку, он увидел, как ниже по течению салтыковские казаки купают лошадей. Несмотря на довольно прохладный день, они резвились в реке голышом. Выбегая из ледяной воды, казаки стремглав неслись к костру, дымившему на песчаном берегу, прыгали на одной ноге, толкались и боролись, совсем как озорные мальчишки. Гончар живо вспомнил, как и сам в детстве, с нетерпением дождавшись теплого апрельского солнца, уезжал с пацанами в Лисий Нос и там плескался на мелководье, и точно так же прыгал на одной ноге, вытряхивая воду из уха... «Как жаль, что я не с ними, — подумал он. — Скоро они уедут, и я больше никогда не услышу русской речи. Как бы самому не разучиться говорить на родном языке».

7. Рука и сердце

Прошла еще неделя. От города уже протянулась накатанная дорога, и, заметив из лагеря поднятую пыль, по ее виду можно было заранее угадать, кого еще следует ждать к обеду — новый отряд эмигрантов, или возчиков рельсов, или одинокого всадника.

В пятницу Степан объезжал участок, где китайцы утрамбовывали засыпанный песком овражек. Обычно на Западе не тратили время на такие работы. Здесь предпочитали укладывать шпалы прямо на землю, сняв только слой дерна. Мелкие промоины заваливали ветками, а овраги просто обходили. Линия получалась со множеством поворотов, и такая методика очень нравилась поставщикам рельсов.

Но Степан, посоветовавшись с Коллинзом, решил все делать основательно, и ни одна шпала не легла на голую землю. Все полотно дороги имело толстую песчаную подушку, благо песка у строителей хватало с избытком после того, как несколько холмов были стерты с лица земли. Пусть дорога росла немного медленнее, зато и расходы не скакали со скоростью лавины. Динамит дешевле рельсов, и рабочее время строителей дешевле ремонтных работ и страховых выплат. На соседних железных дорогах крушения происходили с такой регулярностью, что пора было их уже вносить в расписание.

— С какой скоростью обычно ходят поезда? — спросил Гончар, глядя вдоль блестящей линии рельсов, тянувшейся по берегу озера.

— Хороший локомотив разгоняется до шестидесяти миль на прямой, — ответил Коллинз.

— На нашей ветке они будут делать все восемьдесят.

— Не уверен, не уверен... — протянул старый инженер. — Вы не боитесь, что половина пассажиров не доедет до Денвера из-за разрыва сердца?

— Нет, не боюсь. Ведь они платят за билет перед поездкой, а не после.

Коллинз мрачно усмехнулся и показал плеткой на дорогу:

— Еще кто-то торопится к нам.

Полупрозрачный столб пыли кружился над степью, выдавая одинокого всадника.

Степан направил Тучку к дороге.

— Я жду вестей из города. Проследите, чтобы китайцам сегодня привезли горячий обед. Это не дело, что они перекусывают сухарями и водой.

— Узкоглазые не хотят тратить на еду. — Коллинз недовольно поморщился. — Стивен, если вы ждете новостей, то они сами найдут вас. Не нравится мне, когда вы разъезжаете в одиночку.

— Тогда давайте протянем телеграфную линию. И я буду целыми днями сидеть у аппарата. Полковник, не волнуйтесь. Я уверен, что это летит Майк. И за пазухой у него лежит телеграмма для меня. Знаете, когда ждешь чего-то очень долго, самыми невыносимыми становятся последние минуты.

Он подумал, что Майк и в самом деле мог бы привезти ему телеграмму. От Фарбера, например. Или прямо от судьи Томсона. Все-таки прошло столько времени, пора бы уже и уладить все юридические вопросы. Однако, двигаясь по дороге навстречу всаднику, Степан

очень скоро разглядел, что это не Майк.

Гончар положил винчестер поперек седла. Его левая рука лежала на бедре, и пальцы касались рукоятки «ремингтона». Второй револьвер был справа, на виду.

Если его смог отыскать Хэнк Форман, значит, могут отыскать и другие охотники за скальпами. А известие о гибели Хэнка могло только убедить его коллег, что тот был на верном пути. Степан понимал, что его еще долго не оставят в покое, и поэтому не расставался с оружием.

Он узнал пегую лошадь шерифа по белой груди и черным ногам, но в седле был не Палмер, а кто-то другой. К тому же шериф не любил быструю езду, а этот невысокий наездник мчался во весь опор. Гончар развернул Тучку поперек дороги и встал. Ему уже было видно, что лицо всадника наполовину закрыто красным платком, а из-под шляпы спускаются к плечам две косички. Индеец? Или женщина? Не может быть...

Всадница резко осадил кобылу, и та закружилась на месте.

— Кто тебя предупредил? — обиженно выкрикнула Милли, задыхаясь после скачки. — Я так хотела тебя удивить! А ты сам выехал мне навстречу!

— Ты меня удивила. — Он подъехал к ней так близко, что их колени соприкоснулись, а Тучка недовольно фыркнула, уворачиваясь от хвоста пегой кобылы. — Разбойница, я не верю своим глазам. Может быть, это мираж? Ущипни меня, если ты настоящая.

Она ударила его плетью по бедру.

— Стивен, Стивен, если б ты знал, как я соскучилась. Ты не должен был так поступать со мной.

— Да ты вся в пыли, — сказал Гончар и осторожно коснулся пальцами ее лба. — Дай вытру. А то тебя могут принять за краснокожего.

Милли сдернула платок, открывая лицо, и сняла шляпу.

Степан нежно обхватил ее шею, потянулся к ней и поцеловал в нос.

— Холодная какая!

Она закрыла глаза и замерла. Кровь зашумела в голове Степана, и он поцеловал Милли. Ее тонкая рука вдруг обвила его шею, и мягкие губы раздвинулись. Но в следующую секунду девушка отпрянула с возмущенным возгласом:

— Что за глупости!

Гончар перехватил поводья ее лошади.

— Зачем ты едешь в лагерь?

— Хотела увидеть тебя.

— Увидела?

— Стивен, ты не понимаешь. Я хотела посмотреть, как ты устроился, как идет работа, как ты командуешь строителями. В Маршал-Сити тебя считают героем, вроде Джорджа Вашингтона. Отец-основатель. Мэр долго тряс папе руку и благодарил за то, что он тебя послал в этот городишко.

— Отец знает, что ты у меня?

— Конечно.

— И он так спокойно тебя отпустил?

Мелисса пожала плечами.

— А что такого? Я сама решаю, куда мне ехать. С тех пор, как умерла мама, в нашей семье одна хозяйка — я. Ах, да, ты же еще не знаешь...

— Не знал. Когда?

— В канун Рождества, — спокойно ответила Милли. — Она не мучилась. Две недели пролежала в постели, и однажды попросила вызвать священника. Сразу после причастия закрыла глаза, улыбнулась и затихла.

— Не знаю, что сказать... Мне очень жаль, — сказал Степан, вспоминая мягкий голос и ласковую улыбку Оливии Фарбер. — Она была замечательным человеком.

— Да. И она тебя любила. Мы все тебя любим, Стивен. А ты от нас прячешься.

— Не от вас.

— Поехали к тебе. У тебя отдельная палатка?

— Да. У нас с Коллинзом отдельная палатка.

Она вздохнула:

— Ты ничего, абсолютно ничего не понимаешь. А если к тебе приедут гости, ты их положишь спать с Коллинзом?

— У нас много места, и есть складная кровать. Но ко мне не приезжают гости. Где вы остановились? В «Серебряной звезде»?

— Нет, у князя. Папа собирается через месяц отправиться с ним в горы. Наверно, я тоже поеду с ними. А ты?

Степан кивнул в сторону насыпи, на которой звонко стучали молотками укладчики пути.

— Я не могу уехать.

— Ах, извините, мистер Такер! Я совсем забыла, что без вас тут все рухнет.

Она поджала губы, отвернулась и хлопнула коленями по бокам кобылы, подгоняя ее. Степан остался позади, но не стал торопить Тучку. Он знал, что Милли не выдержит больше минуты. Так и вышло.

— Ты даже не спросишь, как я жила все это время. — Она оглянулась, сердито сдвинув брови. — Может быть, я вышла замуж, а ты делаешь вид, что тебе все равно.

— Не знал, что в Колорадо разрешено заключать браки с детьми.

— Вот опять! Ты даже не знаешь, что мне уже семнадцать лет! Я уже сто раз могла обзавестись мужем!

— Но не обзавелась, надеюсь?

— Ну, тогда я бы не приехала. А ты тут не женился, случайно? Может быть, завел индейскую жену?

— Нет, не завел.

— Тогда кто за тобой ухаживает? Кто стирает твои рубашки?

— У меня их всего две.

— Две? Какой ужас. У мужчины должна быть дюжина сорочек.

— С дюжиной я не справлюсь.

— Подумаешь! Мы с мамой и Роситой обстирывали целую толпу землекопов, когда стояли на Йеллоустоне.

— Подходящее занятие для профессорской дочки.

— Мой муж будет каждое утро надевать свежую сорочку, — твердо сказала Милли. — И дети никогда не выйдут из дома в грязном платье. Если у нас не будет денег на прачку, я все буду стирать сама.

— У нас будут деньги на прачку, — сказал Гончар и осекся.

В последнее время он часто ловил себя на том, что размышляет вслух. Уединяясь на своем излюбленном холме, он не имел других собеседников, кроме Тучки. Той-то было все равно, о чем бормочет хозяин. А вот Мелисса...

— Что? — она остановилась. — Как понимать ваши слова, мистер Такер?

Он смущенно поскреб бороду.

— Ну... Я тоже люблю чистую одежду.

— Ах, вот оно что. — Девушка высокомерно вскинула голову. — А мне слышалось что-то другое.

Она хлестнула плеткой кобылу, но Гончар снова нагнал и перехватил ее поводья, не давая вырваться вперед.

— Нет, постой, разбойница. Тебе не слышалось.

«Что я делаю! — с отчаянием подумал он. — Она еще ребенок, она ничего не понимает, и ничего не видела в жизни. А вдруг она откажет! А вдруг согласится! И что тогда? Где нам жить? И что с ней будет, если меня завтра убьют?»

Но он уже не мог остановиться, и, отдышавшись, выпалил:

— Я сказал, что у нас с тобой всегда будут деньги на прачку, потому что не хочу,

чтобы моя жена погрязла в стирке. Я хочу, чтобы у моей жены были нежные мягкие руки, и чтобы она не изматывала себя домашним трудом. И я хочу, чтобы моей женой была ты.

Милли покраснела, опустив глаза.

— Ну вот, теперь ты все знаешь, — с облегчением выдохнул Степан. — Не представлял даже, что смогу сделать тебе предложение. Ничего более трудного в моей жизни еще не было.

— И ничего более глупого, — отозвалась она. — Стивен, Стивен...

Она вытерла глаза кулаком.

— Только без слез, — попросил он.

— Да это ветер.

Милли отвернулась и всхлипнула.

— Я думала, что все будет не так. А где же колечко?

— Прости, я не ожидал увидеть тебя сегодня. Ну, прости меня, прости. Я обещал твоему отцу, что не появлюсь у вас до осени. Тогда я бы все сделал иначе. С колечком, с цветами, я бы надел фрак и привел бы с собой музыкантов... — Он обхватил ее за талию и привлек к себе. — Я бы встал перед тобой на колено и сказал: «Мелисса Фарбер, согласишься ли ты когда-нибудь стать моей женой?»

— Соглашусь, — сказала она, отталкивая его. — Но, Стивен, на нас смотрит вся стройка.

— Пусть смотрят. Им все равно предстоит гулять на нашей свадьбе.

Он решительно развернул Тучку.

— Поехали в город, сейчас же. Не знаю, как тут у вас обставляют помолвку, но, кажется, я должен немедленно поговорить с профессором.

Мелисса улыбнулась, вытирая мокрое лицо шейным платком:

— Для этого не надо ехать в город. Папа сам уже направляется сюда. Просто я скакала немного быстрее, чем они с князем.

8. Земли неубитых индейцев

Всего за одну зиму Фарбер состарился так, что Степан не сразу его узнал. Профессор ехал рядом с князем, безучастно глядя перед собой и, казалось, не замечал ничего вокруг. Но, когда Гончар подскакал к гостям, Фарбер первым протянул ему руку и сказал:

— Рад, что вы послушались меня и не уехали в Мексику.

— Примите мои соболезнования, док, — неловко выговорил Степан. — Милли мне уже все рассказала.

— Все мы смертны, — Фарбер пожал плечами. — Но мы с вами живы, так займемся делами живых. Я хотел представить вас князю, но вы, оказывается, уже знакомы.

— Немного.

Салтыков укоризненно произнес:

— Это вы называете знакомством, Такер? Я только сегодня узнал, что вы не простой обыватель, а знаменитый проводник. От знакомых не принято скрывать свои занятия.

— Я давно уже не проводник, и никогда не был знаменитым.

Строители ненадолго отвлекались от работы, оглядываясь на кавалькаду. Салтыков с тремя казаками задержался у въезда в лагерь, а Гончар, Милли и профессор подскакали к палатке, над которой развевался звездно-полосатый флаг.

— Вот мой дом, — сказал Гончар. — Добро пожаловать в «Форт-Коллинз».

— Вы делаете успехи, Питерс, — сказал профессор, оглядываясь. — Дорога растет с поразительной скоростью. Кажется, скоро мы будем ездить к вам в гости не на дилижансе, а в пульмановском вагоне.

— Папа, может быть, тебе и не придется ездить в гости к Стивену, — вставила Мелисса, дергая Гончара за рукав. — Он хочет тебе что-то сказать. Ну, говори, пока нам никто не мешает. Это же такой особенный, очень личный разговор, верно?

Степан замешкался. Объяснение с Мелиссой получилось как бы само собой. Говорить же о помолвке с ее отцом — эта работа казалась ему просто непосильной. Но Фарбер его выручил.

— У нас будет еще время для очень личных разговоров, — сказал профессор. — Сначала — о деле. Стивен, у князя накопились вопросы, ответить на которые можете только вы.

Князь Салтыков был настоящим аристократом, хотя по виду и не отличался от своих казаков. Его благородное происхождение проявлялось только в манерах и речи. За стойкой в салуне он изъяснялся на таком же простецком языке, как и все прочие посетители, но теперь, когда его собеседником был профессор Фарбер, князь перешел на изысканный английский, каким владеют только дипломаты.

Правда, спешившись возле палатки Гончара, Салтыков первым делом негромко обратился к сопровождавшему его казаку, и обратился по-русски. Очень по-русски. Казак густо покраснел и, не оправдываясь, выслушал хозяина, а после, отводя лошадей к коновязи, даже поеживался после взбучки. А князь, повернувшись к Фарберу, снова заговорил на языке Диккенса и Теккерея:

— Прошу меня извинить, профессор. Я вынужден был дать несколько особых распоряжений. Мой конь прихрамывает из-за того, что у него разболталась подкова, и под нее попал камень. Я предупредил своего работника, что впредь он должен несколько внимательнее относиться к лошадям.

Степан едва сдержал ухмылку. Князь не счел нужным переводить свои слова про страшные кары, связанные с сексуальным насилием, которые ожидали нерадивого казака в случае повторения подобных оплошностей.

Пройдя в палатку, Салтыков сразу же направился к столу и расстелил на нем карту, извлеченную из-за голенища.

— Я полагаю, что цели и задачи нашей экспедиции известны всем присутствующим, поэтому не будем тратить время на дипломатические преамбулы. Взгляните на карту, мистер Такер...

— Стивен, — поправил князя Гончар. — Зовите меня по имени, ваша светлость.

— Никаких «светлостей», просто «князь». Идет? Так вот, Стивен, для начала я задам вам вопрос, который задаю каждому. Не встречались ли вам в ваших путешествиях по Западу деревни или одиночные фермы, где бы жили русские? Их иногда путают с чехами и поляками...

— Я не спутаю русских ни с кем, — сказал Гончар. — Могу сказать точно. В Дакоте, Вайоминге и Небраске я не встречал эмигрантов из России.

— А в Колорадо?

— Те места я знаю хуже. Но и там я никогда даже не слышал о русских.

— Что ж, примем к сведению... — Князь задумчиво почесал карандашом бороду и снова наклонился над картой. — Посмотрите сюда. На этой карте, как видим, нет никаких границ. Тем не менее, все местные жители прекрасно знают, где им можно пасти скотину, а где нельзя. Я имею в виду территории, которые граничат с владениями индейцев. Можете ли вы сейчас взять карандаш и хотя бы приблизительно очертить на карте эти владения?

— У индейцев нет никаких владений. Если речь идет о резервациях, то федеральное правительство устроило их далеко отсюда.

— Резервации меня не интересуют. Мне важно знать, на каких участках земли могли бы устроиться новые переселенцы.

— Это зависит от того, чем они будут заниматься. Для скотоводов подойдет один район, для землепашцев — другой. С такими вопросами надо обращаться в Географическое управление. К землемерам, к юристам. В общем, к правительству Соединенных Штатов, а не ко мне.

— Я полагал, что вся эта земля принадлежит индейцам, — сказал князь, разглаживая карту ладонью. — Насколько мне известно, Вайоминг не входит в союз американских

штатов. Поэтому договариваться мы будем не с правительством, а с местным населением. Причем с коренным населением, то есть с самими индейцами.

Профессор Фарбер откашлялся, прежде чем вступить в разговор.

— Все не так просто, дорогой князь. Индеец часто просто не может понять, как земля может принадлежать кому-нибудь. Он очень хорошо понимает, что ему принадлежит лошадь, винчестер, женщина — все то, что он может взять с собой. Но земля... Индеец скорее скажет, что это он принадлежит земле. И все наши договоры с ними надо понимать именно так — краснокожие уступали нам право *принадлежать* какому-то участку территории. Мы умрем, или уйдем отсюда, а земля останется.

— Люди, которые поселятся здесь, никуда не уйдут, — сказал князь. — Им некуда уходить. И, между прочим, их отношение к земле ничем не отличается от индейского.

— Есть и еще одна сложность, — продолжал Фарбер, — не столько философская, сколько юридическая. Мне кажется, ваши представления о порядке землепользования несколько устарели. Да, Вайоминг в настоящее время имеет статус Территории, и влияние федерального правительства здесь минимально. Однако позвольте напомнить, что западная граница Соединенных Штатов до сих пор не определена. Она постоянно смещается, и вполне возможно, что уже через несколько лет ваша сделка с индейцами, даже если она состоится, будет признана незаконной.

— Отчего же? — вмешался Домбровский.

— Оттого, что у этой земли будет новый владелец — государство.

— Хотите сказать, что мы торопимся? Делим шкуру неубитого медведя? — Домбровский повел ладонью по карте, словно стряхивая с нее крошки. — Я понимаю, что для Вашингтона очень удобна неопределенность границ. Индейцы не могут построить великую китайскую стену, чтобы раз и навсегда разделить континент с белыми пришельцами. Но как только мы заключим с ними сделку, как вы выражаетесь, и построим первый дом на этой земле — всё, с этого момента будьте любезны договариваться уже не с кочевниками, а с нашими оседлыми земледельцами. А уж те поднаторели в прокладывании межей и воздвижении заборов.

— Но есть постановление Конгресса, которое объявляет все незаселенные земли от Атлантики до Западного океана собственностью правительства, — не сдавался профессор.

— Обычный трюк земельных спекулянтов, занявших государственные кресла, — с усмешкой заявил Домбровский. — Что такое незаселенные земли? Откуда чиновник в Вашингтоне может знать, что тот квадратик на карте, который он продает за тысячу долларов, никем не заселен? Не сомневайтесь, профессор. Наши люди заселят любой участок, дай им только волю. Заселят, расплодятся и расползутся во все стороны. И от Атлантики до Западного океана будет звучать русская речь.

— Это смелый исторический эксперимент, вот и все, что я могу сказать в ответ, — сдался Фарбер.

— Профессор, даже я никогда не спорю с Домбровским, — признался князь и снова наклонился над картой. — Итак, Стивен, что вы скажете, к примеру, вот про эту долину к северо-западу от озера?

Гончар глядел на извилистые линии и блеклые краски карты, пытаясь вспомнить, как выглядели эти места. Медные холмы, голубые горы и изумрудные озера в обрамлении серебристой полыни...

— Там можно встретить стоянки оглала.

— Кто такие оглала?

— Кочевники и охотники. Одно из племен народа, который называется дакота.

— А здесь, восточнее?

— Раньше здесь всегда жили сиссетоны.

— Не знаю таких.

— Оседлые земледельцы. Тоже из дакоты. Их еще называют сиу.

— Сиу? О, про этих-то я слышал. Много слышал. К ним тут относятся так же, как к

апачам в Калифорнии. С такими соседями будет непросто договориться. Но ведь сиу — кочевники, а вы говорите, что они возделывают землю.

— Сиссетоны, дакота, оглала, черноногие, бруле, хункпапа, лакота, тетоны... Я мог бы перечислять долго. Все эти племена называют общим именем «Сиу». Но общим для них всегда был только язык. У них разные обряды, разный образ жизни. Иногда они воюют между собой, чаще — со своими соседями. За что и получили такое название. Ведь «сиу» на языке оджибвеев означает «враг». Кстати, и «апач» значит то же самое, только уже по-арапахски.

— Я не хочу сеять вражду из-за земли, — сказал князь. — Мы умеем договариваться. Значит, говорите, здесь живут сиссетоны? Так и запишем.

Салтыков обвел участок на карте и надписал его.

— Пошли дальше...

Уступив настойчивости князя, Гончар рассказывал о племенах, с которыми когда-то пересекались его пути. Он и сам диву давался, как много случилось таких встреч, и какими разными они были. Одно лето он прожил с женщиной из племени бруле, и научился сносно изъясняться на языке сиу. Их ближайшими соседями были черноногие, с которыми бруле общались только на расстоянии винтовочного выстрела. Гончар так и не увидел ни одного, потому что тех, кого ему удалось подстрелить, сородичи утаскивали с собой.

Князю, как видно, захотелось показать, что он тоже кое-что знает о коренных американцах. Он рассказал о тлинкитах и алеутах, с которыми целый век воевали русские на Аляске, и даже показал диковинный кинжал с двумя клинками. Верхнее лезвие, короткое, было режущим, а нижнее — колющим, как стилет. Рукоятка между клинками была обмотана блестящим черным шнуром, сплетенным из человеческого волоса.

— В бою тлинкиты привязывают кинжал к руке, — сказал князь. — Даже у убитого не вырвешь.

— Это подарок? — спросила Мелисса.

— Тлинкиты не дарят оружие, — ответил Салтыков. — Они вообще не обмениваются подарками. Дарящий проявляет слабость. А слабых надо грабить. Будем надеяться, что у сиу немного другая жизненная философия.

— Другая, — согласился Гончар. — Но враг — не самый плохой сосед. По крайней мере, ясно, чего от него можно ждать. А сиу — непредсказуемы. Никто не знает, как они поведут себя через год. Конечно, поселенцы могут рассчитывать на помощь армии. Но в каждом дворе не поставишь часового.

— Армия? Это не для наших. Нет, мы обойдемся без военных действий.

Они просидели над картой до обеда. Но когда послышались звонкие удары по рельсу, князь и Фарбер отказались от угощения.

— Нам надо спешить обратно. — Князь ловко свернул карту. — Завтра с утра выступаем. Переход небольшой, через пару суток вернемся, но надо все еще сто раз проверить. Знаете, как говорят в армии? Идешь в поход на день, бери патронов на неделю.

— А я должен как можно скорее вернуться в Денвер, — сказал профессор. — Шериф Палмер отвезет нас на станцию и посадит на поезд.

— Позвольте мне проводить вас хотя бы до города.

— Зачем? Вы и так уделите нам слишком много времени.

Но Гончар уже был в седле.

Они с Мелиссой ехали впереди, далеко оторвавшись от остальных всадников.

— Ты сердишься на меня?

— Нет. Это даже хорошо, что ты не успел поговорить с папой. Он еще не готов, понимаешь? Была бы жива мама... Если я выйду замуж, он останется совсем один. Да, хорошо, что мы ничего ему не сказали.

— Я обещал ему, что не появлюсь в вашем доме до осени, — сказал Гончар. — Вот осенью и поговорим. К тому времени многое изменится.

— И тогда ты сбреешь свою ужасную колючую бороду?

— Обещаю.
— А почему ты отказался помочь князю? Он хороший. И без проводника ему будет трудно.
— Он прошел без проводника половину континента. Не волнуйся за него.
— Я волнуюсь не за него, а за тебя. По-моему, ты ведешь себя не слишком осторожно. Если бы я была в розыске, я бы лучше ушла с экспедицией, чем жить на виду.
— Не волнуйся, я буду осторожен.
— Теперь ты должен быть еще осторожнее, чем раньше. Представь, в каком идиотском положении я окажусь, если тебя убьют.
— Да, тебе не позавидуешь.
Она покраснела и снова обиженно замолчала. Тишину нарушал только мягкий топот копыт и поскрипывание сбруи. Гончар хотел сказать что-нибудь ласковое и веселое, но Милли приложила палец к губам:
— Послушай, как поет...
Кто-то из казаков негромко затянул песню.

*Черный ворон, друг залетный,
Где летал так далеко?
Ты принес мне, черный ворон,
Ручку белую с кольцом.
Вышла девка на крылечко,
Пошатнулася слегка.
По кольцу она узнала,
Чья у ворона рука.
То рука ее милого
Знать, убит он на войне,
Он убитый, незарытый,
В чуждеальной стороне.
Его кудри золотые
ковылями зарастут,
Его очи голубые
васильками расцветут.
Кости белые в пустыне
Будет дикий зверь глодать
А душе его по свету
Неприкаянной летать...
Но пришел туда с лопатой
Милостивый человек
И зарыл в одну могилу
Двести сорок человек
Он поставил крест дубовый
И на нем он написал:
«Слава доблестным героям
Забайкальским казакам!»*

Милли слушала хриловатый тенор, задумчиво вплетая в гриву кобылы розовую ленточку. Когда казак умолк, она повернулась к Степану:
— Ты говорил, что немного понимаешь по-русски. О чем он пел?
— Это солдатская песня, — ответил Степан.
— Я сама понимаю, что не ария из оперы Верди. Ты можешь по-человечески ответить? О чем он пел?
— Перевести тебе? Пожалуйста. Девушка увидела, что ворон в клюве несет

человеческую руку. Кисть. На пальце осталось колечко. И девушка его узнала. Она поняла, что ее любимый погиб, и его труп где-то там, в чужом краю, лежит под солнцем и ветром, и его кости достались воронам и койотам.

— Какая грустная песня.

— Да, грустная. Но у нее хороший конец.

— Девушка ошиблась? И ее милый вернулся?

— Нет. Милый не вернулся, потому что его и в самом деле убили на войне. Но он не остался непогребенным. Пришел добрый человек и похоронил его. Вместе с остальными убитыми. Вот такой хороший конец.

— Что же здесь хорошего?

— Ну, ведь могло быть и хуже.

— Что может быть хуже смерти?

— Много чего.

— Ты прав, это солдатская песня. Можешь попросить его спеть еще что-нибудь? А то я так и буду думать об этой девушке. Она отняла у ворона эту руку?

— В песне об этом не сказано. Наверно, отняла. Хотя ворон — птица серьезная. Он ведь мог и голову принести, а не только руку.

— Да, ворон птица серьезная, гораздо серьезнее, чем некоторые люди. Ну, что ты опять смеешься? А знаешь, когда мы поженимся, папа будет жить с нами. Ты же понимаешь, я не могу его бросить. Ты не против?

На этот раз дорога показалась Степану удивительно короткой. Он не успел толком и поговорить с Мелиссой, а лошади вдруг сами остановились на городской площади. Там уже стоял дилижанс, ожидавший профессора, и помощник шерифа прохаживался вокруг с дробовиком на плече.

— Мы прощаемся ненадолго, — сказал Фарбер. — Через две-три недели увидимся. Я буду сопровождать князя. Подумайте, Стивен, может быть, вы все-таки отправитесь вместе с нами?

— Я подумаю.

Он церемонно поцеловал руку Мелиссе и вскочил в седло.

— Мистер Такер, не забывайте о своем обещании, — сказала она, выглянув из-за двери дилижанса.

«Что я ей еще успел пообещать? Ах да, что буду осторожным», — вспомнил Степан.

Шериф Палмер с винчестером в руках запрыгнул на козлы и уселся рядом с кучером.

— Такер, не ожидал тебя тут увидеть! — весело крикнул он. — Если останешься ночевать, не ложись слишком рано. Лучше сыграем вечером в покер. Договорились?

— Ладно, дождусь, — пообещал Гончар.

Выезжая из лагеря, он не собирался оставаться в городе. Но, видимо, у шерифа был к нему важный разговор.

Степан отвел Тучку в конюшню и попросил дать ей побольше овса: кобыла сегодня весь день провела под седлом.

— Вашу лошадку искали, мистер Такер, — негромко сказал негр-конюх. — Спрашивали меня про нее. Описали точь-в-точь, до последнего пятнышка над левым глазом. Я и не помнил про это пятнышко, а как сказали, так сразу само собой вспомнилось. Видно, этот мистер хорошо вашу лошадку знает.

— И что ты ему сказал?

— Чистую правду, мистер Такер. Я же всегда говорю чистую правду. Так прямо и сказал, что в моей конюшне таких лошадей отродясь не стояло. Вы же ее у Хилтона держали, а потом в лагере.

— А у этого мистера не было пятнышка над левым глазом?

Негр не улыбнулся шутке, ответив тихо и серьезно:

— Невысокий, худой, нос длинный, глаза у самой переносицы. Все время улыбается, и все время руки на поясе. А на поясе два револьвера, и оба со спиленными мушками. Знаете

такого?

— Знал когда-то, — сказал Гончар. — Я знал многих таких. Со спиленными мушками.

— Он не один, — добавил негр. — С ним был второй. Стоял за спиной и все подсказывал насчет вашей лошадки. И первый называл его Штерном. А тот его — Карлом. Смешное имечко, да, мистер Такер? Карл. Ладно бы Карлос, Карлито или хотя бы Карло. А то — Ка-а-арл.

— Да, забавное имя, — сказал Гончар. — Ты бы слышал, как зовут этого Штерна. Обхохочешься. Знаешь, как? Фредерик.

— Фредерик! Чего только не придумают, — облегченно вздохнул негр. — Так эти парни — ваши знакомые?

— Мы почти родственники, — ответил Степан Гончар.

9. Поправка к жизненным планам

«Так вот что означали слова шерифа, — думал он, направляясь к себе в отель. — Палмер хотел, чтобы я не уезжал один в лагерь. Он заметил чужаков. Опасных чужаков. Конечно, он не мог мне сказать об этом открытым текстом. Но — спасибо и за такое предупреждение».

Он решил, что наемный убийца, скорее всего, уже обследовал дорогу между лагерем и городом. Возможно, он уже выбрал место для засады. Возможно, что он уже на месте. Между прочим, он там не один — Фредерик Штерн тоже отличный стрелок. У него твердая рука и цепкий глаз художника.

Значит, по всему выходит, что завтра на рассвете, как только мистер Такер, он же Стивен Питерс, появится на дороге, ему предстоит еще раз испытать судьбу.

К такому событию следовало основательно подготовиться, и Гончар, придя в номер, сразу же попросил набрать ему ванну. Он постоял перед зеркалом, задумчиво дергая себя за короткую бородку. Потом решительно достал из саквояжа бритву и помазок. Если Штерн здесь, он опознает Степана в любом виде, хоть с бородой до колена, хоть в напудренном парике. Значит, можно побриться. И тогда, при новой встрече с Мелиссой, он будет целовать ее смело, не боясь исколоть щетиной ее детскую кожу.

Стоило ему только подумать о ней, как все тревоги отступили. Он знал, что все будет хорошо. Рано или поздно все как-нибудь уладится. Можно построить новый дом, или купить особнячок в Денвере. И почему обязательно в Денвере? Жить можно везде, были бы деньги, да голова на плечах. Можно торговать обувью, строить дороги, издавать газету — никто не помешает, ни у кого не надо спрашивать разрешения. Делай то, что нужно людям, зарабатывай деньги и дай заработать другим. Так поступают свободные люди в свободной стране, к тому же, в стране неограниченных возможностей. В конце концов, Степан охотно согласился бы путешествовать вместе с профессором, если тому не сидится на месте. Они неплохо сработались, и Милли отлично держится в седле, и вокруг еще столько неисследованных земель — хватит на всю жизнь.

Отправляясь вечером в салун, Гончар уже распланировал несколько ближайших лет. После окончания прокладки железной дороги он подскажет Фарберу, что есть смысл поискать нефть в Техасе. Сейчас об этом никто и не думает, а лет через десять уже будет поздно. Наверно, где-то в Детройте никому не известный паренек по имени Генри Форд уже мастерит деревянные автомобильчики. Скоро Америке потребуется бензин, а не керосин для уличных фонарей. Скоро земля в Техасе будет стоить дороже, чем в Нью-Йорке. Но пока об этом никто не знает.

Среди завсегдатаев салуна Гончар разглядел Кевина, помощника шерифа, и подсел к нему с кружкой пива.

— Тебя и не узнать без бороды, — сказал Кевин. — В честь чего такие перемены? Собрался жениться?

— Может быть. Шериф еще не вернулся?

— Скоро будет.

— Я смотрю, в городе много новых людей. Прибавилось работы?

— Не то чтобы очень. Вчера была драка. Да в среду джентльмен из Канзаса пытался сорвать банк краплеными картами. Отправили его обратно в Канзас, без карт, ну и без штанов. Вот и все. Нет, Стивен, работы не прибавилось. Я уже забыл, когда последний раз в нашем городе раздавались выстрелы.

Слушая Кевина, Степан пытался рассчитать, во что обойдется экспедиция в Техас. Конечно, ее следовало организовать за свой счет. Никакого государственного финансирования, никаких посторонних участников. Найденные месторождения — а они обязательно будут найдены — должны приносить доход только компании «Фарбер и Питерс». Или «Фарбер и Такер», если имя Стивена Питерса к тому времени еще не вычеркнут из списков разыскиваемых преступников.

Кевин вдруг замолчал и встал из-за стола.

— Опять они тут, — недовольно пробурчал он, поправляя латунную звезду на жилете. — Вчера приставали к Палмеру, сегодня за меня, видать, решили взяться. Пива не дадут попить спокойно. Пойду, потолкую с ними.

— Кто такие?

— Да ищейки из Колорадо. Вон они сидят в уголке, зовут меня. Самим им сюда подойти, конечно, гордость не позволяет.

Гончар не стал оглядываться, чтобы рассмотреть сыщиков. Он сидел спиной к выходу и мог наблюдать за происходящим, глядя в зеркальную витрину бара. Угол салуна отсюда не просматривался, но если оттуда кто-то выйдет, Степан успеет его заметить. Это хорошо. Плохо то, что сам он не успеет дойти до выхода. Они сидят ближе к двери, и перехватят его.

«Кажется, поиски техасской нефти придется отложить», — подумал он.

Гончар вытянул из кармана рубашки сигару и отрезал кончик складным ножом. Чиркнул спичкой, затянулся и выпустил облако дыма. После всех этих манипуляций открытый нож незаметно оказался в рукаве. На всякий случай. Он не знал, как здесь принято арестовывать. Однажды в Юте Гончар помогал местному шерифу задерживать беглого каторжника. Тому связали и руки, и ноги, да еще пропустили веревку вокруг шеи и привязали к щиколоткам, так что бедолага не мог и шелохнуться. Опутанного веревками, его закинули в фургон и отправили к месту судопроизводства, в Орегон. Позже Степан узнал, что парню все равно удалось выпутаться и сбежать, прихватив все, что было в фургоне. «Наверно, он припрятал нож в рукаве», — сказал тогда шериф из Юты. И Степан запомнил эти слова. Он старался запоминать все. На всякий случай.

Впрочем, пока он еще не был опутан веревками, и наручников на запястьях тоже пока не наблюдалось. Зато наблюдались неприятные перемены в окружающей обстановке. Трое пьяниц, сидевшие за стойкой бара, вдруг соскочили с высоких табуретов и, оглядываясь, побрели к выходу. Бармен зачем-то снял с верхней полки хрустальный кубок, приз за меткую стрельбу, и принялся протирать его тряпкой, а потом поставил не на старое место, а куда-то под кассу. В зеркале Степан видел, что распашная калитка салуна качается туда-сюда. Наконец, входная дверь гулко хлопнула, выпустив на улицу последнего посетителя. В салуне остались только Гончар и трое за угловым столом.

«Да, давненько в нашем городе не было слышно выстрелов», — подумал Степан, стараясь унять легкую дрожь в груди. Его всегда немного знобило перед схваткой.

Он подошел к стойке и бросил монету на блюдце для мелочи.

— Налей-ка мне еще пива, старина.

Бармен поставил перед ним полную кружку, боязливо скосив глаза.

— Не нравятся мне эти приезжие хмыри, — пробормотал он. — Не к добру у нас такие гости. Сдается мне, они тут кого-то поджидают. Шли бы вы домой, мистер Такер.

— Я жду, когда шериф вернется со станции. Он собирался перекинуться со мной картишками.

— Палмер давно вернулся, — сказал бармен. — Дилижанс проехал час назад. Если вам

нужен шериф, он наверняка сейчас сидит у себя в участке.

— Спасибо, старина.

Гончар не прикоснулся к пиву, дымя сигарой. Шериф приехал. Вчера с ним говорили сыщики. И сегодня он попросил, чтобы Гончар подождал его в баре.

Степан увидел свое отражение в зеркальной витрине, между бутылками. Лицо его казалось красным, словно он вошел в теплый салун с мороза. «Вот, значит, как я выгляжу, когда начинаю кипеть от злости, — подумал он. — Видел бы меня сейчас Майвис. Замучил бы насмешками. Ему-то что, у него морда кирпичная, злись не злись, ничего на ней не видно. Хорошо быть краснокожим... Нет, надо сделать несколько глубоких вдохов и выдохов. Надо успокоиться. Не ожидал, что шериф такой мудака. Зачем он меня подставил? Неужели из-за премии? А что тут удивительного? Приехали сыщики, показали афишку с моим портретом. А если один из этих ребят — Штерн, то он мог еще и порассказать о моих злодеяниях, сколько шерифов я перебил за последний год... Кстати, о Штерне. Если он здесь, то я могу с ним рассчитаться. Все складывается просто отлично».

Он немного развернулся, чтобы видеть тех, кто расположился в углу. Нет, Штерна среди них не было. Рядом с Кевином сидел тип, которого довольно точно описал конюх — узко посаженные глаза, длинный нос, тонкие губы растянуты в улыбке. Второй сыщик был плотным, с обритой головой. Под мясистым носом — лихо закрученные усы.

Они увидели, что он смотрит на них, и замолчали. Кевин поправил латунную звезду и откашлялся, собираясь что-то сказать. Но не успел.

Гончар выхватил оба своих револьвера и направил стволы на сидящих в углу.

— Спокойно, Кевин, — сказал он. — Руки на стол. Все трое, руки на стол. Пожалуйста. Вот так. А теперь встаньте.

— Такер, ты что? — дрогнувшим голосом спросил помощник шерифа.

— Потом объясню. А сейчас, джентльмены, пожалуйста, расстегните ваши оружейные ремни. И пусть все, что на них висит, упадет на пол.

— Питерс, не дури, — спокойно, продолжая улыбаться, произнес длинноносый. — Мы тут не для того, чтобы с тобой стреляться.

— А никто и не будет стрелять, если вы будете вести себя хорошо, — сказал Гончар, медленно отступая к лестнице, ведущей на второй этаж.

Он подозревал, что на выходе его может ожидать шериф. Поэтому лучше воспользоваться другим путем отхода.

Оружие с лязгом свалилось на пол.

— Что дальше? — спросил Кевин. — Стивен, брось. Давай все обсудим.

— Чуть позже. Сначала, ребята, перейдите за соседний столик. С поднятыми руками, пожалуйста.

Когда они, прижимаясь к стенке, отошли от своего стола, Степан разглядел, что у обоих под пиджаками блестят наручники.

— Кевин, к тебе еще одна просьба. Ты умеешь пользоваться браслетами? Надень их на этих джентльменов.

— Это уж слишком, Стивен! — возмутился Кевин. — Ты делаешь меня сообщником!

Гончар резко выбросил вперед руку, и все трое отшатнулись, испуганно отворачиваясь от револьвера.

Бритоголовый прошипел:

— Делай, что он приказывает! Все равно ему некуда деваться!

«А ведь он прав, — подумал Гончар, краем глаза следя за входом. — Деваться-то некуда. В лагере они меня достанут. Уехать куда глаза глядят? Догонят по следу. Мне некуда деваться, потому-то они и ведут себя так спокойно. Кажется, у меня нет выбора. Их надо убить. Они тут чужие, и никто не загорится желанием отомстить за них. А Палмер не решится меня преследовать. Это не входит в его обязанности. Да, их надо убить. Так на моем месте поступил бы каждый».

Наручники щелкнули на запястьях сыщиков.

— Кевин, возьми из буфета пару бутылок виски. — приказал Степан. — И три стакана. Наливай. А теперь дай ребятам выпить. И выпей сам. До дна. Я сказал, до дна!

«Шериф с помощниками наверняка сейчас караулит выход, — думал Гончар. — Если он услышит выстрел или какой-нибудь шум, вся команда ворвется сюда. Мне нужно выдержать здесь минут двадцать, пока их не развезет. Это реально? Зависит от качества виски».

После третьего стакана сыщики начали громко икать, а Кевин опустился на пол, обхватив голову руками.

— Эй, Кевин, не время отдыхать, — прикрикнул на него Степан. — Ступай к шерифу. Скажи, что я взял в заложники этих парней. Если хоть одна собака зайдет в салун, я пристрелю сначала их, а потом всех остальных. Ты все понял?

— Да наплевать, — ответил помощник шерифа, с трудом вставая на ноги. — Перебей хоть весь город, мне плевать. Палмер заварил эту кашу, пускай сам и расхлебывает.

Он, шатаясь и натываясь на столы, добрался до выхода. Было слышно, как он упал на крыльце и, ругаясь, скатился по ступенькам.

«Еще какое-то время шериф будет ломать голову, — подумал Гончар. — Вряд ли он знает, как надо вести себя при захвате заложников. Интересно, а были такие случаи до меня? Вот так и рождается американская история».

Степан повернулся к бармену. Тот, белый, как мел, стоял за пивным бочонком, и не отводил глаз от револьверов.

— Все хорошо, старина, — сказал Гончар. — Наверху есть кто-нибудь?

«Идиот! С этого надо было начинать!» — запоздало обругал себя он, услышав, как на галерее второго этажа скрипнули половицы.

Он еще успел поднять голову, но в следующую секунду сверху ударил выстрел.

Ему показалось, что между лопатками врезалось индейское копье. Страшная сила швырнула его вниз, и он ударился лицом о замызганные доски пола.

10. В могиле

По крайней мере, теперь Гончар точно знал, что если ему предложат выбрать наименее болезненную казнь, он ни за какие коврижки не согласится на расстрел.

Это только со стороны кажется, что пуля, если убивает, то мгновенно. Когда испытываешь такое на собственной шкуре, то мгновения растягиваются до бесконечности. Он ощущал все, до мельчайших деталей. Сначала от удара лопнула кожа на спине. Потом раскаленный свинец впился в мясо. С треском переломилась какая-то косточка, и ее осколки вгрызались в тело, как десяток голодных крыс. Он пытался вдохнуть, но воздух уходил из него через дыру в спине, а рот наполнялся отвратительной липкой горечью.... В общем, хорошего мало. Он еще надеялся, что перед смертью хотя бы потеряет сознание, но оно все не терялось, и это было самым обидным. Гончар не мог ни дышать, ни шевелиться, он не ощущал ни рук, ни ног, а чувствовал только непрерывную жгучую боль. Не в пробитой спине, и не в голове, нет. Боль была не где-то в его теле. Он сам был болью. И при этом все слышал, все понимал, и ничего не мог сделать...

— Вы убили его, козлы, — сказал шериф. — Черт возьми, вы его убили.

— Ну и что? Ему все равно не жить, — ответил Штерн.

— Какого черта! Вы собирались его арестовать!

— Спокойно, шериф. Таких, как Питерс, можно арестовать только после смерти.

— Дай сюда кольт, умник! Я имею право задержать тебя за стрельбу в общественном месте!

— А я и так задержан, — рассмеялся Штерн. — Я арестант. Меня сюда привезли на опознание.

— Так почему ты не в наручниках? Вот черт! Почему в наручниках не ты, а эти пьяные козлы? И откуда у тебя оружие!

— Когда я рассказал полицейским о способностях мистера Питерса, они сочли за лучшее вооружить и меня. Так нас стало трое против одного, и это хоть немного, но повысило наши шансы. Как видите, шериф, мы воспользовались этим шансом.

— Нельзя было его убивать, нельзя, — бубнил Палмер, расхаживая по салуну и пиная ногой столы. — А если это не он? Если вы ошиблись? Нет, парни, лучше я задержу вас. Пока не выясним все окончательно. Кто теперь подтвердит, что это не Такер, а Питерс? Покойники — народ молчаливый.

— Моих показаний вам недостаточно?

— Заткнись, умник. Ты лицо заинтересованное. Откуда я знаю, может быть, ты просто свел с Такером личные счеты. Выстрелом в спину.

— А рисунок на розыском объявлении не в счет?

— Мало ли что можно нарисовать. Нет, парни, я вас задерживаю. Точка. Барри, Люк, Кевин, тащите всех троих в участок. Черт, Кевин, набрался, как свинья!

— А труп куда?

— Не знаю... Вот задали вы мне задачу! Его же нельзя хоронить, пока он не опознан. Не везти же его в Денвер!

— Почему бы не отвезти? — снова послышался голос Штерна. — Деньги за него вам заплатят только в Денвере. За тысячу долларов есть смысл прокатиться в соседний штат с покойником в багаже.

«Я не покойник!» — изо всех сил закричал Степан Гончар. Ему казалось, что он внутри глухо заколоченного ящика бьется головой о стенки и зовет на помощь, но его крик не вырывается наружу.

— Тысяча кровавых долларов? Может, для таких, как ты, это и в самом деле большие деньги. Только в нашем городе они никому не нужны.

— Шериф, сделаем так, как мы на войне поступали, — предложил кто-то из помощников. — Прикопаем Такера в сухом песке с известкой. Хоть неделю может там лежать, ничего с ним не станется. Ну, потемнеет слегка, не без того. Когда приедут опознавать, откопаем, предъявим, и все дела.

— Кто приедет-то?

— Да найдется кто-нибудь. Сообщим соседям. Если Питерс был таким крутым, как рассказывали ищейки, его многие должны знать. Обязательно кто-нибудь найдется.

— Дайте телеграмму в Эшфорд, — снова подал голос Штерн. — Это в Небраске. Там его все знают.

— Почему этот урод еще здесь? — рявкнул шериф. — Люк, отправишь телеграмму. Чем скорее опознают, тем лучше.

— А если не опознают?

— А вот если не опознают, — угрожающе протянул Палмер, — то я выложу двадцать долларов на строительство отличной виселицы для того козла, который застрелил моего друга Такера.

— Отличная идея, шериф. Только для начала не мешало бы убийцу обвалить в смоле.

— Уймись, Барри. Хотя идея неплохая.

— Да где это видано, стрелять в спину!

— А Такера похороним на самом лучшем месте. Чтобы оттуда было видно железную дорогу. Его дорогу.

— Верно, парни. — Шериф смачно сплюнул на пол. — Ну, Такер он или Питерс, нам-то все равно. Завтра же приготовим для него могилу. Отличную могилу. А пока сделаем, как договорились. В песок его. Да приставьте охрану, а то как бы койоты не набежали на запах крови.

«Не надо меня в песок, — взмолился Степан. — Мужики, да вы хотя бы пощупайте пульс на шее. Загляните в зрачки. Зеркальце приложите к губам. Какие еще есть способы отличить покойника от живого человека? С чего вы взяли, что перед вами труп? Наверно, у меня не слишком привлекательный вид, и вам просто страшно ко мне подойти. Такое

бывает. Я сам однажды вытаскивал из-под лавины людей, плоских, как лист бумаги. И утопленников приходилось выпутывать из сетей, и на пожарище разгребать угли, среди которых скалился белый череп... Черт побери, и не счесть, сколько покойников прошло через мои руки. Но то были именно покойники. Расплющенные камнями или раздувшиеся после недельного пребывания под водой — с ними все было ясно. Но если человек падает от выстрела, он почти всегда еще долго живет. Парни, вы что, крови испугались? Не надо меня в песок!»

— Зачем делать двойную работу, шериф? Отнесем Такера в часовню, обложим льдом и соломой.

— Точно.

— Да где это видано, прикапывать человека, как собака прикапывает кость! Кем бы его ни считали в Колорадо, нам-то он ничего плохого не сделал.

— Верно, шериф. Он был отличный парень. Похороним по-людски.

— Вам просто лень лишний раз шевельнуть лопатой. Черт с вами, лодыри, тащите его в часовню.

Голоса исчезли, постепенно размываясь в тишине. Вместе с голосами ушла и боль. «Всё, конец, — подумал Гончар. — Сейчас отключится мозг, и всё. А где же обещанные картины прошлого? Почему не проносится перед мысленным взором вся жизнь?

Нет, это еще не смерть. Смерть приходит вместе с туманом. И туман перенесет меня обратно, в покинутый мир. Возможно, перенесет только для того, чтобы оставить мое тело на обочине Пулковского шоссе. Ну и пусть. Только бы не оставаться навеки погребенным. Лежать в могиле, и понимать, что лежишь в могиле. Наверно, это и есть ад. Неужели я не заслужил ничего, кроме ада? Ребята, не надо меня хоронить»...

Он вдруг понял, что не злится на шерифа. Палмер исполнял свой долг. Одно дело Форман, наемный убийца, и совсем другое — парочка полицейских. Конечно, он обязан был оказать им содействие. Итак, шериф прощен.

А Штерн? Ты и его сможешь простить?

Легко. Да, он всегда стреляет в спину. Так он убил Харви Дрейка и Бена Смоки. Возможно, что из-за него погибли и другие парни. Да, это подло. Но пусть его судят те, кого он убил. Если они попали в ад, то, само собой, сейчас они вспоминают Штерна особо теплыми словечками. Ну, а если Харви вместе с Беном ухитрился пройти чистилище и уже начал бесконечное путешествие по всем кругам рая? Тогда выходит, что Фредерик Штерн оказал им неоценимую услугу.

«Я сам виноват перед ним, — подумал Степан. — Я хотел его убить. И при случае обязательно убил бы. Так чем я лучше его? Прости меня, Штерн. Но когда я вернусь, (а я вернусь!) — постарайся больше не попадаться мне на пути».

Перед ним проплывали лица множества людей, и перед каждым он в чем-то был виноват. Что это? Эскалатор в метро. Степан бежит вниз по ступенькам. Он торопится, а на пути стоит тетка в вязаной шапке с начесом, она загораживает проход, и он, протискиваясь, раздраженно толкает ее локтем — едва заметно, но толкает, и мельком замечает ее серое лицо...

«Вот оно, началось, — понял Степан, — те самые картинки прошлого. Потом впереди загорится свет, появится туннель, и больше ничего не будет. Сто раз читал про клиническую смерть. И каждый раз — не до конца. Все рассказчики возвращались, остановившись на самом интересном месте. Кажется, сейчас я узнаю продолжение...»

«А где же колечко?» — послышался голос Мелиссы, и чернота перед глазами вдруг заиграла искрами. Они кружились, оставляя за собой мерцающие следы, и от этих огоньков ему стало тепло и спокойно.

«Нет, я не умер. Я не могу умереть. Меня ждет невеста. Я не могу ее обмануть», — думал он, чувствуя, как постепенно возвращается откуда-то.

— Да, это он, — сказал кто-то. — Я его забираю.

— Это еще зачем?

— У него есть сыновья. Они должны проститься с отцом. Мы сами его похороним.

— Да где это видано, чтобы индейцы хоронили белого!

— Не спорьте с ним, парни. Черт с тобой, краснокожий. Забирай.

И снова все погасло и отступило. Но теперь Степану казалось, что он куда-то летит. Нет, не летит. Под спиной подрагивали шершавые доски. Кто-то плакал навзрыд, тонким, детским голоском. Нет, это не детский плач, это визг раненого зайца. Как он визжит! Душу выворачивает!

Прошла целая вечность, прежде чем Гончар понял, что звук, который так его мучает — это скрип колес.

— Я знаю, брат, ты меня слышишь, — раздался чей-то знакомый низкий голос. — Ты не можешь шевелиться, не можешь говорить. Но ты меня слышишь. Мы едем домой, брат. Тебе рано уходить к Великому Духу. Тебе надо жить среди нас, Зимний Туман.

«Майвис, — вспомнил Степан. — Майвис Красная Птица. Ты нашел меня. Брат, ты очень вовремя. Еще немного, и они бы меня зарыли».

— Белые ничего не знают о смерти. Они думают, что ты умер. Но я знаю, ты меня слышишь. Скоро ты сможешь дышать. Потом откроешь глаза. Потом заговоришь. Скоро. А пока спи. Я знаю, ты не спал все это время. Спи, Зимний Туман. Я разбужу тебя, когда мы будем дома.

Часть 2. Шайен

11. Бубен шамана

Майвис Красная Птица был одним из сыновей шайенского вождя. С двенадцати лет он время от времени нанимался в кавалерийский полк, сначала погонщиком мулов, потом — скаутом. Сейчас ему было тридцать три года, следовательно, почти две трети своей жизни он провел среди белых. Подвергаясь долгому воздействию цивилизации, из всех ее плодов он усвоил только грамоту, да еще блестяще, как все шайены, овладел стрелковым оружием. Гуманисты из Вашингтона мечтали воспитать в коренном населении привычку к созидательному труду, любовь к ремеслам и земледелию, а также покорность, миролюбие и уважение к собственности. Увы, Майвис не оправдал их надежд.

В походы с кавалеристами он отправлялся только тогда, когда его племя останавливалось на зимовку. И делал он это даже не ради денег — он никогда не интересовался размерами своего жалованья — а ради того, чтобы не сидеть дома. Кроме того, находясь среди военных, он всегда знал о настроениях и планах Большого Белого Брата. А эти настроения менялись, как погода в марте.

Сегодня белые клятвенно заверяют краснокожих соседей, что ни один новый переселенец никогда не перешагнет очередную «вечную границу». А завтра за «вечной границей» уже копошатся в реке какие-то незнакомцы с лотками и лопатами. Через месяц им уже нестерпимо хочется женщину, пусть даже индейскую, и они устраивают набег на ближайший поселок, выбрав время, когда мужчины уходят на охоту. У индейцев своя охота, у старателей — своя. Разница только в том, что за убитого бизона никто не будет мстить, а за изнасилованную сестру индеец снимет скальп с первого попавшегося белого. Причем не только с головы, но и с других мест, где растут волосы. Этот обычай, вполне справедливый по меркам индейцев, вызывает бурю негодования среди цивилизованных пришельцев. На их защиту выдвигается кавалерийский эскадрон, и после нескольких стычек «вечная граница» передвигается еще на десяток миль к западу.

Прислушиваясь к разговорам возле солдатской кухни, Майвис узнавал, по каким маршрутам армия будет двигаться летом. И как только кончалась зима, его семья уходила кочевать подальше от этих маршрутов. Во-первых, чтобы не нарываться на неприятности. А во-вторых, потому что семья кормилась бизонами, а там, где армия — там нет бизонов.

Гончар знал, что Майвис — крещеный, как и многие его сородичи. Шайены, принявшие христианство, почти ничем не отличались от прочих индейцев. Разница была только в том, что они лечились, принимали роды, хоронили умерших и выполняли ритуалы охотничьей магии не прибегая к помощи шаманов и священников, и самостоятельно, без посредников обращались к Великому Духу и Деве Марии.

Тем сильнее было изумление Степана, когда он, наконец-то открыв глаза, увидел над собой раскрашенное лицо шамана.

Узкоглазый морщинистый старик с жиденькой бородкой был облачен в накидку из лисьих и волчьих шкур, и хвосты волочились по земле, пока шаман приплясывал вокруг Гончара. Желтый череп какого-то мелкого зверя раскачивался прямо перед носом Степана, и он попытался отвернуться, но не смог. Шаман отпрянул и ударил в бубен. Тут-то Гончар и сообразил, что за звуки преследовали его, пока он бродил между жизнью и смертью. Да, это были заунывные гулкие стоны бубна, вот что это было... Сделав такое открытие, Степан, как видно, истощил запас душевных сил, и снова погрузился куда-то, где не было ни света, ни тьмы, а были только эти звуки — бум, бум, бум...

— Какой сегодня день?

Это были первые слова, которые Гончар смог произнести вслух.

— Какой сегодня день, Майвис?

— Третий день с тех пор, как ты начал дышать. Второй, как открылись глаза. Сегодня к тебе вернулся голос. Завтра ты поднимешься на ноги.

— Я не об этом. Сколько дней прошло с пятницы?

— Десять.

Гончар облизал пересохшие губы.

— Дай воды.

Майвис поддерживал его затылок, пока Степан пил из глиняной миски.

— Что ты мне подсунул? Я просил воды.

— Вот такая тут вода. Хочешь еще?

— Нет, хватит. Потерплю до завтра, и тогда уж напьюсь из ручья, а не из ослиной лужи.

— Ты быстро возвращаешься к жизни, — заметил шайен. — Ворчишь, как раньше. Я думал, люди становятся хоть немного лучше после встречи с Великим Духом. Я ошибся.

— Зачем ты привез меня к шаману?

— Он тебя оживил. Заодно вынул пулю.

— Ты уверен, что он ее вынул? Почему я не могу двигаться? У меня задет позвоночник? Я не могу двигаться!

— По-моему, ты очень хорошо двигаешь языком.

— Десять дней! — с тоской повторил Степан. — Наверно, Милли уже все знает. Она думает, что меня убили.

— Все так думают, — подтвердил Майвис. — В городе я сказал, что похороню тебя на индейском кладбище. Они поверили.

— Черт с ними! Главное, что Милли поверила!

— Я не знаю, кто такая Милли.

— Моя невеста.

— Если хочешь, я ее найду.

— Нет. Не надо.

Степан Гончар устало закрыл глаза. Если пуля задела позвоночник, дело плохо. Сколько может прожить паралитик? Будем надеяться, что не слишком долго. А если так, то незачем лишний раз тревожить девчонку.

— Открой глаза, — приказал Майвис. — Не молчи. Рассказывай, что ты видел на той стороне.

— Тебе это так интересно? Подставь спину под выстрел, сам все увидишь.

— Ты злишься из-за того, что не можешь встать. Но ты и не встанешь, пока злишься.

Твой дух должен стать чистым и спокойным, как горное озеро.

— Легко сказать. Я десять дней провел в полном спокойствии. — Гончар вдруг почувствовал, что краснеет. — Майвис, подними мне голову. А теперь откинь одеяло.

— Тебе жарко? Добрый знак.

Ему не было ни жарко, ни холодно. Он просто хотел увидеть свое тело. И увидел.

— Почему я голый?

— Так легче за тобой убирать.

— И кто это делает?

— Пол и Джефф. Ты не смущайся, у мальчишек не так много работы. Первая моча появилась только на второй день после того, как я тебя привез. Она была цвета каштана, с зеленым отливом. И воняла, как трехнедельный труп. А сегодня уже хорошая, цвета соломы, с пеной.

— Ну давай, расскажи еще, какое дерьмо из меня лезет.

— Пока никакое, — спокойно ответил шайен. — Откуда оно возьмется? Ты ничего не ел. Хочешь есть?

— Нет. Думаешь, от твоих рассказов у меня появится аппетит?

— Все у тебя появится. Надо ждать. Не молчи. Скажи, кого ты встретил на той стороне?

Гончар заговорил, с трудом разлепляя непослушные губы:

— Многих. Я встретил всех, кого обидел в своей жизни. Мужчин и женщин. Знакомых и незнакомых. Я хотел попросить у них прощения, но не успевал. Только вспомню, как толкнул эту неуклюжую тетку на лестнице, и она исчезает.

— Тетку на лестнице? Иногда тебя не понять... Там были твои родители?

— Не помню. Нет. Не видел.

— Добрый знак, — прогудел Майвис, и его тяжелая ладонь легла на голову Степана. — Шаман прав. Ты не уйдешь. Ты останешься с нами.

— Ну да. Если вы сделаете из меня чучело.

— Ты встанешь на ноги завтра, — пообещал Майвис.

И он оказался прав. На завтра Степан и в самом деле встал на ноги. Перед этим шаман долго кружил вокруг него, размахивая сразу двумя бубнами и гремя связкой костей, подозрительно напоминавших человеческие. Гончар лежал посреди палатки на том месте, где всю ночь горел костер. Постепенно он начинал ощущать жар, шедший от земли. Вся кожа его вдруг зачесалась, и он начал скрести ее ногтями, и не сразу сообразил, что у него двигаются руки. А потом вдруг в палатку вбежали Пол с Джеффом и вылили на Степана два ведра ледяной воды. Он скорчился, потом распрямился, как пружина, и вскочил, едва не развалив палатку шамана.

Он даже успел выйти наружу, голый, мокрый, трясущийся. Сделал несколько шагов — и упал.

— Все ясно, — сказал шаман. — Красная Птица, твой брат совсем плох.

— Я сам знаю, что плох, — с трудом подняв голову, проговорил по-шайенски Гончар. — Мне жалко время, которое ты на меня потратил. Лучше оставьте меня тут. И уходите. Надоело всё.

— Мне тоже жалко терять время, — сказал шаман. — Не будем его терять. Будем просить духов о помощи.

— Ваши духи не помогают белым. И правильно делают. — Степан хотел махнуть рукой, но только дернул плечом. Он опять перестал ощущать свое тело. — Майвис, ты здесь? Подойди, я тебя не вижу.

Индеец наклонился над ним и негромко сказал:

— Не называй себя белым, хотя бы при детях. Ты — один из нас.

— Пусть так, — прохрипел Гончар, чувствуя, что снова проваливается в тошнотворную пустоту. — Тогда позвольте мне умереть, как одному из вас.

— Проси об этом не меня, а того, кто позволил тебе родиться. — Майвис укрыл

Степана одеялом и повернулся к шаману: — Ахата! Ты лучший шаман из всех, кого я знаю. Ты лечишь не заклинаниями, а травами. Ты умеешь вынимать пули и зашивать раны. Когда я привез моего брата, он был холоден, как лед, а теперь он дышит, видит и говорит. Он говорит слишком много, потому что еще слаб. Но ты — великий шаман. Ты вернешь ему силу.

Сквозь нарастающий звон в ушах Степан услышал мрачный и торжественный голос шамана:

— Он вернет себе силу, если пройдет Путь Бизона. Но он плох, в одиночку ему не справиться. Кто пойдет с ним, Красная Птица?

— Его сыновья еще слишком молоды, — задумчиво ответил Майвис. — Его жена умерла. Его родителей нет здесь.... Хорошо, Ахата. Готовь моего брата к Пути Бизона, а я соберу людей. У Зимнего Тумана будет попугайчик.

12. Магия самолечения

Живя среди индейцев, Степан Гончар привык до всего доходить самостоятельно, не задавая вопросов. Если в их речи встречалось непонятное слово, он старался догадаться о его значении без перевода. Это было нетрудно, когда речь шла, например, о масти лошади или о предметах обихода. Гораздо труднее было с теми хорошо знакомыми словами, которым индейцы придавали потаенный смысл.

Обдумывая то, что говорил шаман, Гончар понимал: «Путь Бизона» — это вовсе не бизонья тропа. Скорее всего, ему предстояло пережить какой-то магический ритуал. Возможно, это будет что-то вроде «Пляски Солнца»...

Пляска Солнца, Солнечный Танец — такое веселенькое название, жизнерадостное. Среди белых не было единого мнения об этом ритуале. Вообще-то никто из тех, с кем говорил Гончар, этой пляски не видел, но все сходились на том, что таких разнузданных оргий не выдержит ни один нормальный человек. Раньше Степан и сам при этих словах, «Пляска Солнца», представлял себе эдакий эротический кордебалет, состоящий из дочерей Горбатого Медведя в коротких рубашках и высоких мокасинах — соблазнительные наклоны, покачивания бедрами и взмахи смуглых ножек. А вокруг сидят пьяные индейцы, прихлопывают и подпевают. И это длится до ночи, а дальше начинается непосредственно оргия вокруг огромного костра. Ну, пляска — это понятно. Но при чем тут Солнце?

Конечно, он не лез с такими вопросами к Майвису или к Горбатому Медведю и ко всем остальным знакомым индейцам. Как всегда, Гончар все узнал самостоятельно, когда сам попал на Пляску Солнца.

Как он догадывался, под «солнцем» шайены подразумевали отнюдь не дневное светило. В гимнастике, к примеру, тоже есть «солнце», такой элемент упражнений на перекладине, когда человек раскручивается, словно камень в праще. Нечто подобное и здесь. Представьте точку, от которой во все стороны расходится множество лучей. Так выглядит сверху ритуальная площадка. В центре вбит столб, к которому на подвижном кольце прикреплены крепкие длинные шнуры. Шнуры кончаются крючьями, и на эти крючья индейцы насаживают себя, протыкая складку кожи на спине или на груди. И так, на привязи, они, приплясывая, бегают вокруг столба. Кружатся, кружатся. Кто-то не выдерживает, падает, и на крюке остается клочок его кожи. Остальные продолжают бег. Чем кончается эта «пляска», Гончар в тот раз так и не узнал. Он уехал из стойбища, когда еще гудели барабаны, и вокруг столба едва переставляли ноги двое последних, самых крепких юношей.

Много позже, вспоминая об этом, он решил проверить свою догадку, и спросил у Майвиса, откуда взялось это название — Пляска Солнца.

«Не знаю, — ответил шайен. — Это англичане придумали. Мы называем этот праздник иначе».

«И как же?»

«Тайное Окно. А некоторые называют так — Окно Другой Жизни».

«А какое название правильное?»

«И то, и другое. И английское тоже. Потому что нет неправильных названий. Тот, кому доверили встать к магическому столбу, увидит Тайное Окно. И за этим окном будет Другая Жизнь. Которая сияет, как солнце. Все названия правильные».

Гончар был вынужден согласиться с ним. Он знал, что те ребята, которые становились к столбу, перед этим три дня не ели и не пили, а только приплясывали возле костра, вдыхая дым. Ни конопли, ни мака индейцы не применяли, грибочков в их магическом рационе Степан тоже не замечал, но, безусловно, танцующие находились в трансе. А в таком состоянии можно разглядеть не только окно, а целую дверь, да и шагнуть за нее...

Если обещанный «Путь Бизона» потребует от Гончара такой же предварительной подготовки, то можно считать, что она уже началась. Он не ел и почти не пил, и впасть в транс ему было так же легко, как моргнуть глазом. Нет, даже еще легче, потому что как раз моргать-то у него и не получалось. Глаза открывались и закрывались независимо от его желания.

Но все-таки он уже чувствовал себя немного лучше. По крайней мере, он уже себя чувствовал. То есть ощущал все тело, от последнего мизинчика на ноге до кончиков ушей. Просыпаясь, он сразу же принимался за утреннюю гимнастику. Со стороны этого никто бы и не заметил. Гончар как лежал, так и продолжал лежать. Но все его мышцы под одеялом подергивались в строго определенном порядке. Сначала он напрягал и расслаблял ступни и икры, затем бедра. Представляя, как он делает приседания в спортзале, Степан тужился и прогибал поясницу. Лучшее всего получалось с руками. На пятый день тренировок он мог сгибать и разгибать пальцы, а через неделю уже сам откинул одеяло и привстал на локте, пытаясь дотянуться до фляги с водой. Все это произошло произвольно. Он сначала напился из фляги, а потом только сообразил, что это простое действие еще вчера казалось ему совершенно невозможным. Хорошо, что в палатке в этот момент никого не было, потому что Гончар выронил флягу и расплакался.

Наутро он впервые попросил чего-нибудь поесть. Джефф вложил ему в рот кусок черствой кукурузной лепешки и предупредил, что ее нельзя жевать, а надо рассасывать. На обед Степану дали уже два таких куска, а вечером напоили горячим супом.

Майвис куда-то пропал, и за Гончаром продолжали ухаживать его приемные сыновья. В нужное время они на циновке оттаскивали его к отхожему месту. Там он уже самостоятельно справлял нужду, попутно выкуривая самокрутку. Каждое утро мальчишки устраивали ему водные процедуры. Для этого Степан цеплялся за ствол березы и подтягивался. Ноги оставались вялыми и гнулись, поэтому Гончару приходилось просто висеть на березе, как на канате, обвив ее. А Пол и Джефф обливали его водой. Они приносили ее из ключа, который бил между валунов в соседней роще. Вода, наверно, была ледяная, но Степан этого не замечал.

Иногда ему казалось, что так было всегда. Непослушное тело, звенящая голова, тошнота и жажда — он привык к этому. Прошлое казалось даже не сном, потому что наши сны — все-таки часть нашей жизни. Нет, оно представлялось обрывками старых фильмов. Кто-то другой, очень похожий на Степана, скакал на коне, стрелял, дрался, переплывал бурную реку и карабкался по отвесным скалам. Кто-то другой сидел за рулем машины и любовался огнями ночной набережной, или потягивал виски в салоне «Боинга», поглядывая на снежные холмы облаков за иллюминатором....

Все это было не с ним, потому что он всю жизнь пролежал под одеялом в темном и душном типи шамана, где с жердей свисали связки сухих корней и пучки травы. Ничего другого в его жизни не было. И не будет.

Степан не верил, что ему поможет магия. Может быть, шаман и хороший лекарь. Но поврежденный позвоночник не вылечишь травками да примочками из лягушачьей икры.

Оставалось надеяться на то, что все уладится как-нибудь само собой. В конце концов, даже такая жизнь не была лишена маленьких радостей. Впервые за многие годы ему было некуда спешить. Не о чем заботиться, нечего бояться. Он сам себе напоминал домашний

цветок в горшке — его поливают, вытирают с него пыль, иногда выносят на солнышко. Ему нравилось ощущать свое родство с березой, на чей ствол он опирался, потягивая самокрутку. И муравьи, деловито снующие вверх и вниз по белому стволу, успевали проложить свою невидимую тропинку по его плечам, груди и ногам, и никуда с нее не сворачивали. «Так и помрешь когда-нибудь, — думал Степан, — а муравьи еще будут бегать по тебе от колена до плеча. А что? Отличная смерть. Гораздо лучше заснуть под березой, чем подышать на заплыванном полу в салуне».

Однажды он почувствовал, что земля под ним подрагивает. Степан прижал ухо к траве и услышал знакомый гул. Где-то поблизости стучали копыта множества лошадей. «Майвис возвращается, — подумал он. — С попутчиками для меня. Пора отправляться в Путь Бизона».

13. Жена для больного

Лежа в палатке шамана, Гончар видел через приподнятый полог, как на просторной поляне, окруженной березами, Пол и Джефф возводят типи. Они работали вдвоем, и никто не помогал им, хотя к месту будущей церемонии уже съехались примерно два десятка родичей. Шайены сидели у костров и терпеливо наблюдали, как мальчишки обтягивают выбеленными шкурами каркас будущего ритуального храма. Работа была закончена к вечеру, и весь день никто не прикоснулся к еде, хотя от костров доносился дразнящий аромат жареного мяса.

Когда палатка была готова, ее обвили синими лентами, и Майвис с Медведем перенесли Степана внутрь. Они усадили его напротив входа. Каждый заходящий шайен кланялся ему, опускаясь на колени, и так, на коленках, передвигался вдоль наклонных стенок, усаживаясь на свое место. Последним зашел шаман, Ахата. На этот раз он был в обычной одежде и без раскраски. Степан с трудом узнал его по голосу.

Майвис вложил в руку Степана трубку.

— Удержишь? — шепнул он. — Ты должен набить ее и передать Ахате.

— Я помню, — кивнул Гончар.

Ахата инструктировал его всю прошлую ночь. Сейчас проситель должен обратиться за советом к наставнику. Потом начнется пир. Индейцы будут курить и молиться. Все это Степан помнил, неясным оставалось только одно. Среди собравшихся он не видел ни одной женщины, а ведь шаман ясно сказал, что в церемонии вместе с просителем и наставником будут участвовать их жены. «Наверно, сидят в отдельной палатке, — подумал Степан, набивая трубку табаком, смешанным с корой красной ивы. — И скорее всего, на эти роли выбрали незамужних дочерей Горбатого Медведя. Интересно, насколько уменьшился его табун невест за то время, пока мы не виделись?»

Медведь, сидевший рядом, легонько подтолкнул его в бок, и Степан вытянул дрожащую руку с трубкой.

— Ахата! Ты мудрый человек. Ты видишь то, что недоступно нашим глазам. И знаешь больше, чем могу знать я. Дай мне совет. Я хочу просить Великого Духа о помощи. Я хочу избавиться от болезни. Подскажи, что мне делать.

Горбатый Медведь успел подхватить трубку, выпавшую из непослушных пальцев, и по кругу передал ее шаману. Ахата благодарно поклонился. Он направил чубук трубки кверху, а потом опустил руку — так шаман предлагал покурить Отцу, живущему на небе, и Матери-земле. Затем он поджег лучину от костра и раскурил трубку. Никто не шелохнулся. В тишине было слышно только причмокивание и сопение шамана. Наконец, он затаился и выпустил облако дыма.

— Хороший табак у тебя, Зимний Туман. И охотник ты тоже хороший. Все помнят, как ты пришел в племя и бросил убитую медведицу к ногам женщины, которая стала твоей женой. Ты белый человек. Наш Великий Дух не слышит голосов белых. Но я помогу тебе, потому что ты с нами. Так примем же пищу, посланную нам, и воскурим наши трубки.

Не дожидаясь нового приглашения, шайены начали пир. Застучали по деревянным тарелкам ложки, сделанные из бизоньего рога, воздух наполнился ароматом тушеного мяса и приправ. Степан сидел неподвижно, сложив руки на коленях. Ему не полагалось есть, да и не хотелось.

— А где мои? — спросил он у Майвиса.

— Мальчишки сооружают парилку для тебя. Не бойся, они не останутся голодными.

Всю ночь Степан просидел с открытыми глазами, глядя в костер, и всю ночь рядом с ним находились двое шайенов. Они сменяли друг друга, и каждая новая пара начинала новые молитвы. Знакомые слова — Отец, Великий Дух, земля, бизон — переплетались с незнакомыми, повторяясь то громче, то тише. Он ничего не понимал, кроме одного — они молятся о Зимнем Тумане.

Утром Степана вынесли из типи и уложили на шкуру, расстеленную возле пирамиды из поленьев. Он увидел, что за ночь на поляне появилась не только эта пирамида. Чуть дальше стояла полукруглая палатка, перед ней высился земляной холмик, на котором лежал огромный череп бизона.

Послышались негромкие женские голоса. Степан увидел, что из роши выходят шайенки. Их длинные белые рубахи касались травы, а лица скрывались за распущенными волосами. Он еще успел увидеть, что рядом с ним расстилают вторую шкуру, а потом на его лицо легла черная полоска ткани.

Прохладные мокрые пучки травы щекотали кожу. Он понимал, что его тело раскрашивают. Рядом, судя по всему, такой же процедуре подвергалась девушка, которая будет играть роль его жены. Ему захотелось ее увидеть, хотя бы краешком глаза, и он повернул голову, но кто-то бесцеремонно ухватил его за нос.

— Не шевелись, брат, рисунок испортишь, — пророкотал низкий голос Майвиса.

— Могу я познакомиться с женой?

— Да ты ее знаешь.

— А она меня?

— Да не вертись ты. Потом налюбуйешься. А сейчас ей все равно нельзя произносить ни слова.

На бедра Степана шлепнулась жидкая грязь, и Майвис принялся втирать ее в кожу.

— Готов. Вставай.

Гончар дернулся, но смог только повернуться на бок, опираясь на локоть. Сильные руки подхватили его и поволокли к полукруглой палатке. Внутри она была устлана толстым слоем полыни, а в середине возвышался холмик из разноцветного песка. На полынной подстилке уже сидел Ахата. Степан, вспомнив инструкции, подполз к нему, волоча за собой ноги, и сел рядом. Ему приходилось нагибаться, чтобы не задевать затылком ивовые прутья, из которых состоял каркас палатки. Он догадался, что на песчаную середину будут уложены раскаленные камни, которые надо будет поливать водой. О том, что индейцы используют для магических ритуалов камни, огонь и воду, Гончар слышал давно, но до сих пор ему не приходилось париться в шайенской сауне. «Вот и хорошо, — подумал он, неожиданно развеселившись. — Чисто русский подход. Универсальное средство от всех болезней — парилка. Сюда бы еще кружку пива да малюсенькую воблу. Только где ж ее возьмешь, в Америке-то? Если буду жить, займусь разведением воблы».

— Ахата, у меня беда, — шепнул он, чтобы его не услышали снаружи. — Что я должен сейчас делать? Извини, забыл. Вылетело из головы.

Шаман приложил ладонь к губам:

— Никаких слов. Никто не говорит.

Гончар кивнул и удовлетворенно закрыл глаза. Он и сам не любил, когда в парилке начинались разговоры. Париться надо в благоговейной тишине, чтобы было слышно, как капельки пота падают на душистые доски...

За стенами палатки загудело пламя, затрещали сухие сучья. Через минуту забили барабаны, и шайены затянули монотонный мотив.

Кто-то вошел в палатку, и Степан приоткрыл глаза. Девушка-шайенка стояла на коленях у входа, протянув к шаману трубку и четыре стрелы. Ее черные гладкие волосы двумя крыльями опускались на плечи.

Гончар мысленно поблагодарил Майвиса за то, что тот выбрал ему такую милую «жену». Но тут же вспомнил, что она должна быть раскрашена так же, как «супруг». А эта девушка была в белой рубахе. Значит, она — жена наставника, то есть шамана. «А жаль, — вздохнул Гончар. — С этой было бы не так скучно париться».

Он снова отключился от происходящего. Девушка исчезла, Ахата бубнил свои молитвы и что-то чертил на песчаном круге, а Гончар сидел, покачиваясь под ритм шайенской песни, и вспоминал, с кем и когда он последний раз ходил в баню. Уже и не вспомнить...

Шаман легонько потрянул его за плечо.

— Пора. Сейчас ты отправишься по Пути Бизона. Жена будет сопровождать тебя. Запомни все, что увидишь в пути. Тебе это пригодится.

Он вышел. Сразу же в палатку, стоя на коленях, пробрался Майвис. Он держал на деревянной подставке три обугленных булыжника, от которых несло жаром. Бережно сбросив камни в яму посреди песчаного круга, он подмигнул Степану и выбрался наружу. Следом за ним в палатку заглянули еще несколько шайенов, и над песком выросла горка раскаленных камней. Когда в палатке стало по-настоящему жарко, полог снова откинулся, и внутрь вошла, опустившись на колени, девушка с распущенными волосами. Ее хрупкое тело было покрыто алой краской с коричневыми узорами, а бедра обернуты черной тканью. Низко опустив голову, она прикрывалась скрещенными руками. Перед ней стоял широкий кувшин с водой.

— Эй, жена, а кто будет поливать камни? — шепнул Гончар.

Она вскинула голову и вытянула руку, зажимая ему рот.

— Ни слова!

Степан помнил, что должен молчать. Да он и без напоминаний не мог бы говорить, потому что просто онемел. Но одно-единственное слово все-таки вырвалось из его груди само собой:

— Милли!

14. Разбойница

Степан Гончар слышал множество рассказов о том, каким изощренным пыткам подвергают индейцы своих пленников. Но на долю Мелиссы выпала, наверно, самая невыносимая — пытка молчанием. Немудрено, что она ее не выдержала.

Как только палатка наполнилась густым паром, девушка придвинулась вплотную к Степану и шепнула ему в ухо:

— Если ты заговоришь, у нас ничего не получится. Молчи, пожалуйста.

— Нас не услышат, — тихо ответил он. — Они поют, бьют в барабаны. Не бойся, это все сказки.

— Все равно, молчи. Пусть это сказка. Но я хочу, чтобы у нее был счастливый конец.

И он молчал, слушая ее прерывистый шепот...

Майвис успел опередить Штерна и законников. В Денвере еще никто не знал о «гибели» Стивена Питерса, когда Мелисса, выглянув утром в сад, увидела, что на качелях что-то лежит. То была мужская рубашка. Черная, выгоревшая на плечах, бурая на спине от запекшейся крови.

Держа рубашку в руках, Мелисса увидела, что из глубины сада на нее смотрит индеец. Он был одет по-городскому, и поверх зачесанных назад волос была надета синяя шляпа кавалериста. Он учтиво поклонился ей и спросил:

«Вам знакома эта вещь, мисс Фарбер?»

«Может быть. Кто вы? И что вы делаете здесь?»

«Эта вещь принадлежит моему брату. Белые называют его Стивеном Питерсом».

Милли почувствовала, как земля уходит из-под ног. Она опустилась на сиденье качелей, прижимая рубашку к лицу. Но взяла себя в руки. Ей было стыдно показывать свою слабость перед индейцем.

«Так вы его брат?»

«Любой шайен назовет его своим братом».

«Здесь кровь».

«Да. Это его кровь. Ему стреляли в спину. Они хотели его убить. Они думают, что убили его. Но он жив».

За оградой сада застучали копыта, промелькнул силуэт подъехавшей кареты.

«Возвращайтесь в дом, мисс. К вам гости. Не верьте ничему, что они расскажут. Вы найдете меня возле аптеки».

Индеец поклонился и отступил за деревья. Мелисса бережно свернула рубашку и, вернувшись к себе, спрятала ее среди платьев.

Она старалась хранить спокойствие. Стивен жив, и это главное. Все остальное неважно. Он жив. Он жив... Милли упала на постель и зарылась лицом в подушку. Еще немного, и она выбежала бы из дому. Как она может оставаться на месте, когда любимый человек в опасности!

Росита пригласила ее к чаю. Лицо негритянки было хмурым.

«У нас гости?» — спросила Мелисса, стараясь не выдать волнения.

«Ох, девочка моя, век бы не видать таких гостей», — в сердцах ответила служанка.

За столом напротив отца сидел Фредерик Штерн. Увидев его, Милли остановилась на пороге.

«Папа! Как это понимать? Что делает в нашем доме этот господин? По-моему, его место в тюрьме».

Штерн встал.

«В тюрьме ко мне относились гораздо приветливее. Я уже начинаю жалеть, что покинул ее стены».

«Надеюсь, ненадолго».

«Дочка, дочка, — укоризненно заговорил отец. — Не впадай в грех осуждения. Оступиться может каждый из нас, и каждый должен найти в себе силы для прощения».

«Не понимаю, о чем ты говоришь. Я никого не осуждаю, никого не прощаю. Я просто собиралась выпить чашку чая. Но не умру, если не выпью. Мне надо заниматься переводами. А ты, пожалуйста, можешь и дальше любезничать с этим предателем».

Милли выскочила из столовой, хлопнув дверью, и закрылась в библиотеке. Ей надо было сегодня закончить перевод статьи из французского научного журнала. Примерно через час к ней вошел отец. На нем был дорожный плащ, и Милли вспомнила, что сегодня отец уезжает в Маршал-Сити.

«Ты не одета? — удивился он. — Разве ты не едешь со мной?»

«Нет, папа, я передумала. Хочу скорее закончить эту статью и взяться за новую».

«Ну что ж... Как продвигается работа?»

«Вечером перепишу набело. Этот мерзавец ушел?»

«Ты не должна так говорить о Фредерике. Один неверный шаг не может перечеркнуть те годы, которые он провел с нами».

«Зачем он приходил? И почему, черт возьми, его освободили?»

«Его не освободили. Он выпущен под залог. Фредерик оказал помощь правосудию. Рискую жизнью, помог изобличить и задержать опасного преступника. Поэтому он и заслужил определенное снисхождение суда. Чего, к сожалению, нельзя сказать о другом нашем знакомом».

Отец замолчал. Он прошелся по библиотеке из угла в угол, стуча тяжелыми сапогами, и остановился перед книжным шкафом.

«Дочка, мне очень трудно об этом говорить. Но ты уже взрослый человек, и должна воспринимать жизнь в ее истинном свете. Ты должна иметь мужество не отворачиваться от

ее неприглядных сторон...»

«Неприглядная сторона — это, конечно, Стивен? — вспыхнула Мелисса. — Папа, что тебе наплел про него этот мерзавец?»

«Видишь ли, мы воспринимали мистера Питерса как человека своего круга, не так ли? Вряд ли он вошел бы в наш дом, будучи ковбоем, или батраком, или шахтером.... Нет, он казался нам вполне достойным гражданином, образованным и добропорядочным. К сожалению, дочка, мы слишком мало знали об этом человеке. Оказалось, что обвинения, которые выдвинул против него суд, были не такими беспочвенными, как уверял Питерс. Ты помнишь, каким мы его встретили впервые, на перевале в Небраске? Без гроша в кармане, полуголым. Он ничего не рассказывал о себе. Теперь я понимаю, что у него были на то веские причины. Разве тебя не удивило, что уже через очень короткое время после первой встречи мистер Питерс разительным образом изменился? Откуда у него взялись деньги, на которые он скупил половину города? Откуда в нем появилась та жестокость, с какой он расправился с похитившими нас бандитами?»

«Минуточку, папа! — Милли перебила отца. — Когда он спасал твою жизнь, ты не задавал себе этих вопросов, не так ли? Так какого черта ты спрашиваешь об этом сегодня?»

Отец вздохнул.

«Наверно, я привык ставить только такие вопросы, на которые уже знаю ответ. Дурная академическая привычка».

«Знаешь ответ? Ничего подобного! Ты знаешь только то, что наговорил тебе Фред! Но это неправда! Не верю ни единому его слову!»

«Придется поверить. Вряд ли тебе это понравится. Но способ, которым Питерс зарабатывал на жизнь, возводит между ним и нами непреодолимую стену. И эта стена называется — Закон. Питерс — преступник. Он грабил поезда. Все думали, что он проводник, а он был грабителем. Неуловимым грабителем. Даже укрывшись в Маршал-Сити, даже зная, что за ним охотятся, он не оставил свое кровавое ремесло. Он беззастенчиво расплачивался со своими рабочими золотом, которое добыл, ограбив почтовый поезд. Все это — не мои фантазии, и не домыслы Фредерика. Это установили полицейские. И нам остается только благодарить судьбу, что знакомство с мистером Питерсом ничем не скомпрометировало нашу семью».

Мелисса зажала уши, но монотонный голос отца все равно доходил до нее.

«Ему не удалось долго скрываться в Вайоминге. Его арестовали. Он оказал сопротивление и был тяжело ранен».

«Мне все равно! — выкрикнула Милли. — Я не верю!»

Отец замолчал, и Милли, выждав немного, снова взялась за карандаш. Она попыталась изобразить, что сейчас ее больше всего занимает витиеватая фраза, которая завершала статью.

«Да, он был тяжело ранен, — откашлявшись, продолжал отец. — Все усилия медиков оказались тщетными. Мне тяжело тебе это сообщать, но Стивен Питерс.... Он предстал перед своим последним судом. Его больше нет. Не стоит жалеть о нем, дочка».

«А я и не жалею», — произнесла Милли, заглядывая в словарь.

«Странно».

«После всего, что ты о нем рассказал, я просто не имею права о нем жалеть. Есть еще новости?»

«Понимаю тебя, — сказал отец. — Кажется, тебе хочется побыть одной».

Он был прав. Мелиссе хотелось побыть одной, чтобы незаметно отправиться на встречу с индейцем.

«Но тебе нельзя замыкаться в своем горе, — добавил профессор. — Я понимаю, что ты относишься к Питерсу, как к романтическому герою. Но это только образ, созданный твоим воображением. И он не имеет ничего общего с реальным человеком, преступником и лжецом».

«Я обязана все это выслушивать? Хорошенькое же у тебя получилось надгробное

слово. Папа, оставь меня, пожалуйста».

«Дочка, почему бы тебе не отправиться со мной? — мягко спросил профессор. — Тебе надо сменить обстановку. Князь Салтыков ждет меня. Он не будет возражать, если и ты присоединишься к экспедиции. Ты успеешь собраться за час. А статьи подождут».

«Нет, папа, — ответила она. — Я никуда не поеду».

«Раньше мне не приходилось тебя уговаривать».

«Тогда я была ребенком. Может быть, ты не заметил, но я выросла. И мне не хочется провести все лето среди незнакомых мужчин».

Вздыхнув, отец вышел из библиотеки. Милли захлопнула тетрадь и швырнула ее в угол. К черту переводы! К черту экспедицию!

Она едва дождалась, пока отец не погрузит свои походные сундуки. Как только дилижанс, увозящий отца, скрылся в глубине улицы, Милли быстро переделась и поспешила к аптеке.

Индеец в кавалерийской шляпе стоял, прислонившись к углу соседнего дома. Он незаметно кивнул ей и быстро зашагал по переулку. Милли догадалась, что он не хочет встречаться с ней на глазах у многочисленных прохожих. Она поправила шляпку перед витриной, огляделась и неторопливо направилась вслед за индейцем.

Он ждал ее, сидя на козлах легкого армейского фургона, запряженного шестеркой лошадей.

«Стивен нуждается в вашей помощи, — сказал индеец. — Мисс Фарбер, вы поедете со мной и поможете ему».

«Когда надо ехать?»

«Сейчас».

Не задумываясь, она вскочила на подножку фургона и забралась внутрь. Индеец щелкнул бичом, и лошади понесли с места.

К вечеру фургон остановился в горном лесу. Здесь Мелисса пересела на коня и отправилась дальше через перевал в сопровождении десятка женщин-шайенок. По дороге они рассказывали ей о предстоящей церемонии. На Путь Бизона мог встать далеко не каждый. В прежние времена эту честь доверяли лучшему из охотников. После всех магических ритуалов он отправлялся в прерию, и бизоны сами сходились к нему. Человек-бизон собирал их в стадо и удерживал на месте, а подросшие индейцы забивали столько быков, сколько им было нужно.

Тот, кто прошел Путь Бизона, ненадолго получал власть над силами природы. Он мог повелевать не только животными, но и погодой. Он мог предсказывать будущее или разгадывать тайны прошлого. Обычно человек-бизон использовал свое могущество для нужд племени. Но иногда, в очень редких случаях, индейца отправляли в Путь Бизона только для того, чтобы он избежал смерти.

Вообще шайены не считали необходимым особо усердствовать в лечении больных или раненых. Если Великому Духу угодно забрать кого-то к себе, с этим бесполезно спорить. Однако жизнь вождей или великих воинов принадлежит не только им одним — она является частью общего богатства, накопленного племенем. Поэтому, когда неодолимая болезнь или тяжелая рана не поддавались обычным способам целительства, вождь становился на Путь Бизона.

Впрочем, не все возвращались с этого пути живыми.

— Вот почему сейчас ты должен молчать, — заключила Милли. — Таковы правила, и мы не будем их нарушать.

15. Учение дона Бизона

Приятно было сознавать, что белого человека по имени Зимний Туман индейцы ценят не меньше, чем вождя — хотя сам Гончар не помнил за собой никаких особых заслуг перед шайенами. Ему было даже неловко от того, что он, самый важный участник церемонии,

знает об этой церемонии меньше всех. Меньше шамана, меньше Майвиса и даже меньше, чем успела узнать Милли. Правда, от него ничего и не требовали. Он терпеливо парился и молчал. А Мелисса то плескала воду на раскаленные камни, то обводила наконечником стрелы узоры на его груди и спине, и прикосновения острого металла были болезненными и приятными одновременно. А за стенами палатки продолжали бить барабаны и звучали песни индейцев. Их голоса уже были не такими громкими и слаженными, как вначале, и только по этому признаку Гончар мог догадаться, что церемония длится несколько часов.

Камни давно остыли, и вода перестала шипеть на них. Мелисса забросала булыжники полынью, собрав ее от краев палатки к середине, и Степан лег животом поверх мягкого душистого холмика. Девушка оседлала его поясицу. Наконечником стрелы она водила вдоль спины, сначала осторожно и ласково, потом все сильнее и глубже погружая острие между позвонками. Неожиданно она вскрикнула от испуга и прошептала:

— О, Господи, у тебя черная кровь! Молчи, молчи! Не шевелись! Так должно быть!

Степан лежал под ней, почти не замечая тяжести ее горячего тела, и больше всего на свете хотел перевернуться.

Внезапно барабаны замолкли, и в тишине прозвучал резкий голос шамана:

— Каждому из нас хочется знать, какая судьба ему уготована. Но такое знание приходит только по воле духов, когда они посылают Видение своему избраннику. Один отважный и настойчивый юноша захотел получить это священное знание, чтобы стать великим шаманом. Он целый год готовился к встрече с духами, и вся родня помогала ему. Юношу кормили отборной пищей, молились за него и желали ему добра.

Ранним весенним утром два старых шамана подвели юношу к подножию высокой горы. Они натерли его тело волшебной травой и дали ему связки табака для приношения даров духам.

Юноша поднялся на вершину. Он выкопал яму, лег в нее и стал ждать Видения. Наступила ночь. Ледяной ветер пронизывал юношу, его зубы стучали от холода, но он громко выкрикивал молитвы, и его вопли смешивались с плачем страха и отчаяния. Но Видение так и не пришло. Когда же из-за гор показался первый луч солнца, юноша услышал голос, исходящий из утреннего тумана. «Послушай, человек, почему ты выбрал именно эту вершину? Ты кричал и молился всю ночь, и не давал спать всем нам, духам, зверям и птицам. Почему мы должны страдать вместе с тобой? Найди себе другое место для своего испытания, и не подвергай испытанию нас».

Но юноша был отважен и настойчив. Он стиснул зубы и провел еще целый день, громко моля о Просветлении, а потом еще целую ночь истязал себя криками, страхом, холодом и голодом. Под утро он услышал голос тумана. И этот голос произнес: «Мы тебя предупреждали? Предупреждали. Так не обижайся». В следующий миг вершина горы раскололась надвое, и отважный юноша полетел в пропасть. Он еще не успел долететь до ее дна, как стены пропасти сомкнулись, и на вершине горы осталась только яма со связками табака. Они до сих пор лежат там и дымятся потихоньку.

Да, каждый из нас хотел бы получить Видение. Но его нельзя добыть силой, настойчивостью или хитростью. Оно приходит как дар свыше. И этот дар — награда за терпение и смирение. Зимний Туман, слышишь меня?

— Да, — прохрипел Степан Гончар, с трудом поднимая голову и стряхивая с лица прилипшие стебельки полыни.

— Пришло твое время, Зимний Туман.

Снова ударили барабаны, и в палатку вошли индейцы. Они подняли Гончара на руки и вынесли на поляну. Там, перед черепом бизона, возвышался шатер из белых шкур.

— Этот дом для тебя и твоей жены, — торжественно провозгласил шаман. — Оставайтесь здесь до тех пор, пока не взойдет новое солнце.

Степана усадили в середине шатра. Полог был откинут, и Гончар видел прямо перед собой белый череп с черными глазницами и огромными закрученными рогами. Милли свернулась калачиком у его ног.

Он услышал, что пение и барабаны удаляются. Звуки становились все глуше, пока не растаяли в лесном шуме.

— Все ушли, — сказала Милли, поднимаясь на колени. — Здесь нет никого, кроме нас. Не считая духов. И этого бизона. Ты его видишь?

— Череп?

— Значит, пока не видишь. — Девушка развязала мешочек, висевший над входом, и вытряхнула на ладонь два сморщенных корешка. — Нам придется жевать это. Не знаю, как на вкус, но выглядит ужасно.

— Знаешь, разбойница, если пожевать некоторые грибы или кактусы, можно увидеть не только бизона, — сказал Гончар. — Нам обязательно это делать?

— Обязательно. Тебе какой, побольше или поменьше?

— По-моему, они одинаковы.

— Ну, тогда вот этот — твой, — решила Милли. — Он похож на конскую голову. А этот, как сердечко, пусть будет моим.

— Подожди, — Степан удержал ее руку. — Тебе очень идет этот наряд.

Она закусил губу и отвернулась, прикрывая рукой грудь.

— Если будешь дразниться, я тебя убью.

Он вдруг подумал, каких мучений стоило девушке оказаться совершенно голой, да еще с раскрашенной кожей, наедине с мужчиной. И еще толпа индейцев вокруг.... Как она смогла решиться на такое? Он почувствовал, как его уши запылали от стыда.

— Быстрее, Стивен, быстрее, — снова заговорила она, вкладывая сухой корень в его губы. — Жуй его и смотри на череп.

— А ты?

— А я буду рядом. Не бойся.

— Ты отлично справляешься с обязанностями жены, — сказал он, морщась от невыносимой горечи.

— Меня долго готовили.

— Значит, ты знаешь, что муж и жена.... — Гончар снова попытался перехватить ее руку, но Милли отодвинулась. — Когда муж и жена остаются в палатке одни, они не только корешки жуют. Тебе и это рассказали?

— Но, Стивен, мы еще не муж и жена. И не надо меня трогать! Если бы я знала, что ты такой, я бы сто раз подумала, прежде чем согласиться. Мне сказали, ты лежишь как покойник и ничего не видишь. А ты вон какой. Нет-нет, не трогай меня, пожалуйста. А то уйду!

Он понял, что она не шутит, и с равнодушным видом скрестил руки на груди.

— Что-нибудь чувствуешь? — спросила она немного спустя.

— Жевал я травки и повкуснее. Нет, ничего, кроме горечи. А ты?

— Голова кружится. Стивен, обещай, что.... — она смутилась. — Если я вдруг засну.... Обещай, что со мной ничего не случится.

— Да ты стала настоящей шайенкой, — усмехнулся он. — Они жуткие недотроги. Парням нельзя даже смотреть в их сторону, не то что перекинуться словечком.

— А как же они тогда женятся?

— Целая история. Может пройти несколько лет, прежде чем парень удостоится благосклонного взгляда своей избранницы. Тогда он может уже и поговорить с ней.

— О свадьбе?

— Ты что! — он рассмеялся. — О погоде, или об удачной охоте, или о том, как хороша лошадь невесты. Но, как только будут сказаны эти несколько фраз, родители юноши и девушки тут же начинают между собой обсуждать перспективы. Если препятствий для брака нет, начинается подготовка. Семья жениха приносит множество подарков всем родственникам невесты. И это тоже длится не один месяц.

— А у меня даже родственников никаких не осталось, — печально произнесла Мелисса. — Только папа. И ты. Что с нами будет, Стивен?

— С нами все будет прекрасно. Ты же слышала, злодея по имени Питерс больше нет. Значит, я могу спокойно жить под новым именем. Мы уедем в Калифорнию. — Он мечтательно покачал головой. — В Сан-Франциско. Это чудесный город. Ты видела океан? Увидишь. Тебе понравится.

— Мне все понравится, если ты будешь рядом, — донесся ее голос откуда-то издалека.

Гончар открыл глаза и увидел, что прямо перед ним стоит огромный бизон. Его блестящие вишневые глаза смотрели куда-то поверх головы Степана, а из ноздрей вырывались струйки пара. Лохматая грива свисала до земли, и из-под нее выглядывали только кончики копыт, широких, как суповые тарелки.

— Ты откуда взялся? — спросил Гончар. — Мы тебя не звали. Иди своей дорогой.

Бык оставался неподвижным.

«Да я сплю! — подумал Степан. — Он мне снится! Откуда в лесу может появиться бизон? А ведь мы — в лесу. Или нет?»

Он оглянулся, с нарастающим изумлением замечая, что стены шатра становятся прозрачными, словно тают в воздухе. И вот они исчезли окончательно, и Степан оказался посреди бескрайней сухой степи. Серые стебли полыни раскачивались над бурой короткой травой. Вдалеке медленно двигались черные точки. То были бизоны, такие же огромные, как и тот, что стоял перед Гончаром. Да, они казались точками на горизонте, но он понимал, что они огромны. Как танки. И такие же страшные, такие же неуязвимые....

— Иди за мной, — сказал кто-то.

Бизон развернулся и побрел прочь.

Степан встал на ноги и зашагал следом, глядя на черные отпечатки копыт в красной земле...

16. Горящий Волк и Мокрая Сорока

Он очнулся от нестерпимого голода. Казалось, в животе бушует пламя, которое надо было срочно залить горячим бульоном и забросать ломтями кукурузной лепешки. Да хватило бы и горсточка риса, и даже корке черствого хлеба Степан был бы сейчас рад!

Ароматный дымок жареного мяса щекотал ноздри. Гончар рывком поднялся с земли.

У костра под березой сидел Ахата, обгладывая кость.

— Садись, ешь, — позвал он.

— А где Милли? — Степан растерянно оглядывался. — Где Майвис? Где все?

— Твоя невеста уехала домой. Ее провожают Майвис и женщины. Тебе надо пожить у меня еще несколько дней. Потом я покажу тебе дорогу к стоянке Горбатого Медведя. Садись, ешь.

Степан схватил кусок мяса с решетки над костром и, обжигаясь, принялся рвать его зубами.

— Тебе надо много есть, — говорил Ахата. — Много мяса, много зелени и орехов. Ты должен обновить свою кровь. Твоя старая кровь ушла вместе со старой силой. Новая сила придет вместе с новой кровью. Ты получишь новое имя. Тебя ждет новая жизнь.

Шумно втягивая воздух, чтобы остудить обожженный рот, Гончар с сожалением поглядел на опустевшую решетку.

— Дай ружье, схожу за мясом, — попросил он. — Кажется, я могу съесть целого оленя.

— Ты еще слаб для охоты. И твой запах отпугнет любого зверя. Не торопись. Еду тебе принесут.

— Когда?

— Белый человек нетерпелив, как голодный волк, — сказал шаман. — Белый человек ненасытен, как пожар. Я буду звать тебя Горящий Волк.

Вместе с новым именем Гончар, как оказалось, получил и новую одежду — домотканую серую рубаху и широкие замшевые штаны. На ногах уютно и плотно сидели мягкие мокасины, украшенные желтым и зеленым бисером. Он провел рукой по груди и

обнаружил, что исчез нателный крестик.

— Не бойся, твой крест не пропал, — сказал шаман. — Майвис сохранил его вместе с твоим оружием. Ты получишь его обратно, когда придет время.

— Мое оружие здесь? А моя лошадь?

— Майвис все сохранил. Лошадь, одежда, часы — все в надежном месте. Скоро ты получишь свои вещи. Скоро. Но не сейчас.

— И на том спасибо.

Едва насытившись, Гончар принялся бродить вокруг поляны. Он с трудом узнавал эти места. Оказывается, когда смотришь на лес, лежа на земле, он выглядит совсем не так, как с высоты человеческого роста.

Среди берез повсюду виднелись обугленные пни и поваленные черные стволы. Когда-то здесь бушевал пожар. «Не самое лучшее место для охоты, — подумал Степан. — За оленем или даже за рябчиком придется уходить далеко отсюда. Но шаман прав, я еще слабоват для таких походов». В ушах стоял звон, сердце колотилось, и немного поднявшись в гору, Степан остановился, чтобы отдышаться. Но все-таки он шел, шел сам, и ноги твердо и уверенно топтали пожухлую листву. И в руках было достаточно силы, чтобы ухватиться за длинный сук и подтянуться пару раз. «Живем!» — с ликованием сказал себе Степан Гончар, он же Горящий Волк. Ему пришло в голову, что пора подумать и о другом имени. Как он будет представляться своим бледнолицым братьям, когда вернется в город?

Легкий шорох за спиной заставил его позабыть обо всем. Он метнулся в сторону и упал за куст.

Женщина с охапкой хвороста застыла на лесной тропинке. Она с трудом удерживалась от смеха.

— Как ты быстро прячешься, — наконец, выдавила она. — Быстрее зайца. Ты все делаешь так же быстро, как заяц?

По рубаше, вышитой синими и зелеными ромбами, Горящий Волк узнал в ней одну из тех женщин, что раскрашивали Мелиссу. Ее косы, перевитые желтыми ленточками, лежали на груди, а смуглое лицо с высокими скулами светилось насмешливой улыбкой.

— Извини, если я тебя напугал, — сказал он. — Но моя спина стала соображать быстрее меня. С тех пор, как познакомилась с пулей.

Женщина спросила что-то на непонятном ему языке.

— Говори по-шайенски, — попросил он.

— Отец сказал, что тебе знаком язык сутайо.⁴ Ты говорил как сутайо, когда вернулся с Пути Бизона.

— И что я говорил?

— Просил быстрее отпустить тебя домой. В город железных мостов.

— Что ж вы не отпустили? — Он забрал у нее хворост. — Давай помогу. Так ты — дочь Ахаты?

Она пошла впереди и, оглянувшись, сказала:

— Мое имя — Сентаху.

— А мое — Горящий Волк.

— Чем ты заслужил такое имя? Твоя помощница не заметила, чтобы ты был слишком горяч.

«Ох и стерва», — подумал он, шагая за ней по тропе и наблюдая, как колышется платье вокруг ее широких бедер. Женщине было лет тридцать, и по тому, как она держалась, Горящий Волк понял, что это вдова. Бездетная вдова, потому что с детьми ее взяли бы в свою семью родичи погибшего мужа. Одинокая, крепкая, бойкая — таким кумушкам лучше не попадать на язычок.

— Разве имя можно заслужить? — спросил он. — Чем ты заслужила свое?

⁴ сутайо — племя, родственное шайенам

— Ты бы не спрашивал, если бы знал язык сутаю.

Она зашагала быстрее, ловко уклоняясь от ветвей. Ни один листик не шелохнулся на ее пути. Горящему Волку пришлось замедлить шаг, чтобы идти так же бесшумно, не задевая вязанкой за деревья и не наступая на сухие ветки, поэтому она намного опередила его и первая присела к костру рядом с Ахатой.

Отец и дочь перекинулись негромкими словами, и Сентаху рассмеялась. Шаман пошевелил палкой в костре и сказал:

— Вчера моя дочь расставила ловушки в лесу. Если ты не устал, сходи вместе с ней, заberi пойманную дичь. Я приготовлю тетеревов. Их мясо полезно для тебя.

Горящий Волк положил вязанку на траву и отряхнул рубаху.

— Я не устал. Пусть твоя дочь скажет, куда идти, и я принесу дичь. Если она ждет меня в этих ловушках.

Шаман, прикрыв глаза, задумался о чем-то, а потом произнес:

— Ты принесешь двух тетеревов. Старого косача и молодого петушка. Косач запутался в сети, а петушок висит в петле.

— Я не привык ловить птицу силками, — сказал Горящий Волк, пытаясь загладить невольное оскорбление. Как он посмел усомниться в охотничьей магии? — Дай мне ружье, и я набью полный мешок дичи.

— Здесь нельзя стрелять, — ответил Ахата. — Идите, не задерживайтесь.

Сентаху подняла с земли длинную меховую безрукавку и накинула себе на плечи.

— Идем, пока ты не остыл.

Горящий Волк присел рядом с шаманом и спросил негромко:

— «Сентаху» — это значит «сорока»?

— Мокрая Сорока, — кивнул Ахата. — Она получила это имя в детстве, и так до сих пор от него не избавилась.

Они углубились в лес, поднимаясь по склону горы. Горящий Волк едва поспевал за дочкой шамана, но его радовало то, что он перестал задыхаться. С каждой минутой он чувствовал себя все лучше. Когда на пути оказался быстрый ручей, он перемахнул его одним прыжком, и насмешливо оглянулся на Сороку, которая переходила вброд, высоко подняв подол рубахи.

«А ножки-то у нее не сорочьи, и все остальное тоже», — думал он, жадно оглядывая грудь, проступающую под тонкой тканью. Сентаху перехватила его взгляд, но не смутилась, а, наоборот, подтолкнула его бедром. От игривой улыбки ее глаза стали еще уже, а лицо еще шире:

— Почему ты остановился? Увидел что-то страшное?

— В этой жизни больше нет ничего страшного, — сказал он, облизав губы и с трудом заставив себя отвернуться. — Все страшное осталось в прошлом.

— Мужчины всегда говорят, что ничего не боятся. Не знаешь, куда уходит их отвага, когда они рядом с женщиной?

— Ты могла спросить это у мужа.

— Не успела. Нам с ним некогда было говорить. Я слышала, у тебя была жена-шайенка. Ей нравилось жить с белым?

— Думаешь, белые так сильно отличаются от шайенов?

— Не знаю. — Она остановилась, прислушиваясь. — Тише. Ты очень громко дышишь.

— Шайены не дышат?

— Иногда они дышат даже громче, чем ты. Иногда они рычат, как медведи. И вопят, как кошки. И не дают спать соседям. Поэтому для молодых ставят палатку подальше. Чтобы не мучить стариков.

Она скинула безрукавку, расстелила под березой и опустилась на нее.

— Сядь рядом. Расскажи, как ты встретился со своей первой женой.

— Когда мы встретились, я не знал, что она станет мне женой, — сказал Горящий Волк, присев на корточки.

Сентаху легла на бок, опираясь на локоть.
— Почему ты замолчал? Я слушаю.
Он прилег рядом, и его ладонь сама собой опустилась на ее бедро.
— Не молчи, — женщина шлепнула его по ладони, но не отодвинулась.
— Я не молчу. Я вспоминаю.
— Ты долго ухаживал за ней? Какими подарками заманивал ее в свой шатер?
— Подарки? Так получилось, что мы жили в одном доме. Помнится, она болела, и я ее лечил. И однажды ночью она сама пришла ко мне. И стала моей женой.
— Она легла рядом с тобой и сказала, чтобы ты не двигался, да?
— Да.
— Она сама раздела тебя, да? И лежала на тебе, и вы оба замерли, да? Она сказала, что так это делают улитки?
— Да, да, да...
— Сними рубаху. Я хочу видеть твою кожу.
Ее горячие пальцы скользнули по его груди.
— Смотри, рисунок остался. Я думала, что смыла его, а он опять проступил.
— Ты смыла рисунок? Ты?
— Ну да, я. Я долго мыла тебя, когда все уехали. У тебя спина была в черных полосах от крови. А грязь на ногах засохла так, что я отбивала ее камнем.
— Не отбила ничего лишнего? — спросил он, теряя голову от ее голоса.
Сорока хихикнула и распустила его пояс.
— Нет, все на месте.
Жаркая волна окатила его, и он затрясся, как в лихорадке.
— Какой ты горячий, — сказала она и опрокинулась на спину, раздвигая согнутые ноги. — Иди сюда, остынь.
Он набросился на нее, и мягкое тело забилося под ним в исступлении. Сорока стонала, рычала и взвизгивала, она била руками то по его спине, то по земле, и жухлая листва разлеталась во все стороны. Они катались, сплетаясь, как черви. И вдруг оба одновременно замерли.
Горящий Волк вскочил на ноги. Из-за кустов на них смотрел человек в лохматой шапке. В одной руке он держал большого иссиня-черного тетерева. В другой был винчестер, однако взгляд чужака был прикован к голой женщине.
Одним прыжком Горящий Волк налетел на него и толкнул в грудь головой. Оба с треском провалились в кусты. Перед глазами Горящего Волка блеснул клинок, и он впился в запястье зубами, потому что его руки были заняты — они сжимали горло противника. Что-то хрустнуло под пальцами, и тело врага изогнулось дугой, а потом обмякло. Горящий Волк выждал еще немного и встал.
— Ну где же, где ты? — спросила Сорока.
Она стояла на четвереньках и терлась грудью о мех безрукавки. Ее жирный зад ходил из стороны в сторону.
— Иди скорей, он нам больше не помешает, — простонала она. — Я умираю без тебя. Где ты?
Горящий Волк отшвырнул ногой винчестер и вернулся к Сороке. Он обхватил пышные бедра, прижался к ним, и закричал вместе с ней от острого наслаждения...

17. Разыскивается Стивен Питерс

— Твой отец все напутал, — сказал он, разглядев тетерева. — Этот косач не запутался в сети. Видишь, у него на лапе остаток петли от силка?
— Отец уже старый, — блаженно потягиваясь, проговорила Сорока. — Мог и напутать. Ты сходишь за вторым тетеревом?
— Схожу. Заодно поищу лошадь этого бедолаги. Не пешком же он сюда добрался.

— Иди вверх по ручью, — подсказала дочь шамана. — Его лошадь привязана к дереву. И она не одна. Хочешь, я пойду с тобой? Там может быть второй бродяга, и я его отвлеку, чтобы тебе было легче его убить.

— Обязательно убивать?

— Это Холм Смерти. Отсюда не возвращаются живыми. И все это знают. Если они пришли сюда, значит, они пришли за своей смертью.

— Ты лучше отца предупреди, — сказал он, обыскивая убитого. — Если я приведу двух лошадей, мы сможем быстро покинуть это веселенькое место. Да захвати косача. Может быть, приготовим его уже на новой стоянке.

— Зачем нам уходить отсюда? Чистый лес, хорошая вода, много птиц и ягод. — Она сорвала молодой лист с ветки, облизала его и приклеила к ссадине на локте. — Смотри, что ты наделал. Из-за тебя я ободрала всю кожу. Ты искусал мне грудь и спину исцарапал. Отец подумает, что на меня напала рысь.

— Попроси его поколдовать, чтобы твои раны затянулись быстрее.

— Не бойся. К ночи все затянется. И я буду как новенькая. А ты? Ты сможешь добраться до моей палатки?

— Иди, иди, — отмахнулся он.

В карманах убитого оказались патроны для винчестера и сложенный лист грязной бумаги. Развернув его, Степан увидел себя. «Разыскивается Стивен Питерс...»

— Ну что же, ты меня нашел, — сказал он покойнику и забросал его ветками.

Держа винчестер наперевес, он отправился вверх по ручью. Где-то впереди раздавался возмущенный треск сороки. Она предупреждала всех вокруг, что в лесу появился незванный гость. Гончар двигался медленно, часто останавливаясь, чтобы прислушаться и взглянуть в бело-зеленую рябь леса. Солнце склонилось к закату, и косые лучи освещали только макушки берез, внизу же понемногу сгущались лесные сумерки.

Там, где ручей растекся по широкому перекату, Гончар увидел каурую лошадь. В светло-рыжей гриве запутались опавшие листья. Наверно, она уже давно тут стояла и чесалась о ствол березы. За седлом виднелось скатанное одеяло, из седельной кобуры торчала рукоятка револьвера.

Степан опустился на четвереньки и пополз, забирая в сторону, чтобы выйти к перекату из-под ветра. Где-то рядом хрустнули ветки. Это второй конь, скрытый за кустами, переступил копытами.

Гончар осторожно раздвинул ветви и увидел гнедого мерина. Тот прядал ушами и отчаянно обмахивал себя черным хвостом, отгоняя мошкар, которая светящимся облачком кружила над ним. У его копыт лежал человек, связанный по рукам и ногам.

«Сколько их было, двое или трое? — подумал Степан. — Один отправился воровать из чужих капканов, второй остался сторожить третьего? Чего его сторожить, он же связан. Значит, двое?»

Он свистнул, не показываясь из-за куста. Связанный поднял голову, и Степан увидел, что у того изо рта торчит кляп.

На всякий случай Гончар обошел стоянку по кругу. Сломанные ветви и надкушенные побеги подсказали ему, что лошади пришли сюда сверху, с другой стороны горы. Отпечатки копыт были одинаковыми по глубине. Значит, на каждом коне был только один седок.

Теперь у него не было причин скрываться. Степан подошел к связанному и выдернул кляп.

— Спасибо, братишка, — прохрипел пленник.

— Не торопись благодарить. Я убил твоего попутчика. Может быть, тебя тоже придется.

— Все равно спасибо. Думал, что задохнусь. У меня от березового духа всегда сопли текут. Сейчас высморкаюсь, а потом можешь убивать.

Гончар перевернул его на живот и принялся распутывать узел. Освободившись от пут, пленник сдержал обещание и оглушительно громко высморкался, утерев нос рукавом.

— Говоришь, ты его прикончил? Вот ведь как бывает. День начался — хуже некуда, а закончился такой приятной новостью.

— День еще не закончился. — Гончар намотал веревку на локоть и перекинул через плечо. Пригодится. — Куда тебя везли?

— В Денвер, братишка, в Денвер. Там дают хорошие деньги за белого человека, если его зовут Стивен Питерс. А как мне называть тебя, братишка?

— Горящий Волк, — ответил Степан, с любопытством оглядывая однофамильца.

Он был щуплый и неказистый, лет сорока. На обветренном лице ярко светились голубые глаза. В коротких волосах блестела проседь. Пленник улыбнулся, обнажив мелкие желтоватые зубы.

— Ишь ты, Горящий Волк... Ты не больно-то похож на краснокожего.

— Просто не успел накраситься.

— Не заливай. Я же вижу, мы с тобой из одной обоймы. Кто еще может развязать связанного преступника, как не такой же преступник?

— Тот, кому нужна веревка.

— Хе-хе. А ты мастер отмазываться. Мог бы запеть о христианском милосердии. А оказывается, тебе просто веревка понравилась? — Он рассмеялся и снова высморкался. — Прячешься в лесу? Я тоже однажды отсиживался у апачей в Аризоне. Но ладно, дело твое. Хочешь, чтобы я называл тебя Волком? Запросто. А меня зови просто Стивом, я не гордый. А вообще-то братва звала меня Мушкетом.

— Так значит, ты — Стивен Питерс?

— Он самый. Видал мои портретики? И какой олух их только малевал! Ты видел эту идиотскую шляпу? И этот галстук! Мы, Питерсы, сроду не носили удавок. Нам их надевали, такое случалось, но только по приговору суда.

— Так это ты занимался почтовыми поездами?

— Было дело. Но то, что на меня вешают колорадских шерифов — это гнусный навет и подлейшая клевета. Любой тебе скажет, что Мушкет в жизни не стрелял по человеку. Пальба в переполненном вагоне — последнее дело. Мой дробовик без единого выстрела заставлял всех наложить в штаны.

— Так вот что я тебе скажу, Мушкет, — усмехнулся Гончар. — Знавал я парня, которого тоже звали Стивен Питерс. И это его портрет лежал в кармане у твоего попутчика.

— Да ну! — Мушкет в очередной раз трубно высморкался. — Так он твой друг? Тогда совсем другое дело. Мне жаль, что эти олухи так по-дурацки нарисовали его шляпу. А как насчет шерифов? Это правда?

— Чистая правда.

— Ага! И ты тоже замешан?

— Немного.

— Я же говорю, мы из одной обоймы. Слушай, Волк, два шерифа — это всего лишь два шерифа. И ты из-за такой ерунды сидишь в лесу? Эта страна исполосована рельсами. По ним снуют тысячи поездов. И в них катаются миллионы баксов. А ты сидишь в лесу, как пенек обоссанный! Я в том смысле, что загниваешь ты здесь не по делу, а нам людей не хватает!

Гончар осмотрел лошадей, и гнедой мерин ему понравился.

— Гнедого я возьму себе, а этот — твой, — сказал он, отстегивая от седла каурого кобуру с револьвером. — Найдешь обратную дорогу?

Мушкет почесал затылок:

— Наверно. Правда, этот козел приторочил меня, как мешок с говном, башкой вниз. Никаких примет по дороге не видел. И спросить-то не у кого. Ну, поеду в гору, а там соображу. Да только не уехать мне далеко.

— Это почему?

— Сам посуди. Далеко ли может уехать в этих краях безоружный всадник? Ты поделил лошадей — это твое право. Но на моем седле чего-то не хватает, тебе не кажется?

— Знаешь, Мушкет, с некоторых пор я не выношу, когда у меня за спиной человек с

оружием.

— Знаешь, Волк, у меня тоже между лопаток зудит. И что же нам делать? Не возражаешь, если я пойду рядом?

— Ты еще не знаешь, куда я иду.

— А мне все равно. Лишь бы в хорошей компании.

Степан задумался, как бы избавиться от навязчивого попутчика. Но вдруг непонятная сила заставила его пригнуться и нырнуть под брюхо мерина. В этот же миг из-за ручья прогремел выстрел. Пуля ударила о ствол березы, сверху посыпались листья.

Лежа за широким пнем, Гончар увидел, что в нескольких шагах из-за коряги выглядывает Мушкет. Налетчик подмигнул ему, сгибая указательный палец, словно держал в руке невидимый кольт. Степан вытянул револьвер из кобуры, которую только что снял с лошади, изловчился и бросил. Мушкету пришлось привстать, чтобы схватить оружие, и новый выстрел срезал ветку как раз над его головой.

Степан взвел курок винчестера и прицелился туда, где между деревьями еще завивались стружки порохового дыма.

«Откуда взялся третий? — подумал он. — И как ему удалось подойти к нам совершенно бесшумно? А что, если это индеец?»

— Я Зимний Туман! — крикнул он по-шайенски. — Если ты шайен, назови себя. Если ты — сиу, давай отбросим винтовки и сразимся как мужчины, голыми руками!

В ответ раздался выстрел, и пень вздрогнул, приняв на себя удар пули. Сбоку рывкнул кольт. Гончар перекатился в сторону, надеясь, что Мушкет отвлек на себя внимание невидимого снайпера. Он не рассчитал силы броска, и вместо того, чтобы спрятаться за кочкой, свалился прямо в ручей.

В лесу гулко хлопали выстрелы — на хлесткие щелчки винчестера отвечал басовитый кольт. Степан, извиваясь ужом, скользил по каменистому руслу, держа винтовку над водой.

— Эй, Волк! — окликнул его Мушкет. — Я его зацепил. Он убегает вверх по склону! Достань его сам или кинь мне хотя бы один патрон!

Между белыми стволами мелькала темная фигура. Гончар кинулся вдогонку. До убегающего было метров двадцать, не больше. Но Степан не хотел стрелять. Противник петлял, хватаясь за березы рукой. Эффективный прием, если ты уклоняешься от выстрела в спину. И бесполезный, если тебя догоняет индеец, который бежит по прямой.

Он обогнал стрелка и дождался его, стоя за широким стволом. В нужный момент осталось только выставить ногу и легонько ударить прикладом по затылку.

Это был негр в синей кавалерийской куртке, молодой и сильный, судя по его широким запястьям и мощной шее. Гончар успел связать ему руки и набросил петлю на горло, когда подоспел запыхавшийся Мушкет.

— Ты что делаешь! — заорал он. — Патрона пожалел? Я не собираюсь его вешать! Дай ему умереть, как человеку!

— Не шуми, — сказал Степан. — Знаешь, почему он в нас стрелял? Потому что ты слишком много говоришь. В лесу надо молчать.

— Был бы нож, я бы перерезал ему глотку, — сказал Мушкет, уже гораздо тише. — Но вешать? Ты же видишь, этот парень такой же бродяга, как мы с тобой. Посмотри на его подметки. И воняет он, как будто месяц не мылся. И будь мы не такими быстрыми, он бы нас завалил. Мы слишком быстры для него. Но это не значит, что парня надо вешать! Дай нож, если сам не хочешь пачкаться!

— Заткнись. Я не палач.

Вдвоем они дотащили негра до ручья и пару раз макнули головой в ледяную воду. Когда тот открыл глаза, Мушкет поднес кольт к его носу и прорычал:

— Я Стивен Питерс. Слыхал о таком? Хочешь, чтоб твои кишки висели на ветках?

Негр помотал головой.

— Тогда отвечай быстро и не вздумай меня дурить! Кто ты такой?

— Рядовой Хопкинс, сэр! — негр попытался лежа выполнить команду «Смирно!». —

Второй эскадрон, кавалерийский полк «Черные Бизоны»!

— Где твой долбанный эскадрон? Какого черта вы тут делаете, «бизоны» сраные?

— Пункт дислокации полка — Форт-Робинсон, сэр!

— Ишь ты, дислокация! — хмыкнул Мушкет. — Выражаешься, как офицер. Что ты несешь! Форт-Робинсон в двухстах милях отсюда!

— Ты дезертир? — спросил Гончар.

— Так точно, сэр!

— Сколько вас?

— Я один, сэр!

Мушкет повернулся к Степану с довольной улыбкой:

— Видишь! Я же говорил, это наш человек. А ты его чуть не повесил. Удавку ему могли накинуть и свои, если бы поймали. Слушай, рядовой Хопкинс, ты зачем в нас стрелял?

— Мне нужна лошадь.

— Ничего не скажешь, уважительная причина, чтобы отправить в ад сразу двоих ни в чем не повинных христиан. Горящий Волк, что скажешь? Как мы поступим с этим придурком?

Степан повесил на шею винчестер негра.

— Ему нужна лошадь? Пусть забирает гнедого. Каурый — твой, Мушкет. Теперь у тебя есть кольт, есть и попутчик. Не задерживайтесь тут. Это место называется Холм Смерти, и, говорят, отсюда никто не уходит живым. Желаю удачи.

— Что? — Мушкет озадаченно переводил взгляд с негра на Степана. — Ты нас бросаешь?

— У вас своя дорога, у меня — своя.

18. Волк выходит из леса

Чтобы вернуться на поляну, где стояла палатка шамана, следовало идти вниз по ручью. Но Степан пошел вверх, а потом свернул еще выше по склону горы, чтобы запутать следы. «Дезертир и налетчик как-нибудь между собой договорятся, — думал он. — Не пропадут. А вот нам с Ахатой и Сорокой надо сматывать удочки. Холм Смерти становится слишком оживленным местом». Он сделал еще один крюк и, наконец, снова набрел на ручей. Когда он вернулся к поляне, сумерки сгустились до пепельной густоты, скрадывая краски леса.

Голод снова начинал терзать его. Степан надеялся, что к его возвращению тетерев будет уже не один раз повернут на вертеле над костром, и с досадой заметил, что едой и не пахло. Хуже того, в воздухе не было ни горечи дыма, ни кисловатого запаха залитых углей.

«Может быть, я заплутал?» — подумал он, остановившись на поляне. Она была пуста. Ни шатра, ни следов костра. И только утоптанная трава выдавала места, где недавно стояли палатки.

Он устало опустился на землю и прислонился к березе. Через несколько минут опустится непроницаемая темнота. Наступит время духов и ночных хищников, а людям придется сидеть в своих норках и ждать рассвета.

Гончар обвязал веревкой оба винчестера и закрепил свободный конец на поясе. Поплевал на ладони и, подпрыгнув, ухватился за толстый сук. Толстая береза поскрипывала, когда он забирался по стволу. Добравшись до развилки, он подтянул за собой винтовки и уложил их на соседние ветки. Получилась отличная опора. Нарезал молодых ветвей и, устроившись в гнезде, привязал себя к березе. Придется лечь спать голодным. «Ужин отдай врагу», вспомнилась ему присказка из прежней жизни.

Что случилось на поляне, пока его не было? Да ничего не случилось. Просто Ахата услышал выстрелы и решил, что Горящий Волк уже не вернется. Интересно, как далеко ему удалось уйти? Завтра утром его следы еще будут заметны, особенно в лучах низкого солнца. Степан легко догонит шамана. И его дочку.

Вспомнив о Сороке, он заворочался, и веревка больно впилась в бок. Да, пока все

сбывается. Что там говорил бизон? «Тебя ждет красная женщина, черный попутчик и город железных мостов».

Вот и не верь после этого в вещие сны. Гончар помнил, что после всех магических ритуалов ему пришлось пожевать какой-то наркотик. Он отключился и во сне встретил говорящего бизона. О чем они говорили? Кажется, Степан просил одного — нет, не просил, умолял.

«Дай мне сил, чтобы встать на ноги. Я не хочу провести остаток жизни, валяясь, как бревно. Не хочу быть обузой для близких. Я еще не жил по-настоящему. Дай мне сил...»

«Как ты смеешь просить меня о том, что я и так даю тебе без всяких просьб? Разве ты не дышишь воздухом? Разве не стоишь на земле? Разве вода не утоляет твою жажду? И разве не согревает тебя огонь? У тебя есть все, что нужно для жизни. И сила вернется к тебе».

«О чем же мне просить тебя?»

«О том, чего не знаешь».

Сейчас, вспоминая сон, Гончар похолодел точно так же, как тогда, когда стоял перед огромным бизоном.

«Я не знаю, зачем я здесь! Я видел весь мир, и не нашел в нем ничего для себя. Построил город, но не живу в нем. Проложил дорогу, но и она — не для меня. Тогда зачем это все, и зачем нужен я?»

«Ахата отправил тебя ко мне не для беседы о смысле жизни. До сих пор все, кого он присылал, хотели одного — спасти свое племя. От голода, болезней, от врагов. Книга жизни твоего племени еще не написана до конца. Ты можешь переписать некоторые ее страницы заново. Достаточно выбросить или добавить несколько слов, и смысл всей фразы изменится. Ты вычеркнешь лишние слова и впишешь вместо них новые».

«О каком племени ты говоришь? Я человек без роду, без племени. Я здесь чужой, и я совсем один».

«Ты не один. Спасай свое племя. Я дам тебе красную женщину, черного спутника и город железных мостов, — сказал бизон. — В этих трех твоя жизнь. И научись читать».

«Я умею».

«Нет. Ты знаешь буквы и различаешь слова, но ты еще не умеешь читать знаки. Я говорю с тобой не буквами и не словами. Эй, где ты видал говорящего бизона? Посмотри под ноги, и увидишь следы. Здесь прошли бизоны. Научись видеть следы тех бизонов, которые еще не прошли здесь. Научись слушать голос безмолвия. Научись видеть мысли людей и зверей. Научись читать знаки».

А потом бизон исчез. Исчезла и пустая прерия под выгоревшим небом. Исчезло всё. Пустота сгустилась до черноты. И в черном пространстве свет фар выхватил одинокую фигурку на заснеженной набережной.

Это был узкоглазый морщинистый старик с жиденькой бородкой. Длинная лисья шуба волочилась по снегу, когда он шагнул навстречу машине Степана. «Холодно тут у вас, — старик улыбнулся, непринужденно устраиваясь на пассажирском сиденье. — Самое время покурить. Не возражаешь?»

Не дожидаясь ответа, Ахата подал Степану зажженную сигару, а сам уже дымил точно такой же...

И снова жар тяжелого полуденного солнца, и снова вишневые глаза огромного быка, и его низкий давящий голос:

«Ты был на пороге смерти, когда твое племя дало тебе жизнь. Сейчас смерть кружит над твоим племенем. Дай ему жизнь»...

Что было дальше, Степан не помнил. В памяти осталась только выжженная степь на все четыре стороны, и удаляющиеся черные точки. Бизоны ушли, и он остался один под лиловым куполом неба.

Итак, красную женщину он уже встретил. Встретился ему и черный, но негр-дезертир явно не годился для роли спутника. А вот женщина.... Таких в его жизни еще не было. «И не будет, если ты сейчас же не заснешь, — оборвал свои мечтанья Степан. — Утром ты должен

быть свежим и бодрым. Если будешь клевать носом, далеко не уйдешь. Не забывай, как называется эта горка».

Его разбудили не лучи восходящего солнца, и не щебетание птиц. Нет, первыми в лесу проснулись муравьи. Отправившись по своим обычным маршрутам, они обнаружили неожиданное препятствие и принялись пробовать его на вкус. Спрыгнув вниз, Гончар еще долго вытряхивал их из складок одежды, а одного злодея с трудом выковырял из уха.

Он напился из ручья и позавтракал белыми сладковатыми корнями стреловидной травы, которая росла в воде. Шайены умели готовить из нее несколько блюд, но сейчас Гончар удовольствовался ею в сыром виде. Экологически чистый салат. И ноль калорий.

Разрядив винчестер убитого ловца Питерсов, он пересчитал патроны. Их было всего семь. В винтовке дезертира патронов не было. «С боеприпасами у нас плохо, с едой еще хуже, — подумал Степан. — Как насчет транспорта? Ноль. Карта, компас, информация о местности? Абсолютный ноль. Где он находится, этот Холм Смерти? До Форт-Робинсона двести миль. Знать бы, в какую сторону. Что ж, если не знаешь, куда идти, шагай вниз».

И он пошел вниз по склону, стволом винчестера раздвигая ветви перед собой.

Солнце пригревало сильнее, и лес постепенно менялся. Под ногами Степана перестали хрустеть черные сучья, и березы уже не окружали его прозрачной стеной, уступая место под солнцем другим деревьям. Вот на пути встали заросли папоротника, вот засветились впереди красные стволы сосен, и мокасины Гончара ступили на хвойный настил. «Лосиные места», — подумал он и остановился. Пора подумать о еде.

Непонимая, зачем он это делает, Степан бесшумно взвел курок и замер, по плечи скрываясь в папоротнике. Легкий порыв ветра донес до него запах зверя.

Он навел ствол на просвет между соснами и застыл, затаив дыхание.

Так прошла минута. Или час. Из-за деревьев выпорхнула сорока. Она уселась в кроне сосны и коротко прокричала.

«Ну все, пропала моя охота». Степан едва не опустил ствол. Но сорока быстро умолкла.

И вдруг как раз там, куда был направлен винчестер, над ярко-зелеными макушками молодых сосенок проплыла огромная голова лося. Степан заметил, как вздымаются и опускаются его широкие лопатки под светло-бурой шерстью — и выстрелил.

Лось издал короткий мычащий звук, и его передние ноги подкосились. Он скрылся за сосенками, и через несколько секунд Гончар услышал, как тяжелая туша рухнула на землю.

Сорока затрещала, захлопала крыльями и заметалась ярким черно-белым пятном, улетая между соснами.

«Кажется, я должен поблагодарить ее, — подумал Горящий Волк. — Но сначала надо сказать спасибо лосю. Спасибо моим мокасинам за то, что ступают бесшумно. А также тому пришельцу, что отдал мне свое оружие. Его винчестер так метко стреляет, спасибо ему. Спасибо и этому ножу, который так легко испарывает крепкую лосиную шкуру».

Разделявая лося, Степан решил, что остановится здесь на пару дней. Навялит мяса в дорогу, обследует окрестности. Может быть, ему удастся уже сегодня найти ручей или речку. И тогда, спускаясь по течению, он выйдет к другой реке, а та обязательно приведет его к людям.

Нельзя сказать, что Гончар страдал от недостатка общения. После всего, что случилось, он предпочитал держаться подальше от людей. Но дорогу на Денвер не спросишь у пролетающей сороки, а Степану надо было обязательно попасть в этот город. Насколько он помнил, там не было ни одного железного моста. Но там жила Милли. Пусть и не красная женщина, но от этого не менее желанная.

Он не стал разводить костер. Кровь и печень лося не нуждались в огне. Для ночлега Степан опять устроил себе гнездо в ветвях высокой сосны. Мясо лося он поднял на другое дерево, подальше от себя, опасаясь, что запах крови может привлечь медведя.

Прикинув по солнцу, что до заката остается часа четыре, он отправился на восток, запоминая приметные деревья.

Ему не терпелось поскорее выбраться из леса. Заметив широкий просвет в кронах

справа от себя, он свернул, не забыв оставить зарубку на стволе, чтобы не плутать на обратном пути. Но, пройдя совсем немного, Степан понял, что эта зарубка ему не понадобится.

Лес плотной стеной подступал к самому краю обрыва. Внизу змеилась спокойная неширокая река. С высоты ее вода казалась неподвижной.

А за рекой простиралась долина. Серебристое море полыни, кое-где испещренное зелеными невысокими рощицами, раскинулось до самого горизонта, до голубых пологих холмов.

Сердце заколотилось так, что Степан невольно схватился за грудь. Увидев степь, он уже не мог вернуться в лес, который стал казаться ему тюрьмой.

«Нет-нет, погоди, — уговаривал он себя. — Вернись на стоянку. Там остались запасы еды. Там, наконец, веревка. Без нее тебе не спуститься по этому обрыву. Переночуй в лесу, а наутро...»

Он уже был на середине обрыва, когда снова вспомнил о веревке. Вот где она бы пригодилась. Под ногами уходила вниз отвесная скальная стена. Если бы привязать веревку вот к этому корню...

Нога сама шагнула вправо и нащупала опору там, где ее не мог разглядеть глаз. Пальцы намертво вцепились в край щели, и одним махом Горящий Волк перебросил свое тело на выступ в скале.

Степан оглянулся и не поверил своим глазам. От того места, где он только что стоял, его отделяли метра три, не меньше. Как он мог перелететь это расстояние?

Его взгляд привлекла площадка ниже по склону. На ней едва уместилась бы кошка, но оттуда уходила вниз отчетливо видимая тропинка. Если прыгнуть на эту площадку и каким-то чудом удержаться на ней...

Он прыгнул и удержался. И уверенно, короткими точными прыжками, стал спускаться по козьей тропе.

Остаток спуска он проехал, сидя на корточках, поднимая за собой облако пыли. Не удержал равновесия, завалился набок и покатился вниз. А потом рухнул на мокрый песок и с наслаждением погрузил в воду лицо и ободренные ладони. Он зашел по колено в реку, обернулся — и почувствовал слабость в коленях от запоздалого страха. Как он мог спуститься с высоты десятиэтажного дома по почти отвесному склону?

Река оказалась неглубокой, и он перешел ее вброд, и снова оглянулся. Там, в лесу, осталось мясо лося, которым он рассчитывал поужинать. Под кучей веток остался труп человека, которого он задушил, почти не заметив этого. И где-то там, в лесу, сейчас готовятся к ночлегу шаман Ахата и Сентаху, веселая вдова.

Шаман дал ему новое имя. Похоже, что и новую жизнь.

Гончар опустился на колени и склонился над рекой, пытаясь разглядеть свое лицо в зеркале воды. Он бы не удивился, увидев волчью морду.

Но вместо этого он увидел мелькнувшую тень. Руки дернулись сами собой, и он упал в воду, и в ладонях забилося сильное скользкое тело крупной рыбы. Он успел выбросить ее на берег раньше, чем она вырвалась из рук. Догнал на песке, отсек ножом голову, распластал надвое и впился зубами в нежно-розовую мякоть.

19. Белый Нож, черный конь

Два дня он шел вдоль реки, пока не набрел на остатки индейской деревни.

Это была небольшая деревня. Он насчитал десять типи. Точнее, десять обугленных развалин. Недогоревшие обломки шестов смешались с завившимися клочьями шкур. Кое-где из-под толстого слоя золы выглядывал закопченный бок котла, или поблескивали осколки зеркала, или торчало сломанное древко копья. Людских останков не было, но Гончар чувствовал, что они где-то рядом.

Обостренное чутье привело его к зарослям можжевельника. В кустах была прорублена

свежая тропа, и на песке еще сохранились следы подкованных сапог. Низко пригнувшись, почти касаясь руками земли, Степан двинулся по этой тропе, где совсем недавно волокли на одеялах трупы индейцев. Запах мертвечины становился невыносимо густым, и Гончар зажал нос.

Да, все они лежали здесь, в небольшом овраге, едва присыпанные песком и заваленные можжевельновыми ветками. «Странно, что сюда еще не добрались койоты и стервятники», — подумал Степан.

На земле под кустом что-то блеснуло. Он опустился на колени и поднял ниточку голубого бисера. Такими браслетами обвязывают запястья маленьких детей.

Здесь прошли каратели. Наверно, индейцы опять в чем-то провинились. Обычно войска устраивали подобные боины после налета индейцев на белые поселения. Если при этом кавалеристы не несли потерь, то об операции узнавали немногие. Здесь не было никаких следов боя. Значит, их просто расстреляли. Согнали в кучу и дали несколько залпов.

Он замер, услышав дыхание за кустами. Кто-то прятался неподалеку.

— Я Горящий Волк из семьи Горбатого Медведя, — негромко произнес Степан пошайенски. — Я спустился с гор, и ищу стоянку моих братьев.

— Ты один? — прокрипел старческий голос.

— Да.

— Встань, чтобы я тебя видел.

Степан медленно выпрямился, готовый тут же нырнуть в сторону при первом щелчке затвора. Но никто не выстрелил в него.

Сквозь сетку ветвей он разглядел седые длинные волосы и смуглое морщинистое лицо старика в черной рубахе.

— Я Белый Нож, — сказал старик, раздвинув ветки. — Я — лакота.⁵ Шайен Горбатый Медведь ушел на север, в Монтану. Туда ушли все. Здесь опасно оставаться. Белый человек хочет истребить нас.

— А ты почему не ушел?

— Я останусь с родными. Иди за мной.

Старик жил в землянке, вырытой в песчаной стене откоса. Степан едва уместился там, опустившись на корточки у самого входа. А индеец развязал мешок и достал полоску вяленого мяса.

— Ешь. У тебя туман в глазах, ты скоро можешь упасть без сил. Тебе надо поесть.

Гончар с поклоном принял еду. Отрезав ножом маленький кусочек, он положил его возле очага в дар духам. Эту традицию одинаково свято соблюдали и шайены, и сиу.

— Когда встретишь своих, расскажи, что семьи Белого Ножа больше нет. Ни одного человека.

— Когда это случилось?

— Три дня назад. Солдаты окружили поселок и согнали всех женщин и детей к реке. Они обыскали все типи и нашли две винтовки. Два «спрингфилда». Их оставил у нас один белый. Он проплывал мимо по реке, попросил у нас еды, но ему нечем было расплатиться. Он оставил два «спрингфилда». Солдаты очень рассердились, когда нашли их. Они кричали на меня. Они сказали, что эти винтовки принадлежали солдатам, которых зарезали на посту. Они не слушали меня. Они связали мне руки, бросили в лодку и увезли. Я слышал, как они спорили между собой. Их командир хотел привезти меня в Денвер и там судить. Но другой офицер был против. Он хотел убить меня. Пока они спорили, я перегрыз веревки и бросился в воду. В том месте вода глубока, и берега покрыты ивами. Они не нашли меня. И я вернулся в поселок. Но опоздал. Теперь от семьи Белого Ножа не осталось ни одного человека. Только конь, которого я хотел подарить внучке. Солдаты не нашли его. Я держал его подальше от молодых жеребцов, чтобы он их не обижал. Мой конь пасся один, далеко в горах. Он и

⁵ лакота — одно из племен народа сиу

сейчас там. Я отведу тебя к нему, Горящий Волк.

Степан кивнул.

— Значит, солдаты убили женщин и детей. А что с мужчинами?

— Всех воинов месяц назад увезли в Форт-Робинсон. В вагоне для скота. Это случилось после того, как моя семья покинула резервацию и отправилась на Волчью реку, в наши родные земли. Но нас догнали солдаты. Воинов связали и бросили в вагон, а мы остановились здесь. Мы решили не возвращаться в резервацию. Там нас ждала смерть. Женщины сказали мне, что хотят умереть вместе со своими мужьями. И мы собирались дойти до Форт-Робинсона, напасть на тюрьму и освободить наших воинов. Или погибнуть вместе с ними. Вот почему мы приняли винтовки у того белого.

— С двумя винтовками трудно захватить тюрьму, — сказал Гончар.

— У нас были еще ножи, томагавки и револьверы. Они спрятаны в горах.

— Солдаты не нашли их?

— Нет. Они искали только среди женских тряпок. Они боялись отойти в горы хотя бы на десять шагов.

— Какие это были солдаты? Негры? — спросил Степан, вспомнив рядового Хопкинса из эскадрона «Черных Бизонов».

— Нет. Белые.

— А какого цвета форма?

— Синие куртки, красные куртки, зеленые куртки.

«Это не кавалерия, — подумал Гончар. — Сброд какой-то. Может быть, рейнджеры, как в Техасе?»

— Жаль, что у меня нет ничего для тебя, — сказал он.

— Мне уже ничего не надо. Кроме одного. Я хочу, чтобы люди узнали про нас.

— Люди узнают, — пообещал Горящий Волк.

Старик быстро поднимался по травянистому склону. Степан шагал за ним, непрерывно оглядываясь. Иногда ему казалось, что он чаще смотрит назад, чем вперед. Шея заныла от усталости, но он ничего не мог поделать со своей новой привычкой — все время следить за тем, что оставляешь за спиной.

Белый Нож остановился и коротко свистнул. Точно так же всегда свистел и Гончар, подзывая свою Тучку. Его сердце сжалось от боли, когда он вспомнил верную и умную лошадь, которая осталась где-то там, на Холме Смерти. Одна надежда, что Ахата прихватил ее с собой, когда удирал от далеких выстрелов...

Вороной жеребец остановился на опушке сосновой рощи и коротко проржал в ответ на новый свист старика.

— Он не знает тебя, — пояснил Белый Нож. — Это старый конь, осторожный и умный. Подойди ко мне ближе, вот так. Пусть видит, что ты мой друг. Поговори со мной.

— Скажи, Белый Нож, если идти по этой реке, попадешь в Денвер?

— Да. Но твои братья ушли в другую сторону. — Старик вытянул руку, указывая направление. — Ты найдешь их, когда пересечешь Последнюю реку и каньон Семи Озер.

— Неблизкий путь.

— С моим вороным этот путь покажется тебе слишком коротким.

Старик вновь свистнул, и конь потрусил к ним. Его шерсть блестела, как черное стекло, на боках и груди виднелись вишневые подпалины, а по лбу тянулась тонкая белая полоска. Приблизившись к старику, жеребец ткнулся носом в его плечо и застыл, чего-то ожидая. Белый Нож похлопал его по шее.

— Поговори с ним, — сказал он.

— Хорошо, хорошо, — Степан покачал головой. — И совсем не старый. Крепкий, сильный, бодрый. Красавец. А смотри, что я тебе принес!

Он выудил из кармана пару длинных корешков речной травы, которые хранились там на тот случай, если бы он начал терять сознание от голода. Травой не наешься, но иногда необходимо просто пожевать хоть что-нибудь.

Черные губы жеребца осторожно приблизились к раскрытой ладони. Раз — и корешки исчезли с таким аппетитным хрустом, что Гончар даже позавидовал.

— Он твой, — сказал Белый Нож. — Принял от тебя еду, теперь он твой. Будет служить тебе так же, как служил мне. Вороной довезет тебя до братьев. Горбатый Медведь увидит его и все поймет без слов. Но ты все-таки Расскажи ему. Про солдат, про вагон для скота, про овраг, где лежит моя семья. Расскажи все, не забудь.

— Я ничего не забуду.

Пока Степан, чередуя уговоры с пышной лестью, седлал вороного, старик раскопал тайник и вытянул из-под земли мешок с оружием.

— Возьми себе что-нибудь. Это старое оружие. Новое нам было не достать. Но и из такого вылетают пули.

Гончар перебрал несколько ржавых револьверов, среди которых был даже допотопный «ремингтон», в барабан которого надо было засыпать порох и запрессовывать пули. На самом дне этой горы металлолома оказался вполне приличный кольт 44-го калибра. Его патроны годились и для винчестера, поэтому Степану легко было сделать выбор. Он снял рубаху, расстелил на траве и высыпал на нее патроны, придирчиво выбирая самые надежные хотя бы с виду.

Белый Нож, стоя у него за спиной, спросил:

— Я вижу на твоей коже рисунок и следы стрел. Когда ты ходил по Пути Бизона?

— Три дня назад.

— Кто тебя отправил?

— Шаман Ахата.

— Достойный человек, — кивнул старик. — Его не признают другие шаманы, потому что он не сиу, и даже не шайен. Он из племени сутайо. Наши шаманы ненавидят его. Ахата не пляшет и не воеет, как шакал. Но он оживляет убитых. А другие шаманы — нет.

— Он и меня оживил, — признался Степан, подгоняя по себе патронташ и оружейный пояс. — Меня уж собирались хоронить.

«И похоронили бы, если бы не телеграф, — вспомнил он. — Дали телеграмму в Эшфорд, информация дошла до Майвиса, и он примчался за мной. Нет, что ни говори, а великое дело цивилизация!»

Он попрыгал, проверяя подгонку амуниции. Ничто не болталось, и кобура не била по ноге. Надев рубаху, Гончар остался доволен — она полностью скрывала оружие, но не мешала выхватывать кольт.

— Скажи, Горящий Волк, — начал старик и запнулся. — Скажи.... Ты был *там*. Я знаю, никто не рассказывает о том, что видел на Пути Бизона. Скажи только одно. Ты был там три дня назад. Не встретил по дороге моих дочерей и внуков?

— Нет, Белый Нож. Там были только бизоны.

Старик закивал с закрытыми глазами:

— Понимаю. Ты видел бизонов, которые покинули эту землю раньше нас. Ты был на дальнем конце Небесной Долины, а мои дети только вступили в нее. Может быть, я догоню их...

— Не торопись, Белый Нож, — сказал Гончар. — Кроме тебя, никто не поведет новых воинов на Форт-Робинсон.

20. Встречи на мосту

Поначалу Степан ревниво сравнивал нового коня со своей Тучкой. Ему казалось, что кобыла была и резвее, и послушней. Но уже спустя несколько часов вороной начал понимать его с одного движения, и Гончар перестал придираться к нему. Возможно, ему не давало покоя то, что этот конь был как бы выше классом, чем Тучка. В голову пришло сравнение из полузабытого прошлого: словно пересел со своей верной «восьмерки» в чужой «лексус».

Не говоря уже о роскошной масти, конь восхищал его своей статью. Сухая змеиная

голова с мелкими подвижными ушами, выпуклые и мощные грудные мускулы, тонкие безукоризненные ноги и точеные копыта — все в нем казалось верхом совершенства. Обычно такие красавцы отличаются капризным нравом, но вороной оказался чутким и покладистым. К тому же он был приучен к седлу и легко управлялся как поводьями, так и незаметными даже для самого седока движениями тела.

Степан не погонял его, и конь шел тем ходом, какой был удобен ему самому, не снижая скорости при подъеме в гору, и не семеня пугливо на спусках.

Двигаясь по следам карателей, Гончар довольно скоро выбрался на дорогу. И остановился, задумавшись. Широкая полоса следов, оставленная колонной всадников и захваченным у индейцев табуном, повернула на Денвер. Почему-то Степан рассчитывал, что солдаты направятся в другую сторону, двигаясь в Форт-Робинсон.

Ему не хотелось сталкиваться с кавалеристами. Они были тут три дня назад, но кто знает, далеко ли они ушли? Хорошо, если их ничто не задержало в пути. А если они остановились вон за той горой?

Степан свернул с дороги и поднялся на холм, немного не добравшись до его макушки, чтобы не маячить на фоне неба. Застыв на месте, он медленно втягивал степной душистый воздух, пытаясь различить в нем запах опасности.

Теперь он гораздо больше доверял своему чутью, чем слуху и зрению. И, уловив едва заметный запах дыма, понял, что впереди, за холмами, кто-то поджаривает хлеб над огнем.

Он вспомнил, как когда-то этот запах обрадовал его. Тогда Степан мог, ничего не боясь, подойти к чужому костру. А сейчас он обрадовался тому, что вовремя заметил угрозу. Еще не поздно свернуть в горы и обойти стороной это опасное место.

Заметив извилистую тропинку, он послал вороного по ней, вверх по склону. Дорога идет вдоль реки, следуя всем ее прихотливым поворотам. А тропинка наверняка проложена теми, кто знает короткий путь через горы.

Он заметил, что этой тропой недавно прошли двое всадников. Вот здесь они разводили огонь. На хрупкой коре сосны остались две протертые полосы — здесь были привязаны их кони. А вот основательно обглоданные птичьи косточки. Обнюхав их, Гончар решил, что всадники пообедали здесь вчера. На месте их привала не было ни обрывков бумаги, ни крошек табака. Значит, они не курили. Нет, это не солдаты, уверенно заключил он. Солдат не может без курева.

Тропа вела по косоугору, становясь все уже. Завернув за выступ скалы, Гончар спешился и повел вороного в поводу. Из-за поворота ветер доносил запахи реки, и еще через несколько шагов Степан остановился, увидев впереди висячий мост.

Он долго стоял, прижавшись к отвесному склону. Пути назад не было — на узкой тропе конь не мог развернуться. За мостом тропа заметно расширялась, прежде чем скрыться между скалами. Но как раз это и тревожило. Сильный ветер сносил вдоль реки все запахи и звуки. Что там, на другом берегу?

Ободряюще потрепав вороного по шее, Гончар ступил на шаткий мост. Заскрипели тросы и доски под ногами, но конь шагал спокойно. Глянув поверх веревочных перил, Степан увидел на желтой спокойной воде дрожащую тень моста. Неожиданно конь мотнул головой. Гончар перехватил поводья левой рукой и остановился на середине пролета.

Впереди на тропе стояли двое в зеленых армейских куртках и красных сапогах. Один был в широкополой соломенной шляпе, голова другого была по-пиратски обвязана черным платком. Их винтовки были направлены на Гончара.

«Это каратели, — подумал Степан. — Сколько их там? Ловко придумали, гады. Выдержали паузу. Мне некуда деваться. Бросить коня и прыгнуть в воду? Нет, вороного я вам не отдам».

Он дернул за повод:

— Ну, что встал? Людей не видел? Пошли, пошли, здесь нельзя останавливаться, доски и так трещат под твоими копытами. Пошли, брат.

Вороной послушно тронулся за ним. Степан краем глаза видел приклад своего

винчестера, торчавший из-за седла. До него сразу не дотянуться. Именно поэтому солдаты на берегу вели себя так спокойно.

— Добрый день, джентльмены! — широко улыбаясь, заговорил Степан, приближаясь к краю моста. — Прекрасная погода сегодня, не правда ли...

Каратели настороженно глядели на него, держа винтовки наперевес. «Вряд ли они умеют стрелять от бедра из «спрингфилда», — подумал Гончар. — Значит, они и не собираются стрелять. Если б хотели, давно уже могли это сделать. Это не засада. Это ловушка. Ну, посмотрим, кто кого поймает».

— О, я вижу, с вами и дама! — продолжал он. — Добрый день, мэм! Каким ветром занесло в наши горы столь прелестное создание!

Солдаты одновременно обернулись. Им хватило секунды, чтобы убедиться, как глупо они попались. Но как раз эта секунда и была нужна Гончару. Он выдернул винчестер из-за седла и с криком хлопнул вороного по холке. Конь вскинул голову и одним прыжком оказался на берегу. Его копыта простучали по тропе, вороной пронесся между карателями и скрылся за поворотом. А Степан бросился на доски моста и дважды выстрелил.

Один солдат повалился на спину, раскинув руки. Соломенная шляпа покатилась колесом. Второй схватился за живот и опустился на колени. Степан прицелился ему в голову, но в этот момент из-за скал выскочили еще двое.

— Что за чертовщина! — орал один. — Сказано было не стрелять!

Его товарищ оказался сообразительнее и сразу опустился на одно колено, вскинув винтовку. Гончар перевел ствол на него и выстрелил первым. Отвел затвор и прицелился в крикуна. Нажал на спуск — и услышал вялый щелчок вместо выстрела. Осечка!

Каратель выстрелил, и пуля ударилась об доски моста. Колючие щепки брызнули в лицо Степану. Он отбросил винчестер, перекатился в сторону и повис над рекой, держась за трос одной рукой.

— Куда он делся! — орал солдат. — Эй, Джонс! Вставай! Эй, Смит! Хватит валяться, я его уложил!

— Еще нет, — сказал Степан и выстрелил в него из кольта.

Он еще немного повисел над водой, держа под прицелом тропу. Но больше на нее никто не выбежал. Степан подтянулся и выбрался обратно на мост. Подобрал винчестер и отвел затвор, выбрасывая предательский патрон. От чужого оружия всегда надо ждать или осечки, или перекося.

Он собрал винтовки карателей и сбросил их в реку — на тот случай, если убитые оживут. У одного из них за поясом торчал «смит-вессон». Степан забрал его — с двумя револьверами он чувствовал себя ровно в два раза увереннее.

Как он и ожидал, за поворотом снова открылся вид на долину. Гончар оглядел степь и увидел вдалеке темный завиток дыма, медленно ползущий по горизонту. Там шел поезд. «Вот и все, — подумал Степан. — Осталось только добраться до железной дороги, и можно считать, что я в Денвере. Заберу Милли и рвану в Калифорнию. Там и начнется наша новая жизнь. Может быть, Сан-Франциско — это и есть тот самый город железных мостов?».

Он свистнул, подзывая вороного, и подошел к солдатской палатке, прилепившейся к скальной стене. Поодаль, в тени сосен, мирно щипали траву лошади карателей. Степан насторожился, увидев, что их было шесть. Неужели в палатке прячутся еще двое солдат? Почему они не выскочили на звуки выстрелов? Напились в стельку?

Он лег сбоку палатки и заглянул под нижний, приподнятый край брезента. Там сидели двое, спиной к спине. Поза не слишком удобная, особенно если учесть, что у обоих были связаны руки и ноги. Свет едва пробивался сквозь толстый брезент, но и в этом полумраке Гончар смог разглядеть лица пленников.

«Ну, и что мне с ними делать? — подумал он. — Попутчики мне не нужны, особенно такие невезучие. Но не оставлять же их здесь».

— Как дела, Мушкет? — сказал он, входя в палатку. — Рядовой Хопкинс, вольно. Вот что бывает с теми, кто шарит по чужим капканам. Недалеко же вы ушли после того, как

слопали моего тетерева.

— Черт бы тебя побрал, Волк! — севшим голосом ответил налетчик. — Все из-за тебя! Если б ты дал мне хотя бы пару патронов, мы с Томми не сидели бы тут! Ну, что вылупился? Развяжи нас. Пора сматываться, пока не налетели остальные молодчики! Ты поднял такой шум, что и в Денвере, небось, услышали!

Степан разрезал узлы на веревках и распорядился:

— Томми, займись лошадьми. Мушкет, позаботься о покойниках.

— Что? Может быть, заказать для них лакированные гробы?

— Нет. Просто обыщи их и заberi то, что нам понадобится.

— Ага! А ты, как всегда, смоешься?

— Нет. Я пока соберу нас в дорогу. До рельсов мы поедем вместе. А там видно будет.

Пока рядовой Хопкинс седлал двух меринов и сводил поводья остальных лошадей, Гончар порылся в вещах карателей. Ему надо было переодеться. В индейской рубахе и замшевых штанах удобно жить в лесу, но в город в таком виде лучше не являться. Он оторвал с армейской шляпы кокарду и срезал шеврон с сержантской куртки.

— Вот же голодранцы! — возмущался Мушкет. — В карманах только табак да патроны. Десять долларов на троих, Волк. Даже не знаю, как ты будешь делить такую богатую добычу.

Он бросил перед Степаном пару красных сапог.

— Вроде твой размер. Или ты предпочитаешь щеголять в мокасинах?

— Знаешь, Мушкет, лучше бы и тебе с Томми сменить обувь, — сказал Гончар, натягивая сапоги. — Похоже, что мы напоролись на банду «красноногих».

— Это кто же на кого напоролся? — протянул налетчик. — Но ты прав, в таком прикиде к нам не будут приставать с лишними вопросами. Я и сам хотел тебе предложить маскарад. Да только все куртки кто-то попортил. Дырки сорок пятого калибра на самом видном месте.

О «красноногих» Гончару рассказывал Майвис. Эти вооруженные отряды появились сразу после Гражданской войны. Они отлавливали недобитых южан, которые не пожелали сложить оружие и принялись партизанить. «Красноногие» не были связаны разными условностями вроде закона и общественного мнения. Захваченные партизаны уничтожались без суда и следствия, вместе с теми, кто им помогал. Сожженные фермы украшались индейскими стрелами, а трупы мирных жителей тщательно уродовались, в строгом соответствии с общепринятыми представлениями о нечеловеческой жестокости индейцев.

Война давно ушла в прошлое, и от партизан остались только песни да легенды, но банды «красноногих» время от времени формировались снова. Теперь их мишенью стали индейские семьи, вздумавшие сопротивляться переселению в резервации. После налета бандиты разъезжались по домам и снова превращались в простых обывателей. Но они всегда были готовы по первому сигналу натянуть свои красные сапоги и отправиться на выполнение новой «акции устрашения и возмездия», о которой никогда не узнают жители больших городов.

— Куда делись их винтовки? — спросил Мушкет. — Только не говори, что ты побросал их в реку.

— Зачем они тебе? — Гончар привстал в седле и огляделся. — Если захочешь пострелять, я дам тебе свой винчестер. Поехали. Не будем мешать стервятникам.

21. Биографические новости

Как только они спустились в долину, Мушкет завел разговоры о привале. Оказывается, каратели забыли покормить своих пленников завтраком, а обед им не дал приготовить Горящий Волк.

— Потерпи до вечера, — сказал Гончар.

— Я-то потерплю. Да вот брюхо мое терпеть не желает. Урчит так, что я сам себя не

слышу.

— Зато я тебя слышу. Расскажи о себе.

— Да что рассказывать? Думаешь, моя житуха так уж отличается от твоей? Ничего нового ты не услышишь, значит, и говорить не о чем.

Однако после такого предисловия налетчик принялся во всех подробностях рассказывать о своем жизненном пути. Он вырос в маленьком канзасском городке, где все друг друга знали. Отец помер от белой горячки, и с детских лет Стиви привык горбатиться на чужих полях. Когда началась война, ему было восемнадцать. Городок посетили вербовщики северян, и он записался в армию. Но Питерсу опять не повезло. Их полк даже не дошел до места соединения с основными силами, когда был рассеян кавалерией Стюарта.⁶ Конфедераты пленных не брали, потому что самим есть нечего было. Они просто отняли у незадачливых вояк оружие и заставили поклясться, что те никогда не выступят против Конфедерации. Стиви не хотелось расставаться с новеньким «шарпсом». Он заявил генералу Стюарту, что лично он, Стивен Питерс, против Конфедерации ничего не имеет. И если ему будет позволено, он с удовольствием прольет свою кровь под ее знаменами. Ему было позволено, и он пролил немало крови, своей и чужой, пока его не свалила жесточайшая дизентерия. Едва живой, он вернулся в городок. Родители сожгли его серый мундир, но дружки, благоразумно уклонившиеся от войны, успели раззвонить по всему городу, что Стиви Питерс воевал на стороне проклятых рабовладельцев. Это аукнулось ему, когда в городе поселились богачи с Севера. Всем парням нашлась у них работа, особенно тем, кто щеголял в синих мундирах северян. А вот Стиви Питерса никуда не брали. Он все-таки нашел ранчо, куда смог наняться ковбоем, вот только для этого пришлось проделать четыреста миль верхом.

Перебравшись в Техас, он долгих семь лет провел, не слезая с седла. Жизнь ковбоя кажется легкой только фермерам, которые копошатся на своих грядках и с ненавистью поглядывают на гарцующих парней. А ты попробуй перегнать стадо в тысячу голов из Техаса в Канзас, при этом не растерять половину, да еще желательно сохранить скальп, и не свалиться под копыта, и не забыть поутру вытряхнуть скорпиона из сапога, а самое главное — удержаться и не застрелить хозяина в момент расчета. Десять баксов в месяц. С таким жалованием нескоро накопишь на собственный домик.

Но все можно было терпеть, пока прерию не пересекли рельсы и колючая проволока. Ковбоям пришлось вешать седло на гвоздь, хвататься за лопату и маршировать в колоннах шахтеров и землекопов.

Питерс устроился на прокладку железной дороги, но и тут продержался всего один сезон. Однажды рабочим не выплатили зарплату по той причине, что почтовый дилижанс немного задержался в пути. Остановка была короткой, но дальше дилижанс отправился уже налегке, без золота. Через неделю налетчиков схватили в ближайшем игорном доме, где они успели просадить половину добычи. Парней привезли на стройку, быстренько провели судебное заседание и вздернули под одобрительные возгласы трудящихся. Глядя на раскачивающиеся тела, Питерс удивился — как могли эти заморыши напасть на дилижанс, с которым ехали четверо здоровенных охранников? Ответ казался очевидным — охранники трусили, а налетчикам было нечего терять, кроме своих карточных долгов. Наутро на стройке не досчитались одного землекопа, а через месяц на дороге между Хьюстоном и Сан-Антонио был ограблен первый почтовый поезд.

— Сколько лет ты этим занимаешься? — спросил Гончар.

— Ты спрашиваешь так, будто я служу в конторе. Будто я каждое утро заглядываю в расписание, беру дробовик и выхожу на рельсы. Нет, Волк, все не так просто. Можно сказать, что я занимаюсь поездами уже больше десяти лет. А можно считать и по-другому. Скажем, был год, когда я взял четыре вагона. А потом два года отсиживался во Флориде с

⁶ Джеб Стюарт, знаменитый военачальник армии южан

молодой женой. Зачтешь ты мне эти два года? А когда хлопнули моего лучшего друга Бака Тернера, так я вообще три года не прикасался к оружию.

— Как же ты жил?

— По распорядку дня окружной тюрьмы. Нас с Баком подстрелили в Эль-Пасо, когда мы уже одной ногой были в Мексике. Тернера там и закопали, а меня заштопали и бросили за решетку. Навесили соучастие в каких-то налетах, дали пять лет, выпустили за примерное поведение. Я и вышел-то всего год назад. Думал заняться каким-нибудь мирным бизнесом на те деньжата, что в кубышке сохранились. Да вот не получилось.

— Наверно, твоя основная профессия дает больше прибыли, чем «мирный бизнес»?

— Опять же, как считать. Я тебе честно скажу, Волк, для меня деньги давно потеряли цену. После удачного дела швыряешь их налево и направо. И кажется, они никогда не кончатся. Вдруг однажды лезешь в карман — а там пусто. И ты уже никому не нужен. Но тут не время горевать и подсчитывать, сколько же ты прокутил. Потому что доносится паровозный гудок, и значит, пора седлать коней. И снова носишься день и ночь, готовишь дело, потом у тебя снова полные карманы баксов, и тебя снова все любят. Вот так оно все и крутится. Да ты это знаешь не хуже меня.

Мушкет угрюмо замолчал, покачиваясь в седле. Степан, опасаясь, что он опять заведет разговор о еде, спросил:

— А как тебя поймали?

— Меня поймали, как последнего придурка, — сплюнув, ответил налетчик. — Встретился старый дружок. В семьдесят пятом он держал на мушке машинистов, пока я взрывал сейф в почтовом вагоне. А теперь он — помощник шерифа. Ты же сам знаешь, кто такие эти помощники. Вчерашние конокрады и грабители, которые сдали своих товарищей. Товарищам — виселица и каторга, а этим козлам — должность и неприкосновенность. Вот и я на такого нарвался. Скрутили меня прямо в постели, оторвали от старой шлюхи. Одно утешает — я никогда не плачу шлюхам заранее. Принцип такой. Сделал дело — осыпь ее золотом, но только после всего.

— Но ты успел хоть «сделать дело»? — поинтересовался рядовой Хопкинс.

— А ты откуда взялся? — сердито повернулся к нему Мушкет. — Твое дело за лошадами следить.

— Надоело пыль глотать, — оскалился негр. — Лучше послушать умного человека, верно, мистер Волк, или как вас там?

— Так ты меня подслушивал? Значит, теперь твоя очередь. Валяй, выкладывай все о себе. Да не вздумай врать, я не из тех, кто верит всякому прохвосту. А если и приврешь чего-нибудь, так только самую малость, чтоб рассказ получился повеселее. В подлинной-то жизни веселого мало. Ну, чего замолчал? Да тебе, мальчишке, и рассказать-то нечего!

— Истинная правда, нечего рассказывать. Разве только о том, как из меня хотели сделать женщину...

Нисколько не смущаясь, Томми Хопкинс поведал спутникам о нравах, царивших в эскадроне под командованием капитана Гартмана. Он прослужил там всего месяц и не успел принять участия в боях с индейцами. Да капитан и не рвался в бой. Он берег личный состав для других испытаний.

Каждый молодой новичок хотя бы неделю должен был отслужить в качестве его личного слуги. Дошла очередь и до Томми. Он отлично справился с чисткой сапог и приборкой в командирской квартире. Вечером рядовой Хопкинс натаскал воды и приготовил для начальника горячую ванну. Каково же было его изумление, когда капитан Гартман приказал своему слуге первым залезть в эту душистую пену! Тут-то он и сообразил, почему его приятели в полку так хихикали, узнав, что Томми направлен во второй эскадрон. А капитан, верзила под два метра ростом, уже разделся и принялся расстегивать пуговицы на мундире рядового Хопкинса, коря его за медлительность.

Пока стальные пальцы капитана боролись с оловянными пуговицами, рядовой Хопкинс прикидывал, чем может грозить отказ от выполнения приказа в не боевой обстановке.

Ничего хорошего не предвиделось. В лучшем случае, бессрочный наряд в патрульную службу. А если уступить? Тогда гарантировано безбедное существование в тыловом эскадроне, на всем готовом, да еще жалование капает на счет, обеспечивая приличную жизнь после службы. И вообще, об этом никто не узнает, а один раз не считается, да к тому же все через это прошли, и никто не умер.

Да, не умер никто, кроме капитана Гартмана. Так уж получилось, что Томми слишком долго продержал его под водой. Капитана могли бы посчитать утонувшим в ванне из-за собственной неосторожности, если бы не отпечаток на лбу. Этот характерный след оставила табуретка, попавшаяся Томми под руку.

Табуретка от удара сломалась, а капитан зашатался и упал в ванну, где его и придержал рядовой Хопкинс.

А потом уже у Томми не было выбора. Он прихватил с собой немного денег и винчестер капитана, тайно пробрался на станцию и спрятался в уходящем поезде, в вагоне для скота. Ночью вагон отцепили посреди степи, да там и оставили, а поезд ушел. Томми пришлось шагать пешком, ать-два, и дошагал он до самых гор, не встретив на пути ни одного человека, ни белого, ни черного.

Он шагал и тихо молился. Наконец-то Господь даровал ему свободу, и так хотелось попользоваться ей вволю. Спрашивается, если ты так мечтал о свободе, зачем поперся в армию? Ну, а куда денешься, если ты черный? Да, рабство отменили, и рабы превратились в безработных. Самый распоследний белый пьяница, неграмотный и ленивый, всегда может устроиться. А черного не возьмут даже в грузчики, хотя он и читать-считать обучен, и не пьет, не дерется, не препирается... Нет, не ввали старики — раньше было лучше.

На счастье, благодетели из Вашингтона придумали, что делать с черными парнями, слоняющимися без дела. Во время гражданской войны северяне сформировали несколько негритянских полков. После победы эти черные солдаты, оккупировавшие Юг, стали вызывать раздражение белой публики. Полки было решено разогнать. Но даже в федеральном правительстве всегда найдется пара чиновников, у которых в голове мозги, а не дерьмо. И эти государственные мужи схватились за голову: «Разогнать черные полки? Добавить ко всем нашим бедам еще двести тысяч безработных, да еще таких, кто привык зарабатывать с помощью оружия? Наоборот, надо эти полки расширять, превращать в дивизии и армии!»

Так начался набор в черную кавалерию. Хотя война давно закончилась, для солдат всегда было достаточно работы. Они должны были прийти на помощь фермерам, строителям железных дорог, почтарям, ковбоям, охотникам на бизонов, лесорубам, шахтерам и всем остальным, кто двигался на Запад, и кому не давали житья индейцы. Пусть краснокожих убивают черножопые, решили в Вашингтоне. И Томми Хопкинс отправился убивать индейцев.

Сказать по правде, сам он во время недолгой службы несколько раз мог погибнуть вовсе не от индейских стрел, а от рук белого человека. Черным солдатам не позволялось заходить в города, тем более — в салуны. А если такое случалось, их там били смертным боем. Получив сообщение об очередной драке, кавалерийский патруль отправлялся к месту неприятного инцидента, и с риском для жизни эвакуировал незадачливого самовольщика, спасая его от разъяренных белых фермеров, ковбоев, шахтеров и так далее.

Кто знает, может быть, прихлопнув капитана Гартмана, рядовой Хопкинс спас не только свою невинность, но и саму жизнь.

Он знал, что дезертиров не судят, тем более черных. Поэтому держал винчестер наготове. И пустил его в дело при первой возможности. Правда, не слишком удачно. Хотя — как сказать. Если б он тогда, в лесу на Холме Смерти, не промахнулся, где бы он сейчас был? Качался бы пониже моста. Солдаты, захватившие его с Мушкетом, так и собирались сделать. Белого доставить в Денвер, а черного повесить. Эту веселую процедуру они наметили на вечер, после чая. Но пришел мистер Волк, или как вас там, и все испортил.

— Теперь твоя очередь, Горящий Волк, — сказал Мушкет. — Ты про нас знаешь самые

пикантные подробности, а нам неизвестно даже твое настоящее имя.

— Какая разница, — ответил Степан. — Что в имени тебе моем. Лучше глянь вперед да подумай, куда нам свернуть.

Впереди за холмами незаметно выросло пыльное облако. Оно становилось все гуще, и это могло означать только одно — оттуда, из-за холмов, приближается колонна всадников.

Пока Мушкет ругался и скреб щетину, Гончар бросил свой винчестер рядовому Хопкинсу и достал из сумки еще два револьвера, найденные в палатке карателей.

— Была бы трава повыше, мы бы залегли, — бормотал Мушкет. — Был бы хоть какой овражек поблизости, мы бы загнали туда лошадей. Черт, черт, черт! Ну почему мне сегодня так не везет!

— Держи, — Степан протянул ему револьверы. — У нас на троих — пять стволов. Отобьемся, если надо будет. Едем спокойно. Прямо навстречу. Если это «красноногие», то тут и думать нечего. С разгона вклиниваемся в середину. Держимся рядом и бьем во все стороны. Главное — встать внутри кольца и начать первыми. А когда они ответят, то перебьют друг друга.

— Неплохо придумано. — Мушкет с треском провернул барабаны. — Только я вот что думаю. От Томми все равно никакой пользы. Пускай он тут где-нибудь отсидится. Потом, когда мы все уладим, он нас догонит.

— Я не против, — сказал Гончар.

— А я против, — сказал негр. — Вы такие быстрые, что вас потом не догонишь. Если хотите от меня избавиться, так и скажите.

— Ну, как знаешь, — кивнул Степан и послал вороного рысью.

Отряд всадников показался на гребне дальнего холма и снова исчез из вида, спустившись в ложбину.

— Волк! Ты их сосчитал? — крикнул Мушкет. — Их не больше дюжины! По четыре на нос!

— Не заводись раньше времени, — ответил Гончар. — Это тебе не пассажиры, не почталыоны и не охранники. «Красноногие» не разбегаются при выстрелах.

— Вот и хорошо, что не разбегаются, — храбрясь, выкрикнул Томми. — Не придется догонять!

«Ну и попутчики мне достались, — думал Степан, глядя, как силуэты всадников один за другим вырастают из-за холма на фоне неба. — Толку от них будет не много. Не знаю, какие они стрелки. Но пусть хотя бы прикроют со спины, а стрелять я и сам постреляю».

Он все же до последнего момента надеялся обойтись без стрельбы.

И когда удалось разглядеть лица тех, кто ехал впереди, он едва не рассмеялся от дикой радости. Отбой!

Да, хотя вооруженные всадники и были одеты в полувоенную форму, и у некоторых даже сапоги были красными, но с этими людьми Степан воевать не собирался.

— Стойте, парни! — приказал он, осаживая коня. — Это мои знакомые. Пойдите пока здесь, а я с ними потолкую.

— Ну, я надеюсь, ты сам знаешь, что делать, — недовольно пробурчал Мушкет, вытирая рукавом взмокший лоб, облепленный пылью.

Гончар проехал вперед и остановился, подняв руку. Когда всадники приблизились, понемногу замедляя ход, он приподнял шляпу и сказал:

— Князь! Не ожидал увидеть вас!

— Такер? Я удивлен не меньше вашего, — ответил князь Салтыков. — Мы разглядели вас в бинокль, но не поверили своим глазам.

— Значит, это все сказки? — весело спросил Домбровский, подъехав вплотную и хлопнув Степана по плечу. — Не привидение! Натуральный живой Такер. Хотел бы я сейчас видеть физиономию вашего шерифа!

— Слухи о моей смерти оказались немного преувеличенными, — сказал Гончар. — Но я не ожидал, что ваша экспедиция углубится так далеко. Может быть, профессор Фарбер

решил с вашей помощью отыскать новые запасы серебра? Кстати, почему я его не вижу?

Князь и Домбровский переглянулись.

— Вы же ничего не знаете, — проговорил Салтыков. — Мы ищем здесь не серебро. Мы ищем дочь профессора, Мелиссу. Ее похитили индейцы.

Часть 3. Урядник

22. Найдешь то, чего не искал

— Такой удар для профессора, — сказал Домбровский. — На него страшно смотреть.

— Где он? — спросил Гончар.

— Остался в базовом лагере. Сейчас мы осмотрим одно место, а потом направимся в лагерь. Если желаете, можете следовать с нами.

— Желаю. — Степан оглянулся на своих спутников. — Я поеду с вами. Но... Что-нибудь известно о том, как это случилось?

— Неслыханная дерзость, — сказал князь. — Ее похитили среди бела дня, в центре города. На глазах у прохожих. Просто затащили в фургон и умчались. Фургон потом нашли и опознали. На нем обычно ездили индейские скауты из кавалерийского полка.

— Все мужчины Денвера были готовы пуститься в погоню, — добавил Домбровский. — Естественно, узнав о случившемся, мы тоже не могли оставаться в стороне. И вот сейчас прочесываем свой участок. Пока никаких следов. Но мы не теряем надежды. Девушек похищают не для того, чтобы съесть. Скорее всего, ее продадут в жены какому-нибудь вождю. А такие события не остаются незамеченными. Рано или поздно какой-нибудь отряд обязательно найдет Мелиссу.

— Но пока — никаких следов?

— Не совсем так, — сказал Домбровский. — Есть слухи. Например, называют какой-то Холм Смерти, куда якобы везли какую-то белую невесту. А буквально вчера мы узнали, что на след похитителей вышел отряд местной самообороны. Индейская банда двигалась в горах, с ними была белая женщина. Ополченцы устроили погоню, но наткнулись на ожесточенное сопротивление. Все это происходило как раз где-то в этих местах. Так что я полагаю, мы на верном пути.

— Мне надо проститься с приятелями, — сказал Степан. — Я догоню вас.

Мушкет и Томми выжидающе смотрели на него.

— Ты не слишком-то радуешься встрече со своими знакомыми, — заметил налетчик.

— Дальше я поеду с ними.

— А мы?

— Теперь у вас есть оружие и запасные лошади, в сумках полно консервов и воды. Что еще нужно для небольшой прогулки?

— И куда ты нам советуешь прогуляться?

Степан пожал плечами.

Томми выпалил:

— Оклахома! Я точно знаю, что туда не суются ни солдаты, ни рейнджеры. Там тебя никто не спросит, откуда ты взялся. Устроимся на ранчо. Или будем охотиться. Оклахома — край свободных!

— Оклахома — край голодных, — поправил его Мушкет. — Там не сеют хлеб, потому что ветер выдувает зерно из земли. Скотине там нечего жрать, кроме колючек. И для меня там нет работы, потому что по Оклахоме не ходят поезда. Нет, парни, лучше остаться в Колорадо. Я слышал, скоро протянут ветку до Маршал-Сити. Надо готовиться. Томми, не забивай себе голову всякой ерундой. Ранчо, охота? Это не для нас. Для начала наведемся в Ледвилл, знаю я там пару надежных парней. Перекантуемся у них, а там видно будет. Ладно, Горящий Волк, оставайся со своими. Может, еще увидимся.

— Держитесь подальше от дорог, — предупредил Степан.

— Сам знаю, — буркнул Мушкет и хлестнул мерина плеткой.

Догоняя казаков, Гончар успел все обдумать. Он не сомневался, что с Мелиссой все в порядке. Она уехала с Холма Смерти в сопровождении Майвиса и женщин. По всей видимости, их-то ополченцы и приняли за банду похитителей, пустились в погоню — и получили по зубам. Что бы сделал Степан на месте Майвиса? Затаился бы в горах. Значит, отряды, которые рыщут по дорогам, ничего не найдут.

Он поравнялся с князем.

— Куда мы сейчас?

— Мы встретили бродячего торговца, и он сказал, что выше по течению реки появилась какая-то новая индейская деревня. Раньше ее там не было. Заглянем туда.

— Выше по течению? Я только что оттуда, — сказал Степан. — Деревни этой больше нет.

— Да? Подозрительно, — заметил Домбровский. — С чего бы они так быстро снялись с места?

— Они не снялись. Все там остались. Но деревни больше нет. Ее сожгли «красноногие». Или, как вы их называете, ополченцы.

Князь, нахмурившись, длинно выругался по-русски и приказал казаку, ехавшему рядом:

— Никита Петрович, командуй привал. Надо покумекать, что дальше делать будем.

Отряд остановился, свернув с дороги в тень низкорослых акаций.

Домбровский расстелил на траве карту.

— Посмотрите, Такер, знакомы вам эти места?

— Немного.

— Вчера мы прочесали долину между двумя поворотами реки. — Он водил по карте соломинкой. — Здесь увидели торговца в лодке. По нашим расчетам, деревня должна находиться вот здесь.

— Она там и была.

Князь снял шляпу и вытер высокий, с залысинами, лоб.

— Когда же ее успели сжечь? — спросил он. — И зачем? Какой смысл сжигать деревни?

— Ну, князь, ополченцев тоже можно понять, — сказал Домбровский. — Идет война. Необъявленная, но война. Если противник начинает похищать девушек, это вызывает озлобленность. Наверно, ополченцы пытались войти в поселок, начался бой, и озлобленность только усилилась. На войне как на войне.

— Там не было боя, — сказал Гончар. — Потому что в поселке не было воинов.

— По крайней мере, наша совесть чиста, — угрюмо сказал князь.

— Не сомневаюсь, что «красноногие» тоже так думают. — Домбровский переломил соломинку и выбросил ее. — Итак, поскольку отпала необходимость проверять эту деревню, мы можем возвращаться в лагерь. Но было бы неразумно идти дважды одной и той же дорогой. Поэтому мы сделаем еще небольшой крюк и заглянем в ущелье. Такер, как вы полагаете, там могут быть индейцы?

— Они могут быть везде, где растет трава и течет вода, — сказал Гончар. — Но как вы собираетесь с ними говорить?

— Никак. Только посмотрим на них издалека, — улыбнулся Домбровский. — Такер, это чертовски хорошо, что мы вас встретили. Не знаю, что вы не поделили с шерифами, но я рад, что вы живы.

— Я тоже. Но если вы намерены дойти до ущелья засветло, надо торопиться. Иначе придется ночевать в степи.

— Мы так и рассчитывали. Вас что-то смущает?

— Признаться, я думал, что увижу профессора уже сегодня.

— Ваше желание понятно, — кивнул Домбровский. — Вы, конечно, хотели бы его

поддержать. Но он не нуждается в словах сочувствия. Он даже ничего у нас не спрашивает. Когда я докладываю ему о наших действиях, он, похоже, не слушает меня. Потому что ему не нужны слова. Ему нужна дочь. Чем вы можете успокоить его? Да и возможно ли это? Думаю, что нет.

«Пожалуй, мне и в самом деле нечего сказать Фарберу, — подумал Гончар. — Разве только сознаться в том, что все это случилось из-за меня».

В большом котле над костром булькало аппетитное варево.

— Перед обедом требуется взбодрить желудок. — Салтыков отвинтил пробку на блестящей фляге. — А потом вы отведаете русской еды. Сейчас будет готова каша с луком и салом. Редкий деликатес в ваших краях.

Молодой казак осторожно опустил на траву перед князем черный лакированный поднос, расписанный алыми цветами. На подносе стояли три хрустальные стопки и миска с янтарными ломтиками соленой рыбы.

— Ваше здоровье. — Князь наполнил стопки и выпил первым. — А вот скажите мне, Такер, почему индейцы не производят спиртных напитков? Они отлично приспособлены к местным условиям, они выращивают кукурузу и рис, им знаком процесс брожения. И, как я заметил, все не прочь выпить. Но я не слышал, чтобы шайены, навахо или сиу гнали что-нибудь вроде мексиканской текилы или хотя бы такую дрянь, как бурбон. А вы слышали?

— Нет, — рассеянно ответил Степан, продолжая разглядывать карту.

Князь тут же наполнил себе вторую стопку.

— Чем ближе к цивилизации, тем ярче этикетки и тем хуже выпивка. Самую лучшую текилу мы покупали у грязных полуголых мексиканцев в Сан-Франциско. Но она быстро кончилась. На факториях Орегона нам продавали так называемый ром. А здесь люди вынуждены пить жидкость, незаслуженно причисляемую к семейству виски. Впрочем, для того, чтобы взбодрить желудок перед обедом, годится и такое. Хотите еще?

— Нет, спасибо.

— Князь, вы несправедливы к индейцам, — вступился Домбровский. — Вам мало того, что они подарили человечеству? Кукуруза, фасоль, картофель, томаты — я не представляю, как Европа жила без этих продуктов. А шоколад, ананасы, перец? Я уж не говорю про табак.

— Наверно, Колумб слишком рано открыл Америку. Еще пара столетий, и здесь обязательно придумали бы какую-нибудь табачную водку. Вот это была бы вещь. А пока... — князь поморщился, нюхая стопку, и с гримасой выпил.

«Далеко же меня занесло, — думал Степан, не в силах оторвать взгляд от карты. — И места все незнакомые. Где тут искать Майвиса? Мы с ним сюда не забирались». Он вспомнил, что, хотя эти края и славились изобилием бизонов, шайены никогда не откочевывали сюда.

«В долине между горами и Песчаными Холмами живут сиу, — говорил Майвис. — Наши предки вытеснили их с Черных Холмов, и они озлобились. Чтобы поохотиться там на бизонов, нам придется собирать очень большой отряд воинов. Охота может быть удачной, но сиу не дадут нам унести добычу. Многие отважные шайены оставили свои кости за Песчаными Холмами. Нет, Зимний Туман, лучше мы найдем себе другие места для охоты».

Гончар не заметил, чтобы сиу Белый Нож, подаривший ему коня, был настроен против шайенов. Наверно, опасность, исходящая от белых, способна объединить даже непримиримых врагов. Что ж, в таком случае Майвис может рассчитывать на убежище. «Но если я хочу его найти, — подумал Гончар, — мне придется сделать это в одиночку. Такую компанию индейцы не подпустят даже на дистанцию выстрела. Просто испарятся в воздухе, как призраки. Вместе с Майвисом и Милли».

У него снова пересохло в горле, как только он подумал о Мелиссе. Князь, словно угадав его желание, наполнил стопки.

— По третьей, и хватит. Надо знать меру.

— Золотые слова, — саркастически усмехнулся Домбровский. — Такер, вы пьете, как ни в чем не бывало. Трудно поверить, что вас могли принять за покойника.

— Я притворялся.

— Ваше притворство весьма огорчило жителей Маршал-Сити. Им придется до конца своих дней донашивать башмаки, купленные в вашем магазине, потому что магазин закрылся. Как я понимаю, теперь вы торгуете обувью в Колорадо?

— Пока только изучаю рынок.

— Шутки в сторону, Такер, — сказал князь. — Если власти узнают, что вы живы, все начнется сначала. Вот вы рветесь навестить профессора. А кто поручится, что он не донесет на вас?

— Донесет, обязательно донесет, — поддакнул Домбровский. — Преодолеет свои душевные терзания и донесет. Поскольку он весьма законопослушный гражданин. Как бы хорошо он к вам ни относился, но закон есть закон.

— Плевать на закон, — махнул рукой Гончар, чувствуя, как все тело охватывает приятная легкость. Он так давно не пил спиртного, что мгновенно захмелел. — Фарбер, может быть, и донесет. Но не раньше, чем увидит свою дочь живой и невредимой. А он знает, что без моей помощи никто ему Мелиссу не найдет.

— И все-таки вам надо побережться, — сказал князь.

— Скорее, побережться надо вам, — возразил Гончар. — Не знаю, кто посоветовал направить отряд в эти места, но этот советчик оказал вам дурную услугу. Здесь идет война. Можно сказать, что вы находитесь за линией фронта. Дюжина белых мужчин, разгуливающих по землям сиу — это клуб самоубийц. Я мог бы рассказать, чем закончится ваш визит в ущелье, если там и в самом деле живут индейцы. Но не хочется портить аппетит.

Салтыков задумчиво погладил окладистую бороду и ответил:

— Вы разбираетесь в этом лучше меня. Мне приходится вам верить, хотя я не вижу никаких признаков опасности. Но война войной, обед обедом. Лукашка, подавай.

Все тот же расторопный казак принес три миски, наполненных жидкой кашей, в которой плавали куски жареного сала. Степан и не заметил, как его миска оказалась пустой.

— Лихо же вы расправились, — рассмеялся князь и хлопнул в ладоши. — Лукашка, не зевай!

Когда Гончар доел вторую порцию, Салтыков с Домбровским еще не покончили с первой.

— Вот теперь я за вас спокоен, — сказал князь. — Волчий аппетит — признак здоровья.

Немного смущаясь, Степан выскреб хлебом остатки каши.

— Понравилось? — спросил Домбровский. — Мы поставим вас на довольствие. Денежного содержания не будет, но голодным не останетесь. Я серьезно, Такер, присоединяйтесь к нам. Никто не заметит, что в отряде стало на одного казака больше.

— А что дальше? Может, вы и в Россию меня заберете?

— Можем и забрать. Если сами туда попадем, — ответил князь. — Мы не торопимся возвращаться. Меня там никто не ждет.

— А вас? — Гончар заметил змеиную улыбку Домбровского.

— Меня, наоборот, ждут. Ждут очень многие. Только я не горю желанием с ними встречаться.

— Ну, а ваши люди? Им-то разве не надоело скитаться по чужим землям?

— Наши люди... — Князь достал из кармана трубку и кисет. — Курите?

— Нет, спасибо, — отказался Гончар, неожиданно ощутив отвращение к табаку.

— Нашим людям не привыкать к чужбине. Думаю, вы не страдаете предрассудками, и не испугаетесь, если я скажу, что все мои люди — это каторжники.

— Что?

— Да-да, в России они были осуждены и сосланы на каторгу. Их дальнейшая судьба могла сложиться иначе, но наше правительство надумало выстроить цепь станиц, чтобы связать Сибирь с берегами Великого океана. Где брать людей для этих поселений? Тем ссыльным, что отбыли срок в каторжных работах, вернули гражданские права и обратили в

Забайкальское казачье войско. Затем их часть переселили на Амур и Уссури. Я их отобрал после долгого изучения. Они вполне порядочные люди.

— Как-то странно... Вы князь. Они — преступники, пусть и бывшие. Неужели вас не смущает их прошлое?

За князя ответил Домбровский:

— Прошлое? Его не существует.

— Я тоже так думал когда-то, пока... — Степан осекся.

«... Пока сам не провалился в прошлое», — едва не произнес он.

Как истинный аристократ, Домбровский мгновенно заполнил неловкую паузу:

— Ну как, подходит вам наша компания?

— Вполне, — кивнул Гончар. — Жаль, что я не могу остаться с вами.

— Вы же только что собирались в Денвер.

— Мне там нечего делать.

Степан на секунду прикрыл глаза, и снова увидел карту. Память сохранила ее во всех подробностях, и теперь он представлял, куда мог направиться Майвис. Между Холмом Смерти и Денвером было только два подходящих места для того, чтобы спрятаться от преследователей — каньоны на южном берегу реки и Черный лес на северном. Но какое направление избрал индеец?

— Я провожу вас до ущелья, — решил он. — Вдруг вам понадобится переводчик? Хотя, честно говоря, лучше бы мы там никого не встретили. В этих местах и белые, и сиу одинаково опасны.

23. За линией фронта

Он рассчитывал покинуть отряд Салтыкова сразу после обследования ущелья и, не останавливаясь на ночевку, отправиться дальше. Ночью в степи можно двигаться быстрее и спокойнее, чем днем, когда палящее солнце давит на плечи, а любое пыльное облачко на горизонте вынуждает останавливаться в тревожном ожидании. Нет, путешествовать по степи надо ночью. Луна освещает путь ровно настолько, чтобы не наткнуться на непроходимые заросли кустарника. К тому же, если ты избегаешь дорог, то гораздо надежнее ориентироваться по звездам, чем разглядывать в знойном мареве размытые очертания далеких вершин.

Гончар уже предвкушал удовольствие ночного перехода, когда заметил на склонах ущелья небольшой табун лошадей. Он поднял руку, и отряд, следовавший за ним по руслу пересохшей речки, остановился.

— Почему встали? — спросил Домбровский, поднося бинокль к глазам.

— Можем поворачивать обратно. Здесь индейцы.

— Почему вы так думаете?

— Только индейцы оставляют своих лошадей пастись так далеко от жилья.

— Но, может быть, это дикие лошади? Отбились, заблудились? Может быть, их сюда пригнали конокрады? Я не вижу никаких признаков индейцев.

— Какие признаки вам нужны? Стрела в спину — устроит?

— Бросьте, Такер, — поморщился Домбровский. — Ну, сами подумайте, о чем я доложу профессору, когда мы вернемся в лагерь? Об этих лошадях? Нет, мне надо хотя бы издали поглядеть на деревню. Если найдем стоянку, направим сюда другой отряд, с переводчиками и солдатами.

— И что тогда будет с деревней? — спросил Гончар.

— Ничего с ней не будет. Индейцы могут что-то знать о похищенной белой девушке. Кстати, вы не допускаете мысли, что она может оказаться как раз в этой самой деревне?

— Я допускаю мысль, что там может оказаться банда, которая не прочь пожить за наш счет. Что бы вы сделали с тем, кто вторгся в ваш дом?

— Но мы не вторгаемся. Мы только краешком глаза...

— Можем мы хотя бы подойти к лошадям поближе? — спросил князь. — Если убедимся, что они принадлежат индейцам, сразу повернем обратно.

Гончару нечего было возразить на это предложение, казавшееся вполне разумным. «Как тяжело иметь дело с белыми, — подумал он, послав вороного вперед. — Все им надо доказывать. Каждому решению надо дать логичное обоснование. Кто бы им объяснил, что не все можно объяснить? Нет, надо либо избавляться от попутчиков, либо стать их проводником. Решения проводника не обсуждаются. И даже русский князь должен их выполнять, если хочет остаться в живых. Вот только непохоже, чтобы он слишком сильно этого хотел...»

Пятнистые лошади встревоженно подняли головы и замерли, глядя на приближающихся всадников.

— Видите? — торжествующе спросил Домбровский, вытянув палец. — Вторая слева! У нее тавро! Две семерки! Его видно даже отсюда!

— Да, видно, — согласился Гончар. — Не знаю, какая воинская часть метит своих лошадей двумя семерками. Но здесь поблизости нет кавалерии. Значит, это ворованные кони.

— Неужели сиу могли прельститься такими клячами? — с сомнением протянул князь. — Старые, худые, а одна, вроде, еще и хромает?

— Да, кони неважные, поэтому их и оставили пастись здесь. А поселок, скорее всего, гораздо дальше. — Степан, задрав голову, втянул ноздрями воздух. — Ветер приносит запах реки. Вот там вы увидите совсем других лошадей. И их хозяев. Но лучше бы вам их не видеть. Потому что если ты видишь одного сиу, значит, второй уже целится тебе в спину.

— Мы можем выслать дозор, — сказал князь, разворачиваясь назад.

Он жестом подозвал к себе старшего из казаков и сказал ему по-русски:

— Никита Петрович, у кого конь порезвее? У Речкина?

— Пожалуй, что у Бондаренки.

— Значит, Бондаренку — в дозор. Увидит копченых — сразу назад.

Степан Гончар по достоинству оценил познания князя в тактике. Но он подозревал, что индейцы давно уже наблюдают за отрядом, поэтому дозорный был обречен.

— Послушайте, князь, — сказал он. — Если ваш человек заметит индейцев, он не успеет об этом доложить. С одиночками здесь разговор короткий. Давайте уж двигаться всем отрядом. А когда нас остановят, я сам буду с ними говорить. Не вмешивайтесь. Договорились?

— По-моему, вы сгущаете краски. — Салтыков первым тронулся вперед. — Мы и не в таких местах ходили. И никого не потеряли. Но будь по-вашему. Ведите нас.

Гончар ехал впереди, прислушиваясь к птичьему гомону, который доносился из-за деревьев, покрывающих склоны ущелья. Вот раздался крик вороны — сначала протяжный, а потом два коротких. Тире, две точки. Издалека пришел ответ — две точки, тире. Степан невольно усмехнулся. «Если я сейчас скажу князю, что индейцы следят за нами, он снова потребует доказательств. Что я ему предъявлю? Это карканье? Ладно, ваша светлость, скоро вы сами все увидите».

Больше всего он жалел о том, что поспешил с переодеванием. Если бы на нем сейчас были мокасины и домотканая рубаха, Степан чувствовал бы себя увереннее. А красные сапоги и армейская куртка изрядно ослабят его позиции на переговорах. Если, конечно, сиу еще захотят говорить с наглыми пришельцами...

— Индейцы! — с досадой произнес Домбровский. — Князь, я их вижу!

— Я тоже, — спокойно ответил Салтыков. — Такер, вы были правы. Как я понимаю, поворачивать поздно?

— Поздно.

Со склонов ущелья из-за деревьев спускались всадники, голые по пояс и с перьями в волосах. Гончар насчитал два десятка индейцев, когда послышался голос кого-то из казаков:

— И сзади тоже!

— Их довольно много, — заметил князь. — Это сиу?

— Да.

— Почему они не напали на нас из-за деревьев? У них винтовки. Могли бы дать залп для начала. Может быть, они не собираются драться?

— Сейчас я спрошу у них об этом. — Гончар соскочил с вороного и передал поводья Домбровскому. — Если они меня уведут, позаботьтесь о коне. Держите его отдельно от своих. Прежний хозяин говорил, что вороной не терпит молодых жеребцов.

— Что за речи, Такер! — Домбровский был бледен, но голос его звучал твердо. Первый испуг уже прошел. — Мы не дадим им увести вас.

— Со мной ничего не случится, — сказал Степан, расстегивая оружейный пояс. — А вы при первой возможности уходите из ущелья. Князь, могу я вас просить о небольшом одолжении?

Салтыков принял от него оружие и кивнул:

— Сделаю все, что в моих силах.

— Не говорите никому, что здесь индейцы. Эти люди не похищали Мелиссу Фарбер. Иначе они давно бы исчезли, едва заметив наше приближение.

Он одернул куртку и уверенно зашагал навстречу индейцам, которые плотной стеной выстроились впереди.

Его красные сапоги звонко цокали подковами по гальке пересохшего русла. «Да, в мокасилах было бы сподручнее», — подумал Степан и тут же заставил себя повторить эту фразу на языке сиу. Для этого ему пришлось изрядно напрячься, но он все же вспомнил нужные слова. Вспомнил он и имена всех вождей сиу, с которыми когда-то встречался. С кем-то он выкурил не одну трубку, но были и такие, кто считал его заклятым врагом. Сейчас Гончару оставалось только надеяться, что среди воинов, сурово глядевших на него поверх конских голов, не окажется никого из его кровников.

Он остановился перед всадниками на расстоянии броска камня и поднял ладонь к виску:

— Митакуйте оясин!

Это приветствие на языке сиу заставило многих воинов переглянуться, но никто не ответил ему. Один из них, в короне из белых и черных перьев, выехал вперед. Его серый конь развернулся боком к Степану, нервно косясь.

— Ты знаешь наш язык? — спросил вождь. — Или только умеешь здороваться?

— А ты — умеешь? — Гончар с независимым видом заложил большие пальцы за пояс, стараясь выдержать сверлящий взгляд черных глаз.

По всем правилам тому, кто начал разговор, полагалось назвать свое имя. Но вождь не соблюдал правил.

— Я умею прощаться, — сказал он. — Я умею петь над трупами врагов. Хочешь услышать?

— Не для того я сюда пришел.

Вождь внимательно оглядел Степана.

— На тебе солдатская одежда. Солдаты принесли нам много бед.

— Знаю. Но я проводник, а не солдат.

— Зачем ты привел сюда белых воинов?

«Да какие они воины! — чуть не рассмеялся Степан. — Лопухи и раззявы, бродяги, туристы». Но вождя нельзя поправлять перед лицом его подданных. К тому же он назвал его попутчиков именно «воинами», а не «солдатами». Это прозвучало уважительно.

— Они ищут пропавшую девушку. Ее отец послал их на поиски. Они никому не причинили вреда.

— Почему они ищут ее здесь?

— Они будут искать ее везде. На земле много мест, где можно спрятать человека.

— Нет, проводник. На земле уже не осталось таких мест. Мой народ нигде не может скрыться от твоих братьев. Даже на неприступных вершинах остались зловонные следы

белого человека.

— Значит, ты не видел здесь пропавшей девушки? — спросил Гончар. — Очень хорошо. Я так и скажу моим спутникам. Пусть ищут в другом месте.

— Ты ничего им не скажешь. Оглянись.

Степан повернул голову и увидел, что отряд Салтыкова исчез.

— Они бросили тебя и убралась отсюда. Мы могли бы убить их всех. Но это не солдаты. Пусть они уйдут.

— Тогда и я пойду, — сказал Гончар беззаботно.

— На тебе солдатская одежда, — сказал вождь. — Солдат, который на тюремном плацу заколол моего брата штыком, был в такой же куртке, как на тебе. С тех пор я проткнул своим ножом много таких курток. И каждый раз мой брат радовался, глядя на меня из Небесной Долины.

«Кого из вождей сиу убили в тюрьме? — Степан лихорадочно перебирал в памяти все известные ему случаи. — Высокий Хребет? Нет, он погиб в бою. Кто еще? Большая Ворона? Нет, он шайен. Маленький Ястреб? Возможно. Он не вернулся из похода. Возможно, его схватили солдаты и убили уже в тюрьме. Но это случилось давным-давно. Неужели — Маленький Ястреб? Кажется, была какая-то история с его братом... Неистовый Конь! Да, о нем до сих пор рассказывают!»

— Ты — брат Неистового Коня? — спросил он вождя и заметил, что у того дрогнули брови. — Это был великий воин. Его почитали и шайены, и белые.

— Он мог бы стать великим воином, если бы не доверялся шайенам и белым, — сурово ответил вождь. — Но он доверился им. И остался один в окружении врагов. Как ты сейчас. Иди вперед. Мы будем убивать тебя не здесь.

24. Брат за брата

Степан шагал в окружении молчаливых всадников и думал о том, как мог бы закончиться разговор с вождем, если бы он назвал свое имя. Вот только какое из имен?

Многие сиу слышали о Зимнем Тумане. Его уважали и принимали, но при этом все знали, что когда-то он убил в бою сына одного из вождей. Назваться Стивеном Питерсом? Не самое лучшее решение. А вдруг розыскной плакат каким-то образом долетел и до этого далекого ущелья? Известно, что индейцы не гнушались сдавать властям пойманных преступников. Может быть, стоило сказать, что с некоторых пор его имя — Горящий Волк. Но из уст человека в солдатской одежде это могло прозвучать как издевка.

«Имена, имена... Они ничего не значат, но как много от них зависит, — думал Степан Гончар. — Назвали бы меня при рождении, скажем, Иннокентием или Вениамином. И я бы вырос тихим интеллигентным человеком. А что могло получиться из пацана, которому все только и кричали: «Степка, перестань! Степка, не дерись!» Вот и приходится теперь шагать под прицелом сразу четырнадцати винчестеров. Плюс двое со «спрингфилдами». Да, тут, как ни назовись, а результат все равно будет отрицательный».

Он вспомнил, что Неистовый Конь из племени оглала тоже не сразу получил свое громкое имя. В детстве его называли Выющиеся Волосы, потом, до совершеннолетия, он носил имя Его Лошадь На Виду. Он считался еще мальчиком, когда принял участие в серьезном бою. Несколько раз он в одиночку кидался на банду арапахо, которые укрепились на высокой горе и стреляли из-за валунов. Он вернулся раненый, но принес два скальпа. Его отец устроил пир в честь сына и передал ему свое имя.

Да, он мог бы стать великим вождем, но не стал. Все ждали, что он объединит народы сиу не только для войны с арапахо и генералом Кастером, но и для мирной жизни. Объединенные племена невозможно загнать в резервации, и белому человеку пришлось бы считаться с могучим народом. Может быть, Неистовый Конь и хотел собрать вокруг себя всех сиу, но не успел. Белые слишком боялись его даже после того, как он покинул тропу войны. Они заманили вождя на переговоры и попытались арестовать. А когда он оказал

сопротивление, солдаты схватили его за руки, и один из них ударил Неистового Коня в спину штыком.

Этот рассказ Степан слышал от разных индейцев, но все они говорили одно и то же. Даже арапахо. Значит, так оно и было.

«Значит, они и в самом деле собираются меня убить», — сделал вывод Гончар. Эта мысль не вызвала в нем никаких эмоций. Только легкий озноб пробежал между лопатками. Он не имеет права погибнуть. Надо остаться живым. Надо все сделать правильно.

Они не связали его. Уверены, что он не убежит. Некуда бежать. А если и попытается, то только доставит им лишний повод поупражняться в охоте на белую дичь.

«Но я — не дичь, — подумал Гончар. — Я такой же, как они. И пусть они это знают».

— У Неистового Коня был брат, Маленький Ястреб, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — Он пропал. Про других братьев мне не рассказывали ни оглала, ни шайены, ни бруле. А я провел с ними не одно кочевое лето, и съел с ними не одного бизона. Они рассказывали мне о многих славных воинах, но я никогда не слышал, что у Неистового Коня есть еще один брат.

— Теперь ты это знаешь, — не оглядываясь, бросил вождь.

— Когда Неистовый Конь бился с генералом Кастером, рядом с ним сражались великие воины, — продолжал размышлять вслух Степан. — Шайен Две Луны, оглала Сидящий Бык, Черный Олень, Бьющий Медведь и Добрая Ласка. Почему там не было тебя?

Вождь явно не хотел говорить с пленником, но он не мог промолчать, услышав такой вопрос. Тем более, что его ответа ждал не только Степан, но и воины. После долгого молчания вождь все-таки ответил:

— Я был далеко. А ты скоро окажешься еще дальше. В Небесной Долине.

Гончар заметил на нескольких воинах шайенские мокасины, отделанные желтым, зеленым и красным бисером. И свой ответ он произнес по-шайенски:

— Ну что же, сегодня хороший день для смерти.

— Свирепый Пес, этот человек говорит, как настоящий шайен, — окликнул вождя один из индейцев.

— Когда я захожу в лавку Маккормика, я говорю, как настоящий шотландец, — ответил Пес. — Чтобы он продал мне настоящий шотландский виски. А этот человек говорит, как шайен, потому что хочет умереть, как подобает шайену. Никто не будет покупать всякую дрянь, когда можно купить виски. Никто не захочет умереть смертью белого, когда можно погибнуть по-человечески.

— Он пришел к нам без оружия, — сказал молодой индеец, ехавший рядом с Гончаром.

— Обычный трюк белых. Они начинают с нами переговоры, чтобы дожидаться армии. А потом окружают и убивают. Ты еще слишком юн, Барсук. Ты не знаешь, как коварны белые. А я жил среди них пять лет. Я их знаю.

Барсук легонько коснулся ногой плеча Степана и спросил:

— Ты не хочешь назвать свое имя?

Гончару пришлось задрать голову, чтобы разглядеть его лицо. Этот индеец смотрел на него спокойно, не так, как остальные, бросавшие на пленника злобные взгляды.

— Шайены называли меня Зимним Туманом.

— Почему?

— Потому что я пришел к ним зимой. И вышел из Ущелья Туманов. А почему тебя называли Барсуком?

Молодой индеец не успел ответить, потому что Свирепый Пес обернулся и выкрикнул:

— Его так называли за то, что он, как настоящий барсук, дружит с шакалами! Тебе лучше помолчать, проводник. Подумай о новых дорогах, которые тебя ждут. Твоя куртка скоро пропитается кровью, и мы вернем ее твоим друзьям.

— Это не моя куртка, — равнодушно ответил Гончар. — Я снял ее с убитого, как и сапоги, и шляпу.

— Воистину, тебя надо бы назвать Шакалом, — сказал Пес. — Ты ешь падаль.

— Так устроен мир. Кто-то снимает скальпы, а кто-то забирает у врага одежду.

— С тебя не снимут скальп, — пообещал Пес. — Если бы ты попался мне в бою, тогда другое дело. Но ты ничего не добавишь к моей славе. Я убью тебя только для того, чтобы порадовать брата. Барсук! Скачи в деревню, пусть приготовят Столб Пленника.

Молодой индеец низко наклонился к шее коня, чтобы заглянуть в лицо Гончару.

— Ты улыбаешься? — удивился он.

— Я радуюсь, — ответил Степан. — Такая честь. Для меня приготовят Столб Пленника!

— Ты настоящий шайен, — сказал Барсук и, хлопнув пятками по бокам коня, погнал его в глубину леса.

Народные предания любого племени построены по принципу: о себе ничего плохого, о соседях — ничего хорошего. Этот закон человеческой природы действует на англичан с французами точно так же, как на индейцев.

Живя среди шайенов, Гончар только однажды, мельком, услышал о Столбе Пленников. К нему сиу привязывали схваченных врагов, прежде чем их казнить. Некоторые утверждают, что Столб использовался для пыток. Но большинство сходится на том, что сиу просто исполняют свои ритуальные песни и пляски вокруг привязанного пленника, да еще заставляют его подпевать. По единодушному мнению шайенов, страшнее этой пытки ничего и придумать нельзя. После ритуала некоторых, говорят, и в самом деле казнили — на брошенных стоянках возле Столба часто находили следы крови или подвешенные к деревьям трупы. Но обычно сиу обращали пленных в рабство или усыновляли.

«Для усыновления я, пожалуй, староват, — думал Гончар, глядя, как возле шеста, врытого посреди поляны, суетятся индейцы. — Вот раб из меня получился бы отличный. Со знанием языков, без вредных привычек. Уверенный пользователь ПК. Имеется в виду пулемет Калашникова. У вас пока нет пулеметов? Что ж, испытайте, как я управляюсь с винчестером и кольтом. Сиу охотно приняли бы меня в рабы. Если бы их вождь не был таким озлобленным идиотом».

Он понимал Свирепого Пса. Наверно, в годы войны за Черные Холмы тому пришлось жить в какой-нибудь белой семье. Батрачил, или прислуживал, или был погонщиком в караване. Старшие братья заслужили вечную славу на полях Дакоты, а он — пригоршню долларов. Когда он вернулся в семью с деньгами, оказалось, что они уже никому не нужны. И Пес занялся любимым делом младших братьев — мезтью за погибших героев.

«Я-то здесь причем! — хотелось во весь голос заорать Степану. — Найди Белого Ножа, иди вместе с ним на Форт-Робинсон, освобождай свою родню, пока с ней не поступили так же, как с Неистовым Конем. Спасай свое племя от пьянства и сифилиса, найми белого доктора, чтобы тот лечил твоих детей от кори. Не прогоняй миссионеров, и они станут учить малышей грамоте, счету и Закону Божьему — все это пригодится пацанам, когда они попадут в город. Делом займись, Пес, делом! А казнить одинокого странника только за то, что он носит солдатскую куртку — это никому не принесет пользы, и мезть не спасет твое племя». Много чего он мог бы сказать Свирепому Псу, но тот не собирался разговаривать с пленником.

Степану обвязали запястья веревкой, а другой ее конец обмотали вокруг шеста. Дождаясь начала церемонии, он присел на траву. За стволами сосен проглядывали верхушки индейских шатров. Деревня, видимо, стояла у самой воды — Гончар уловил запах мокрых листьев и представил берег, покрытый низко склоненными деревьями и кустами. Хорошее место для побега.

«Молодцы казаки, — подумал он. — Быстро смылись. Если бы нас повязали всех, убежать было бы труднее. Сколько времени понадобится Салтыкову, чтобы добраться до лагеря и вернуться сюда с подкреплением? Не меньше суток. Завтра вечером казаки с «красноногими» войдут в ущелье. Если Свирепый Пес не сообразит убраться отсюда, одной индейской деревней станет меньше. Скорей бы ночь наступила».

Он еще не знал, каким образом удастся бежать из плена. Но знал, что убежит. Не имел

права не убежать.

Со стороны деревни доносились громкие голоса бранящихся индейцев. Насколько мог понять Степан, какая-то старуха ругала Свирепого Пса за то, что тот привел сюда пленника. По его следу придут белые солдаты. Пес невнятно оправдывался, но старуха наседала на него с новой силой. Степан заметил в ее речи множество новых для себя слов, о значении которых ему приходилось только догадываться. Но смысл был ясен и без лишних подробностей: старуха была колдуньей, а Свирепый Пес не верил в ее охотничью магию и поэтому был неудачливым добытчиком. Старуха перечислила несколько случаев, когда Пес упускал раненого зверя. Но это не страшно, когда рядом есть другие охотники. А вот то, что он не поверил в ее предсказания, погубит деревню. Свирепый Пес опять что-то проговорил в оправдание, а старуха вдруг завывала, запричитала, и за шатрами началось какое-то движение. По некоторым возгласам Степан догадался, что женщины начали сворачивать свое хозяйство. Как видно, шаманка напороочила скорое появление здесь карателей, и индейцы сочли за лучшее откочевать в безопасное место.

«Вот так номер, — подумал Гончар. — А как же я? Оставят в лесу? Или так и понесут, на шесте, как убитого кабана? Нет, ребята, я вам не дичь. Я такой же плохой мальчик, как вы, и даже еще хуже».

Он попытался зубами ослабить узел на руках, и это ему удалось. Но тут к нему приблизился индеец с бубном и колотушкой. Он уселся рядом, устроил бубен на колене и принялся громко по нему молотить.

«Началось, — понял Степан. — Вождь не изменяет своему слову. Обещал убить, значит, убьет».

От рокота бубна поначалу разболелась голова, но скоро Гончар вдруг погрузился в полудрему. Он не чувствовал ни малейшего страха. Досадно терять время, ведь процедура может растянуться на всю ночь. Что они собираются делать? Снимать с него кожу? Отрезать уши, нос, пальцы? Выжигать глаза?

Степан нарочно придумывал самые жуткие зверства для себя, но страх так и не пришел. Он знал, что будет вопить от боли, будет визжать и корчиться — но картины будущих страданий не поколебали того странного равнодушия, которое все сильнее охватывало его. Он вдруг понял, что не умрет. Его уже не раз пытались убить — не получилось. Даже если его изрубят на куски, он никуда не исчезнет. Возможно, немного изменится внешне. Но останется самим собой.

Это было удивительное, небывалое чувство. Ему показалось, что на мгновение перед его глазами распахнулось окно. Оттуда повеяло теплым душистым ветром, и в черноте засверкали ласковые звезды, и он потянулся к ним. Темнота расступилась, и в облаке призрачного света показался бизон. Огромный и неподвижный, он смотрел на Степана, низко опустив лобастую голову.

«Я дал тебе силу, — сказал Бизон. — Не останавливайся. Пройди свой путь».

«Кажется, я уже прошел его, — сказал ему Степан. — Дальше идти некуда».

«Тысячи дорог ведут к самому началу Пути. Сделай хотя бы первый шаг».

Степан попытался шагнуть к Бизону.... Но внезапно обнаружил себя стоящим перед столбом со связанными руками. Он с изумлением увидел свою обнаженную грудь и босые ступни, белеющие на черной блестящей траве. Спина нещадно горела после хлесткого удара. «Чем это меня?» — подумал Степан. И увидел Свирепого Пса с кнутом в руке.

На поляне горели костры. Тела индейцев блестели в отсветах пламени. Воины двигались по кругу. Каждый держал по две небольшие дубинки. Притоптывая и напевая, индейцы нестройно постукивали одной дубинкой о другую.

— Пошел! Чего встал! — крикнул Пес, и новый удар кнута обжег плечи Степана.

Спотыкаясь, Гончар шел вокруг столба. Веревка все укорачивалась, наматываясь на шест, и в конце концов Степан остановился, прижавшись к столбу грудью. Индейцы тоже остановились и перестали стучать дубинками. Было слышно, как они дружно втянули воздух — и ужасающий вопль разорвал ночную тишину.

Если бы Степан не был привязан к столбу, он, несомненно, свалился бы как подкошенный. Заслышав боевой клич сиу, даже разъяренная медведица обращается в бегство, а пролетающие птицы замертво падают на землю.

Но Степан не упал, и не обратился в бегство. Он только успел пожалеть свои барабанные перепонки. А в следующий миг наступила мертвая тишина. Даже ночные букашки испуганно примолкли. Впрочем, ненадолго. Вот они снова настроили свои струны и смычки, и снова запели лягушки на реке.... Гончар осторожно оглянулся. На поляне горели три костра. Индейцы же исчезли.

Ожидая какой-то новой гадости, он попытался высвободить руки. Но стоило ему сделать шаг в сторону, как за спиной что-то прошелестело в воздухе. Резкий удар обрушился на его лопатки, и в свете костра Гончар увидел спину убегающего индейца. Снова шелест сзади. На этот раз он успел оглянуться и увидел, как из-за деревьев на него несется другой воин. Бесшумными мягкими прыжками он подлетел к пленнику и полоснул дубинкой по ребрам. От удара у Степана подкосились ноги, и он с трудом поднялся.

«Это у них игра такая, — понял Гончар, продолжая разматывать веревку и получать все новые удары. — Знать бы, в чем прикол. Плохо, если они играют не на очки, а на конечный результат. Кто выбьет из пленника душу, тот и победил? Не нравятся мне ваши игры, не нравятся. Но все же лучше палки, чем топоры».

Он уже знал, что будет дальше. Веревка быстро поддавалась его зубам. Сейчас он освободит руки и, выбрав удобный момент, сам перелетит через поляну и в два прыжка окажется у реки. А там посмотрим, кто из нас лучше играет в подводные прятки.

Каждый новый удар только добавлял ему злости и сил. Он с трудом удерживался от того, чтобы удивить очередного прыгуна с дубинкой хорошим встречным пинком по яйцам. Но до поры до времени надо было прикидываться чучелом для битья.

Его немного тревожило, что удары наносились все реже. Возможно, индейцы устали. Хотя в это трудно поверить. Может быть, они постепенно выходили из игры, оставляя кому-то право последнего удара?

В таком случае ясно, кому достанется это право. Гончар решил, что кинется к реке, как только из-за деревьев покажется Свирепый Пес. «Эх, хорошо бы он пошел на меня с ножом, — размышлял Степан. — Или хотя бы с пикой. Это же будут совсем другие прятки, когда у меня появится оружие».

Но прошла томительная минута, которая показалась ему часом, а Пес так и не появился.

Вместо него из-за деревьев, раздвинув кусты, вышел князь Салтыков. Его лицо было вымазано черным, но русая борода светилась в темноте.

— Живой? — спросил он по-русски. И сам себе ответил: — Живой.

Князь наклонился возле костра и вытер кинжал о траву.

— Ну и силен же ты, батюшка, ругаться дурными-то словами.

— Кто? — по-русски спросил Гончар. — Я? Я ругался?

— Блажил, на чем свет стоит.

— А где... — он сбросил с рук веревку и оглянулся.

— Бабы ушли, — ответил князь. — А попрыгунчиков мы вырезали. Ты-то как сам?

— Ничего, спасибо.

Из кустов на поляну один за другим выбирались казаки. На черных лицах блестели глаза и зубы. С тихим лязгом прятались в ножны клинки.

— Я же сказал, мы вас не отдадим, — проговорил Домбровский, подхватывая Степана под руку.

25. Земляк с Большой Подьяческой

Вся одежда Гончара была изодрана в клочья. Ему пришлось голым идти с казаками до того места в лесу, где они оставили лошадей. А там он переоделся в шаровары и черную

гимнастерку.

— Это выходной мундир, — говорил Домбровский, помогая Степану застегнуть пуговицы на манжетах. — Мне он понадобился только раз, когда являлся с докладом к нашему консулу. Вот и снова пригодился.

— Зачем же таскать с собой парадку? — удивился Гончар. — Не могли оставить в обозе?

— Всего не предусмотреть. Если б вас не было с нами, на переговоры с индейцами пошел бы я. При полном параде. На них это действует. Проверено.

Затянув кожаный пояс и пропустив под погонами ремешки португеи, Гончар обнаружил, что такая сбруя весьма удобна. Одну кобуру он повесил слева, другую — справа, сзади, чтобы не мешала в седле.

— Мы не нашли вашу шляпу. — Домбровский подал ему фуражку с металлическим козырьком. — Наденьте. На околыше есть ремешок, можете его опустить.

— Вы офицер? — Степан ощупал погоны на плечах.

— Разжалован в урядники. А вы, позвольте спросить?

— Нет-нет, я абсолютно гражданский человек.

— Знаю, знаю, — усмехнулся Домбровский. — Вы торгуете обувью.

К Степану подвели его вороного. Конь был почти неразличим в темноте, только белая звездочка виднелась между блестящими глазами. Холодный мокрый нос коснулся щеки Степана, и вороной замер, положив голову к нему на плечо.

— Соскучился? — Он погладил тугую шею и поймал ногой стремя. — Мне без тебя было плохо. Очень плохо.

— Могло быть хуже, — сказал Домбровский. — Хорошо, что они не стали следить за нами. Наверно, решили, что мы ускакали за подмогой.

— Я тоже так решил, — признался Степан. — Да так и надо было сделать. Зря вы рисковали.

— Это они рисковали, оставив нас за спиной. И просчитались.

— Эх, делов-то! Почикали как цыплят, никто и не пикнул, — хохотнул молодой казак, подведший коня.

— Рано радуешься, Кунцев, — осадил казака Домбровский. — Унести бы ноги, пока не рассвело.

— На конь! — вполголоса скомандовал князь, и в темноте заскрипели седла, забренчала сбруя, захрипели лошади, переступая под седоками.

Отряд ходкой рысью двинулся к выходу из ущелья.

Степана то трясло, как в лихорадке, то вдруг его сковывала судорога, да так, что он не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть. Он удивлялся тому, что не ощущал боли. На спине, наверно, не осталось живого места. А ведь несколько ударов достались и ребрам, и плечам. Но боли не было. Зато было странное чувство — будто с каждой секундой с него постепенно спадают тугие повязки, которыми было спеленато все тело.

Выбравшись на дорогу, казаки стали, и Домбровский с князем принялись рассматривать небо, чтобы сориентироваться по звездам.

— Не лучше ли нам остановиться, — сказал Салтыков. — Не верится мне, что они осмелятся выслать за нами погоню, да еще ночью. С нами, к тому же, раненый, ему бы сейчас отлежаться...

— Дорога ведет на юго-запад. Двинемся по ней, — решительно заявил Домбровский. — К раненому приставим двоих. Поддержат, если что. На рассвете станем в хорошем месте, передохнем, осмотримся. Вперед, князь?

— Вперед, — неохотно скомандовал Салтыков.

Гончара укачало в седле, и он задремал, склонив подбородок к груди. Рядом шумно дышали казачьи лошади. Мягкий топот копыт, скрип седла, переливы цикад — сколько ночей провел Степан под эту вечную музыку степных дорог...

Когда он проснулся, в сером небе над холмами уже протянулись огненные полосы

рассвета. Кони шли шагом, и попутчики Гончара еще спали, скрестив руки на передней луке и безвольно раскачиваясь в седле.

Он проехал в голову колонны, догнав князя.

— Я даже не успел вас поблагодарить, — начал Степан.

— Не стоит.

— Кажется, я должен объясниться.

— Ничего вы не должны. — Салтыков выбил трубку о каблук и спрятал ее в карман. — Просто скажите, как вас теперь называть. Хотите остаться Такером? Воля ваша, оставайтесь.

— Мое имя — Степан Гончар. Я русский. Из Петербурга. Попал в Америку четыре года назад. Вот и все, что я могу о себе рассказать. Теперь о деле. Дочь профессора Фарбера никто не похищал. Она сама уехала с моими друзьями, шайенами, чтобы помочь мне, когда я лежал раненый в индейском поселке. На обратном пути, видимо, шайены, которые ее провожали, наткнулись на карателей. Сейчас Мелиссу прячут где-то в горах. Я примерно знаю, где. Туда и отправлюсь. Один. Меня они знают, а вас — нет. И любой отряд, который приблизится к ним, заставит их сменить укрытие.

— Коротко и ясно, — проговорил Салтыков. — Вы инженер? Впрочем, неважно. Наверно, любой русский человек, прожив четыре года среди американцев, начинает выражаться коротко и ясно. Воля ваша, отправляйтесь, куда считаете нужным. Если здоровье позволит. Но я бы все-таки хотел вам помочь. Земляки тут встречаются не так часто. Где вы жили в Петербурге?

— Угол Казанской и Гороховой.

— Так мы еще и соседи. Мой петербургский дом — на Большой Подьяческой. Правда, я давненько там не был. Уже и забыл, каково это — жить в большом городе.

— Из-за экспедиции?

— О, из-за сотни различных обстоятельств. Я покинул столицу в семьдесят втором году, когда перевелся в Амурское казачье войско. И с тех пор не бывал в городах крупнее, скажем, Хабаровска или Николаевска.

Князь придержал коня.

— Как вам нравится это место? Остановимся здесь?

— Можно и здесь. Только я...

— Ну уж нет, — перебил его Салтыков. — Воля ваша, можете путешествовать в гордом одиночестве. Но сначала надо осмотреть ваши раны, наложить повязки. Да и подкрепиться перед дорогой не помешает.

Пока Домбровский осматривал и смазывал жгучей жидкостью спину Гончара, казаки сгруппировались вокруг, обсуждая картину, представшую их взору.

— Эк расписало-то! Чистый ковер!

— Да, брат, наградил тебя Бог дубленой шкурой. Молотили от души. У любого бы кожа до кости полопалась, а тут, глянь, только ссадины остались!

— Палкой кожу не порвешь, шомполами надо было.

— Да сквозь строй, чтобы без роздыху.

— Ну, знатоки, — протянул Домбровский. — Когда сами копченым попадетесь, тогда и учите их.

— Налюбовались? — Гончар повернулся к казакам. — Могу одеваться?

Казаки, посмеиваясь, разошлись. Он снова натянул гимнастерку на голое тело и поежился.

— Что, жжется? — Домбровский заткнул фляжку. — Ничего. Рану водкой не испортишь. А где это вас так разрисовали? Видел я в Нерчинске одного морячка. Над его спиной, как он рассказывал, дикари трудились два дня, не смыкая глаз. Он, бедолага, извелся весь, пытаюсь разглядеть рисунок.

Гончар не удержался от вопроса:

— В Нерчинске? Что вы там делали?

Для него это название всегда было каким-то образом связано с каторгой. Нерчинский

рудник. В горах Акатуя. Бродяга Байкал переехал...

— Был проездом. А что?

— Ничего. Просто всегда немного завидую людям, которые побывали там, где не бывал я. Даже если речь идет о каторге.

Домбровский спрятал фляжку в подсумок, отстегнул от седла скатанное одеяло и расстелил его на траве.

— Надо отлежаться, — сказал он, садясь и стягивая сапоги. — Хотя бы часок. И вам рекомендую настоятельно. Переход будет долгим. А что до каторги... Я, милостивый государь, прошел всю Российскую Империю от германской границы до Великого океана. Как говорится, повидал свет. И что же? Всюду, если разобраться, одно и то же. Нерчинск. Всюду — Нерчинск. Всюду — божественные красоты природы. И человеческое ничтожество. Тупость начальства и подлость раба. Всюду Нерчинск.

— Да вы, сударь, пессимист.

Домбровский сладко зевнул и растянулся на одеяле.

— Отнюдь. Пессимисты не видят выхода. А я его нашел, по крайней мере, для себя. Вечная дорога, вот мой выход. Жить на бегу. Чтобы Нерчинск не догнал.

Он сложил руки под головой, закрыл глаза и через минуту уже безмятежно посапывал, погрузившись в глубокий сон.

Князь Салтыков присел рядом, вытирая полотенцем мокрое лицо и шею.

— Не хотите искупаться в речке? Вода мутная, но все же — вода.

Степана тянуло прилечь, подобно Домбровскому, но он не мог этого сделать из-за горячей спины. «Не надо было ничем мазать, — с досадой подумал он. — Все бы зажило само собой. От лечения только мучения». Усмехнувшись невольной рифме, он, кряхтя и поеживаясь, все-таки устроился на траве — полулежа, подперев голову кулаком.

— Вот так всю жизнь, — философски заметил Салтыков. — То бешеная скачка, то сон под открытым небом. И нескончаемая дорога. А знаете, ведь я сразу заподозрил в вас соотечественника.

— Чем же я себя выдал? Произношением?

— Отчасти. Впрочем, тут все говорят на каком-то дикарском наречии. Колониальный диалект великого английского языка.

— Кстати, вы-то как раз этим не страдаете. Даже странно. Я всегда думал, что у наших аристократов родной язык — французский.

— Ну, батенька, это вы сочинений графа Толстого начитались. Высшее общество излечилось от галломании аккурат в двенадцатом году. Точнее сказать, в пятнадцатом, после экскурсии в Париж. Как увидели своими глазами все прелести республиканской Франции. Нет, с тех пор главный язык Европы — английский. И Европы, и всего мира.

— И все-таки, чем же я себя выдал?

— Да ничем. Разве что... Уж больно вы, батенька, таинственны. Что ни спроси, ответ уклончивый. Мы с Домбровским сразу вспомнили недавнюю историю в Николаевске. Она прогремела как раз накануне нашего отплытия. Из Петербурга пришла депеша с приказом задержать одного вполне благопристойного господина. Да опоздала, он уже отбыл за океан. Оказалось, беглый кассир. Его портрет три дня украшал все газеты Амурского края.

— Что, он так похож на меня?

— Ничего общего. Но фотографические портреты не могут передать истинное лицо, согласитесь.

— Я не беглый кассир. Отвечаю без малейшей уклончивости.

— Да уж ясно! — Князь рассмеялся. — К тому же вы живете в глуши. А беглые кассиры оседают в больших городах. Потому что только там они могут тратить краденые деньги. Скоро Америка станет самой богатой страной мира. Потому что все воры бегут сюда.

— Ну, не только воры, — возразил Гончар.

— Если вы о политических, то они, на мой взгляд, не слишком сильно отличаются от беглых кассиров. Надеюсь, вы не из этой братии?

— Нет, я от политики далек. Но вы, князь, все-таки напрасно так оцениваете эмигрантов. Многим действительно трудно найти место на родине. Вот вы, к примеру, собираетесь поселить тут простых русских крестьян.

— Собираемся. Но обратите внимание, собираемся именно поселить. Сами-то они сюда не поедут. По своей воле в Америку стремятся те, кому в Старом Свете не дают развернуться.

— Мне показалось, что вы и сами не прочь остаться здесь, — осторожно заметил Степан.

— Остаться здесь? Но зачем? В мире еще столько непройденных дорог. Пока могу держаться в седле, не собираюсь останавливаться.

— Вы очень похожи на вашего друга. Мы с ним только что говорили как раз о непройденных дорогах.

— Я похож на Мишку? — Князь рассмеялся. — Что делать, скоро три года как мы едим из одного котелка. К тому же у нас общие корни. Обратите внимание, как он сложил платье, прежде чем прилечь на минутку.

Гончар и сам заметил, что сапоги Домбровского стояли по стойке смирно. Гладко расправленные портянки свисали с них, не доходя до земли ровно один дюйм с каждой стороны. Дорожный плащ был сложен в идеально ровный квадрат, воротник застегнут, а шейный платок свернут аккуратным фунтиком и поставлен как раз внутрь воротника.

— Мой ротный старшина был бы в восторге, — сказал он. — Отличная выучка.

— Да, кадетские привычки неискоренимы, — согласился князь. — Я был отдан в Пажееский корпус, а Мишка попал в орловский кадетский. Дети офицеров, сами знаете, не могут выбрать себе иную жизненную стезю, кроме военной службы.

— Служба бывает разная, — заметил Степан. — Вам, князь, грех жаловаться на судьбу. Могли бы сейчас торчать в каком-нибудь Урюпинском гарнизоне...

— Я и не жалеюсь. А Домбровский — он вообще счастлив. Он не успел вам рассказать, как очутился в экспедиции? Вижу, что не успел. А история крайне поучительная. В молодости все мы состояли в неких обществах. Назовем их кружками любителей общественного переустройства. Читали французских и английских мудрецов, обсуждали проекты...

— Тайное общество?

— Пустопорожняя говорильня, сопровождаемая сжиганием фунтов табака и поглощением ведер крепчайшего чая. По счастью, вовремя образумились оба. И отошли от болтунов. Я отправился на Амур, а Мишка в гвардии служил. Дрался на дуэли, был изгнан из столиц. Служил по исправительному ведомству. И надо же было ему, сопровождая высочайшую инспекцию, встретить за Байкалом одного из прежних собеседников! Тот уже отбывал честно заработанное наказание, и Домбровский не преминул с ним возобновить отношения. Уж не знаю, долго ли эти отношения длились, и сколько табаку было воскурено на этот раз. Но, когда инспекция добралась до Амура, одновременно с ней нас достигло секретное сообщение. О дерзком побеге государственного преступника. Да-да, того самого, из наших говорунов. Мишка божился, что он тут ни сном, ни духом. Но прошло время, и говорунов всплыл в Лондоне. И не просто всплыл, а на страницах либеральной прессы поведал миру о своем героическом побеге. Коему, между прочим, немало способствовал некий гвардейский офицер, *распропагандированный* нашим героем. Каково?

Гончар пожал плечами:

— Меня в этой истории удивляет только одно. Откуда на Амуре могли появиться лондонские газеты?

— Что же здесь удивительного? А откуда в Москве появляются швейцарские устрицы? Мы живем на пороге двадцатого века! Границы рухнули, расстояния сжались. Мог ли мой дед вообразить, что я буду беседовать с соотечественником в горах Колорадо, на обратной стороне Земли? Так или иначе, весть о побеге государственного преступника достигла тех, кто обязан *принимать меры*. И меры последовали. Мишку моментально выперли из гвардии

и урядником перевели в казачье войско.

— Урядник — это понижение?

— Более чем, — усмехнулся князь. — Когда он явился ко мне представляться, я не задавал никаких вопросов. По счастью, он не стал кокетничать и строить из себя таинственного героя, а доложил коротко и ясно. А я уже одной ногой, как говорится, стоял на палубе. Живо зачисляю урядника Домбровского к себе в команду, и мы отбываем за океан, оставив с носом всех его недоброжелателей. Полагаю, разжалованием бы дело не кончилось. У нас уже научились делать карьеру на разоблачении политических противников. А Домбровский — блестящая кандидатура на такую роль. Одно польское происхождение чего стоит. Поляки — известные бунтари. Жандармы копнули бы до седьмого колена и обязательно бы нашли, что еще Мишкины предки только и думали, как бы подорвать столпы российского государства.

— А чего его подрывать? Само рухнет, — не открывая глаз, пробормотал Домбровский. — Господа, дайте поспать!

26. Слушаюсь, ваше благородие!

Они едва успели пообедать, когда с соседнего холма донесся протяжный свист.

— Кого еще несет? — вскинулся Домбровский.

Казачи живо порасхватили винтовки, сложенные пирамидой, и рассыпались, залегая в высокой траве.

Салтыков тоже встал, надевая шляпу, и коротко бросил Степану:

— К лошадям. Там один Кунцев остался, прикроете нас с реки.

Домбровский поднял бинокль, глядя на вершину холма, где скрывался караульный.

— Пятеро, — проговорил он, словно читая невидимое послание. — Пятеро конных. Свернули с дороги в нашу сторону. Ага, показывает, что военные. Отбой, ребята. Это свои.

— Свои-то свои, но вы все же побудьте пока с лошадьми, — сказал князь Гончару.

Спустившись к реке, Степан увидел, что карауливший лошадей казак тоже принял меры предосторожности. Он сидел в камышах у самой воды, удобно пристроив ствол винтовки в ложбинке мшистого валуна.

— Кого там Лукашка углядел? — негромко спросил Кунцев, из-под руки осматривая берег. — Вот черт глазастый, не дал подремать.

— Солдаты к нам едут. — Гончар устроился рядом с ним, набивая патронами магазин винчестера. — Наверно, заметили дым.

— Иные солдаты хуже басурман. Много их?

— Пятеро.

— Разъезд, — понимающе кивнул Кунцев. — Через час жди остальных. Ну, с солдатами пушай их превосходительства разговоры разговаривают. Ты, браток, тут посиди. А я к Цыгану сбегать. Не ровен час, выступать, а я ему подпругу отпустил. Пушай, думаю, отдохнет коняка, а тут такое дело. Вот так, бывает, на привале отпустит человек подпругу, разнуздает коня, а тут тревога, марш-марш. Ты ногу в стремя — а седло под брюхо. И пропал человек. Так я сбегать?

— Давай, мог бы и не отпрашиваться.

Кунцев смущенно улыбнулся и потер нос.

— Да кто тебя знает. Бывает, с виду человек как человек, а на поверку — начальство.

— Нет, я человек, не начальство.

— А с князем-то наравне держишься.

— Я со всеми наравне держусь.

— Оно и верно. Наш-то такой же, вроде тебя. Простой. Руки на казака не поднимет. Только глянет по-своему, или обложит худым словом. Ежели узнает, что я Цыгана разнуздал...

— Не узнает, — успокоил его Степан.

Вернувшись от лошадей, Кунцев принялся обламывать камыш и устилать стеблями песок вокруг себя. Скоро он смог вольготно раскинуться на мягкой подстилке, а Гончар так и остался сидеть на корточках, укрываясь за валуном. Когда же на берегу показался Домбровский и жестом поманил их к себе, казак огорченно вздохнул:

— Эх, такую позицию оставлять! Только-только по-людски устроились оборону держать!

— Кунцев! — прокричал Домбровский издалека. — Подтянуть подпруги! Знаю я тебя! Выходим через пять минут! Гончар, воды принесите, костер залить!

Он нашел под седельной сумкой скатанное брезентовое ведро и наполнил его водой. Поднимаясь по берегу, Степан продирался сквозь кусты и слышал, как Салтыков разговаривает с кем-то по-английски. На этот раз речь князя была проста и по-военному лаконична.

— Семь миль на запад? Ясно. Ведут залповый огонь? Сколько их? По дыму нельзя было сосчитать? Ясно. Мои люди зайдут с северной стороны, ваши — с восточной. Станете за укрытиями. Ждите моей команды.

Ответных реплик не было слышно, и Гончару на миг показалось, что Салтыков говорит по рации. Наваждение прошло, как только он увидел собеседника князя. Это был сержант-кавалерист с землистым лицом и свисавшими из-под шляпы длинными волосами, серыми от пыли. Непрестанно оглядываясь, он что-то говорил, прикрывая рот ладонью, словно боялся, что его подслушают.

— Нет, так не пойдет, — возразил князь на неслышные слова сержанта. — Никаких засад. Нет-нет. Если они попытаются бежать, вы можете преследовать их, но не стреляйте вдогонку. Пуля не различает, кто преступник, а кто жертва.

Степан залил водой остатки костра. Князь, проходя мимо него, сказал по-русски:

— Как там Кунцев? Не спал? Водится за ним такой грешок, вздремнуть на часах.

— Никак нет, ваша светлость! — Степан шутливо вытянулся и щелкнул каблуками.

Салтыков повернулся к сержанту и снова перешел на английский:

— Уверен, что ваш полковник распорядился бы так же, как и я. В любом случае нам следует его дожидаться, прежде чем что-то предпринимать.

— Да, сэр, — оглядываясь, произнес сержант. — Нам следует действовать очень осторожно.

Он побежал к своим солдатам, звеня шпорами и бряцая саблей, болтавшейся на боку.

— Как мне удалась роль казака? — спросил Гончар.

— Неплохо. Только не надо вытягиваться во фрунт. Мы не на плацу. — Князь проводил взглядом удаляющегося сержанта: — А у нас хорошие вести. Хотя, как знать, может быть, не такие они и хорошие. Кавалеристы вышли на след вашей девушки. Сейчас она находится в деревне, в семи милях отсюда.

«Она здесь, рядом! — Степан медленно втянул воздух, пытаясь унять волнение. — Семь миль, рукой подать! Но как она здесь оказалась? Как Майвиса занесло в долину? Здесь же негде укрыться! На что он рассчитывал?»

— Индейцы отстреливаются, — продолжал князь. — Туда сейчас движется кавалерия. Солдаты настроены серьезно, готовятся к штурму. Рассчитывают разбомбить деревню из пушек.

— Я должен быть там раньше, чем они. — Гончар расстегнул стоячий воротник, который больно врезался в горло. — Вы сможете задержать карателей под каким-нибудь благовидным предлогом?

— Они и сами не горят желанием лезть под пули. Задержу. Вы уверены, что справитесь один?

— Только один. По-другому не получится.

Отряд мчал напрямик через холмы, следуя за пятеркой кавалеристов. Неожиданно перед глазами Гончара посреди дикой степи развернулось гладкое серебристо-зеленое поле. Солдаты скакали по нему, поднимаясь по пологому склону, а казаки вдруг сбавили ход, и

кто-то возмущенно выкрикнул:

— Куда, мать вашу? Хлеба топтать?

— Ты смотри, пашенка, — изумленно проговорил Кунцев, державшийся рядом со Степаном. — Кто ж это тут хозяйничает? А говорили, голое место.

— Гляньте, мужики, как борозда-то идет!

— Поперек склона. Вот дурачье-то. Вверх-вниз, небось, пахать-то легче!

— Не скажи. Видать, места тут засушливые, вот они такой-то бороздой воду-то и ловят, чтоб она не скатывалась почем зря.

— Смотри, межа-то, межа какая широкая.

— А чего тесниться, места много. Эх, и отхватил же кто-то себе землицы.

Отряд сбился полукольцом вокруг князя. Салтыков проводил взглядом кавалеристов, скрывшихся за распаханым холмом, и сказал:

— На той стороне стоит деревня. Я поначалу так понял, что индейская. Теперь сомневаюсь. Сами видите, земля возделана. Возможно, там ферма.

— Полагаете, индейцы захватили еще и семейство фермера? — спросил Домбровский.

— Нам придется для начала все разведать самим, а не полагаться на сомнительные рассказы.

— Охотно с вами соглашусь. — Домбровский соскочил на землю. — Гончар, за мной. Князь, продвигайтесь вдоль холма к реке, там и встретимся.

С вершины холма открылся вид, вполне естественный для средней полосы России, но абсолютно невероятный здесь, в самом сердце Дикого Запада. Берег в излучине реки был усеян аккуратными прямоугольниками разных оттенков зеленого цвета. То были огороды, которые поднимались от реки к обширному саду. За невысокими округлыми кронами виднелись три большие избы, срубленные из отесанных бревен и крытые серебристой дранкой. Высокие печные трубы были сложены из речного камня, и одна из них едва заметно дымилась. Дальше виднелись сарай, конюшня, высокий амбар с крутой дощатой крышей.

— Большое хозяйство. — Домбровский передал бинокль Степану. — Фермеры так не живут. Тут не одна семья. А где же лошади?

Степан, наконец, понял, почему эта мирная картина показалась ему странной и тревожной. Ни во дворах, ни на дорожке, ни в кустах, обрамлявших деревушку — нигде не было видно ни одной курицы. Он видел бельевую веревку — но на ней не было ни единой тряпки. В общем, либо все вымерли, либо основательно попрятались.

— На дороге не видно следов, — сказал он. — Индейцы не могли прилететь сюда по воздуху.

— Да, никого не видно. Кто же вел залповый огонь, который так напугал наших доблестных союзников?

Через мутноватые стекла бинокля Степан разглядел, что окна каждой избы были закрыты мощными ставнями, в которых темнели бойницы. Он перевел взгляд на амбар и увидел, что это сугубо мирное строение тоже неплохо приспособлено для обороны. В верхнем ярусе вместо окон были прорезаны крестовидные амбразуры. И как только Степан подумал, что отсюда при желании можно вести огонь даже по воздушным целям, из отверстий на миг вытянулись несколько длинных стволов. Они выплеснули струйки белого дыма и втянулись обратно. Через пять секунд послышался слитный треск залпа.

— Дистанция около мили, — мгновенно определил Домбровский. — А бьют они вон по той рощице. Там застряли кавалеристы.

— А кто сказал, что в деревне индейцы? — поинтересовался Гончар. — Не видно никаких индейцев. Обычная русская деревня.

— Хутор, — поправил его Домбровский. — Что-то подобное я видел год назад в Орегоне. Сын нашего артельщика женился на местной барышне, забросил пушной промысел и отстроился на голом месте. С собой ничего не было, только ружье да топор. Ничего, выкрутился. Подбирал на обочине все, что бросали проезжавшие караваны эмигрантов. А

бросали они много чего, от кухонной утвари до симментальских телок. Через год парень так встал на ноги, что все другие охотники перебрались к нему. Теперь там с десятков хуторов. Вот и здесь нечто в том же роде. Только не пойму я, откуда здесь взялись русские?

— Почему именно русские?

— Так вы же сами говорите — русская деревня.

— Я? — Гончар почесал затылок. — Ляпнул не подумавши. Хотя... Ну кто еще, кроме русских, будет в степи строить не глинобитный домик, а избы из бревен?

— Бревна-то они сплавили из горного леса, тут недалеко. С бревнами мне все ясно, а вот откуда взялись люди?

— Пойдем да спросим, — предложил Гончар. — Я всегда так делаю, если что непонятное вижу. Иду и смотрю.

— Кавалеристы уже тут что-то спрашивали, — напомнил Домбровский. — И получили красноречивый ответ.

— Плохо, значит, спрашивали.

Гончар поднялся, отряхнул гимнастерку и снял оружейный пояс.

— Почему не берете револьверы?

— Оружие мешает разговаривать.

— А нож за сапогом не мешает?

— Нож — какое же это оружие? Деталь национального костюма.

— Как видно, индейцы вас ничему не научили. Упрямство есть черта полезная и вредная одновременно. — Домбровский посмеивался, обводя биноклем деревню и берег реки. — Шагайте, шагайте, не буду удерживать. Если вас не подстрелят на ближних подступах, то мы успеем как раз к тому моменту, когда вас начнут пытаться каленым железом. Ни пуха, ни пера.

— Идите к черту, господин урядник, — отмахнулся Степан и зашагал к деревне.

27. Отсель грозить мы будем шведу

«Учись читать знаки», вспомнилось ему.

«Я бы учился, только где их взять? Какие знаки говорят о том, что Милли здесь? Не вижу их, не слышу, не чувствую!»

Чем ближе Степан подходил к деревне, тем меньше ему верилось, что он найдет здесь Мелиссу и Майвиса.

С каждым шагом его сомнения крепились. Кавалеристы могли что-то напутать. Майвис не стал бы укрываться среди белых. И вообще эта деревня находится далеко в стороне от возможного маршрута...

Он не успел придумать больше ни одного аргумента, потому что понял — следующая секунда может стать последней в его жизни.

Эта сторона холма была голой, словно всю траву выстригло огромными ножницами. Здесь негде было укрыться. Но Гончар понял это после того, как резко бросился наземь.

Пуля прошелестела в воздухе и громко ударилась о землю шагах в десяти за его спиной. Прежде чем донесся звук далекого выстрела, Степан успел откатиться в сторону. Впрочем, это почти ничего не изменило в его положении. Он оставался на виду — черная фигура на сером склоне. Еще пару секунд он лежал на земле, усеянной овечьими орешками. За это время Гончар успел порадоваться двум обстоятельствам. Первое, естественно, это промах невидимого противника. Второе — это то, что Степан научился-таки читать знаки. Он их и не заметил, но все-таки прочитал, и безошибочно определил, что здесь нет ни Мелиссы, ни Майвиса. Красная Птица не стал бы в него стрелять. А если б и стал, то не промазал бы.

Еще раньше он приметил ниже по склону полосу невысокого кустарника, который уходил в сторону реки. Если добежать до него, можно будет выбраться из-под обстрела. А у реки его встретят казаки. На этом разведка и закончится.

Земля под ним дрогнула от удара пули, и в лицо брызнули колючие струи песка и пыли. Гончар подтянул ноги и мощным толчком выбросил тело вперед. Низко пригибаясь, почти стелясь над землей, он неся к кустарнику, и еще две пули почти одновременно прошелестели в воздухе. «Из трех стволов бьют», — понял он и повалился под спасительную зеленую стену.

Оказалось, кустарник рос над руслом пересохшего ручья. Степан залег на песчаном дне и осторожно приподнял голову.

До ближайшей избы оставалось метров триста. «Обидно терять такой отличный наблюдательный пункт, — подумал Гончар, пытаясь разглядеть хоть какие-нибудь признаки того, что в деревне побывали индейцы. — Полежать бы здесь до вечера. Должны же они хоть на минутка показаться наружу, чтобы я на них полюбовался? Нет, не дадут. Они видели, как я сюда спрятался. Сейчас начнут залповым огнем выдирать с корнями эти несчастные кустики».

Его предсказание сбылось с неприятной точностью. Из бойниц амбара выглянули четыре ствола. Степан обреченно вздохнул и вжался в песок. После дружного залпа на него посыпались рубленые листья и обломки веток.

— Думаете, побегу? — Он перевернулся на спину. — Фиг вам, ребята.

Стянув гимнастерку, он набил ее ветками и пучками травы. Копнул ножом дно, добрался до влажного песка и обмазал им лицо и плечи, а потом повертелся в грязи всем телом, стараясь, чтобы к коже прилипло побольше листьев. Когда грязь засохла, он осторожно срезал самую длинную и прочную ветку.

Прижавшись к земле, Степан медленно подтолкнул этой веткой набитую травой гимнастерку. Он надеялся, что из амбара увидят, как что-то черное движется в сторону реки.

Увидели. И доказали это новым залпом. Гончар стряхнул лишние ветки с головы и снова подтолкнул свое чучело. Всё, теперь они уверены, что перепуганный враг крадется к реке, и будут палить по кустам при каждом подозрительном подрагивании листьев.

На этот раз он не стал дожидаться выстрелов, а быстро отполз в сторону. Вжимаясь в мягкий песок, Степан ужом скользил вверх по руслу ручья. Он давно уже облюбовал кукурузную делянку в полусотне метров отсюда. Если добраться туда, то под прикрытием «зеленки» можно будет выйти прямо под стены сараев.

Он не знал, зачем это делает. Но так бывало уже не раз. Гончар не тратил время на объяснение своих поступков. Есть возможность подкрасться ближе? Значит, подкрадемся. А зачем? Там видно будет.

«Хорошая тут кукуруза, — думал он, медленно раздвигая высокие стебли. — Быстро поднялась. Через месяц здесь уже можно будет не ползать, а ходить в полный рост, и никто не увидит».

Новый выстрел прогремел неожиданно близко, и Степан замер. Ему хорошо был знаком звук «спрингфилда». Эта винтовка подала голос с крыши как раз того сарая, к которому приблизился Гончар, и откуда он собирался наблюдать за деревней.

«Неудачно получилось, — подумал он. — Сколько же их тут? Целый взвод? В амбаре четверо стрелков, вот и в сарае еще один обнаружился. А в избах сколько сидят? Осиное гнездо, а не хутор».

Внутри сарая слышалась какая-то возня. Явственно заскрипели перекладыны деревянной лестницы, пропела, откидываясь, дверца чердака, и негромкий женский голос спросил:

— Маш, а Маш? Молочка попьешь?

«Вот дура! — возмутился Гончар. — Тут война идет, а она с молочком носится...»

До него не сразу дошло, что женщина говорила по-русски.

— Ой, Тонька, чтой-то он не шевелится, — прозвучал в сарае другой женский голос, видимо, принадлежавший Маше.

— Пугни еще разок, да бей поближе, тогда, небось, зашевелится.

Снова грохнул «спрингфилд». Лязгнул затвор, прозвенела гильза, откатившись по

деревянному полу.

— Ой, мамочка моя, даже не дрогнул! Ой, Тонька, что теперь будет! Ой, папаша заругает!

— Чего зря горевать! Побежали, да все сами расскажем, а повинную голову меч не сечет. Бог даст, не наповал. Не убила — вылечим, а убила — похороним. Бежим, Машка!

Пока в сарае слышались причитания и скрип лестницы, Степан успел встать у входа, прижимаясь к глинобитной стенке. Дощатая дверь распахнулась, и он спрятался за ней. Сквозь щель Гончар увидел двух невысоких девушек в черных длинных юбках. Одинаково одетые, с одинаковыми русыми косами, они отличались только тем, что у одной был белый платок, а у другой — красный. Другим отличием могла бы служить длинная винтовка, которую за ствол волокла за собой девушка в красном платке — но Степан быстро устранил это различие. Подкравшись сзади, он выдернул «спрингфилд» из рук девчонки и сказал:

— Спокойно, красавицы. Так-то у вас гостей встречают?

Они обернулись и застыли. Их скуластые смуглые лица побледнели, а темные азиатские глаза широко раскрылись.

Степан оперся на винтовку, словно на посох, и заговорил укоризненно:

— А где же хлеб-соль? Мы к вам со всей душой, а вы стрелять. Нехорошо, красавицы.

— Бежим, Тонька, — дрожащим голосом произнесла девчонка в красном платке, не двигаясь с места. — Бежим, не стой, у него зарядов нету.

— С нами крестная сила, — Тонька истово перекрестилась. — Напужал ты нас, дядя. И откель ты такой взялся?

— Откель, откель, — передразнил он. — Отсель. Отсель грозить мы будем шведу. Может, хоть молочком угостите? Или оно только для тех, кто по живым людям из винтовки лупит почем зря?

— Мы для острастки! — осмелев, выпалила Маша. — А нечего шастать по огородам! Ходят тут всякие разные!

— Уж больно вы грозные, как я погляжу, — с наслаждением процитировал Гончар что-то из школьной программы по русской литературе. — Откуда винтовка? Из лесу, вестимо? А ну-ка, крестьянские дети, ведите меня к папаше. Он, небось, в амбаре сидит?

Девчонки переглянулись.

— Чудной ты, дядя, — сказала Маша. — Шел бы ты дальше своей дорогой.

— Я и шел. Да только дорога к вам-то и привела. Пошли к отцу, да живее.

Одна из девчонок присела и схватилась за сухой корень, торчавший из земли.

— Ну, пошли, — сказала она и, поднатужившись, подняла незаметную крышку погреба.

Из черного проема на Степана повеяло прохладой и запахом влажной земли. Маша первой прыгнула вниз, Гончар, повесив винтовку на плечо, последовал за ней.

Это был узкий и глубокий ход сообщения, крытый камышом. Через щели сверху пробивались косые лучи света. Степан, пригибаясь, шагал за девчонкой, пока она не остановилась перед лесенкой.

— Ты, дядя, постой здесь, я папашу предупрежу, от греха подальше. Он у нас горячий, сначала стреляет, потом спрашивает.

— Это я уже заметил.

Она быстро взобралась по лестнице, только босые пятки мелькнули в полумраке. Тонька прошептала сзади:

— Дядя, дядя, отдай ружье, папаша заругает.

— И поделом. — Степан прислушался, но сверху не доносилось ни звука.

«Могли ведь и обхитрить, — подумал он. — Неизвестно, куда они меня завели. Сейчас еще эта Тонька полезет наружу, а потом крышку опустят и придавят сверху. И сиди, дядя, в подземной ловушке».

— Подвинься, дядя, я вылезу, — попросила девчонка, робко коснувшись его плеча.

— Сначала я, потом ты, — ответил Гончар, довольный, что разгадал коварные планы

сестренки.

Наверху заскрипели доски под тяжелыми шагами.

— Что там за гость незваный? — спросил грозный мужской голос. — А ну, покажись!

— Здравия желаю! — Степан поднялся на пару ступенек и выглянул из проема. — Здравствуйте, люди добрые!

Сначала он увидел множество босых ног. Больших и маленьких, выглядывающих из-под черных юбок или светлых штанов. Затем его взгляд обнаружил несколько винтовочных стволов, которые целились прямо в его голову и медленно приподнимались, пока он переступал с одной ступеньки на другую. Никогда еще ствол «спрингфилда» не казался ему таким широким. Лучше не думать, какие раны оставляют эти огромные пули. Впрочем, на такой дистанции после выстрела в голову и раны-то никакой не будет. Головы тоже. Эта мысль почему-то развеселила его еще больше, чем босоногие снайперши Машка и Тонька.

— А я шел мимо, дай, думаю, загляну, — говорил он, осторожно положив винтовку на пол перед собой. — Кто тут, думаю, стреляет? А это, оказывается, вы.

— Ты, мистер, говоришь по-нашему, а делаешь по-своему, — прокрипел старческий голос.

Это был скрюченный дед с пышной седой бородой и блестящей шишковатой лысиной. Он опирался на приклад дробовика, уперев его стволами в пол.

— Откуда по-нашему знаешь, мистер?

— Какой я мистер? — обиженно спросил Гончар, встав, наконец, во весь рост. — Русский я, русский.

— И много вас таких, русских, по нашим огородам ползают? Ишь, чисто кроты.

Чье-то хихиканье было оборвано звонкой затрещиной.

— И не так поползешь, если жить охота, — примирительно улыбнулся Степан.

— Кому жить охота, сюда не ходят. Нас тут все знают, а кто не знает, пеняй на себя. — Старик помолчал, разглядывая Степана с ног до головы, а потом заговорил торжественно и медленно, словно зачитывал приговор: — Вот что, мистер. Отдышись, отряхнись, да ступай к своим соколикам, что за рощей попрятались. Так им и скажи, что забрались они на чужую землю. Закон знаешь? Вот то-то. Мы по вашим огородам не ползаем, и вы от нас подале держитесь. Ступай. Филаретушка, проводи гостя.

Пока старик вещал, Гончар успел разглядеть остальных. Здесь собралось шесть или семь женщин, молоденьких и не очень, и трое мужчин, не считая деда-патриарха. Мужики все, как на подбор, были матерые, лет сорока и старше, длинноростые и стриженные «под горшок». Три богатыря. Таких Гончар раньше видел только на иллюстрациях к сказкам. Наверно, они смотрелись бы очень естественно в кольчугах и латах, со щитами, копьями и булавами, да и меч-кладенец так и просился в эти огромные обветренные лапы, в которых «спрингфилд» казался мелкашкой.

— Пойдем, что ли, — пробасил один из богатырей. — Да не балуй.

Игривое настроение Степана улетучилось, и у него пропало желание говорить на языке народных преданий.

— Короче, — сказал он. — Я-то русский. Но те соколики, что отсиживаются в роще — это кавалерия Соединенных Штатов. Их пятеро, и сюда идет еще целый полк таких сокольников. Они собираются брать деревню штурмом. Потому что думают, будто вы прячете индейцев, которые украли белую девушку. Вся округа на ушах стоит из-за этой истории, а вы тут по армии стрелять вздумали. Армия таких шуток не понимает. Я-то уйду. Вижу, что здесь никаких индейцев нет и не было. И девушки этой тоже нет. А раз ее нет, то и мне тут делать нечего. Бывайте здоровы.

— И тебе не кашлять, — кивнул патриарх. — Армии своей передай, что нет такого закона, чужую землю топтать. Закон, он и есть закон, хоть для армии, хоть для кого. Не верят, пусть пришлют, кто грамоте обучен, я ему дам бумагу почитать.

— Хорошо, если в полку такой умник найдется. Только сомневаюсь я. Они ведь сначала стреляют, потом спрашивают. Вот подтянут пушечки, разнесут деревню по

бревнышку, потом и почитают вашу бумагу. Если она не сгорит. Ну, пошли, Филарет. Чего встал-то?

Решив оставить последнее слово за собой, Степан развернулся, подошел к высоким воротам амбара и попытался сдвинуть бревно, висевшее в скобах на манер засова.

— Погоди, мил человек, — окликнул его старик. — Ты, как я погляжу, из служивых. Стало быть, сам знаешь, что мы тебя могли подстрелить, как зайца. И тебя, и товарищей твоих. Вы живые пока, потому что нам резону нет вас убивать. Уходите, и будете жить еще, сколько Богом положено. А не уйдете — закопаем вас за холмом. Рядом с другими, кто нас тревожил.

28. Тотем Двуглавого Орла

Богатырь Филарет не произнес ни слова, провожая Степана. Молчал и Гончар. Если раньше его и разбирало любопытство — откуда взялись русские крестьяне в Скалистых Горах — то теперь он думал только о Милли. Ее здесь нет. Ее надо искать в другом месте. Надо ждать знаков. Обязательно будет какой-то знак, который укажет ему путь.

Они пересекли просторный двор. Теперь Гончару было видно, что от избы к избе тянутся крытые окопы. Кое-где слегка возвышались бугры с пожелтевшей травой, выдавая подземные укрытия. На стенах изб виднелись сколы, давние следы пулевых попаданий. В этой деревне привыкли отражать нападение.

Пройдя через сад, Филарет остановился перед высокой стеной колючего кустарника. Пошарив у корней, он вытянул жердь и поднял ее за один конец. Ветви с длинными шипами раздвинулись, и Филарет кивнул, приглашая Степана к образовавшемуся проходу.

— Прощай. И боле к нам не ходи.

Спустившись по узкой тропке между огородами, Гончар остановился на топком берегу. Высокие камыши зашуршали, и из них выглянул улыбающийся Домбровский.

— В следующий раз мы будем заключать пари. Князь уже не верил, что вы вернетесь. Я мог выиграть. Обидно, черт возьми.

Берег, казавшийся пустынным, вдруг ожил. Из камышей один за другим показывались казаки.

— Чем закончились ваши переговоры? — спросил князь.

— Они пообещали сохранить нам жизнь, если мы быстро покинем их землю.

— Удивительно добрые люди населяют этот благословенный край, — сказал Домбровский. — Что вам удалось выведать?

— Индейцев здесь не было. Кавалеристы что-то напутали.

— А что за люди в деревне?

— Разные. Четверо русских мужиков, с ними десяток женщин. Видимо, жены и дочери. Да, тетки постарше — явно индейской крови, а девчонки — метиски. Вооружены армейскими «спрингфилдами». Патронов не жалеют. Все дома укреплены. Во дворах — ходы сообщения. Конница к ним не подобрется, вся деревня обсажена колючими кустами. В общем, они чувствуют себя вполне уверенно. Будут стоять насмерть. Надо предупредить кавалеристов, чтобы не ввязывались.

— Согласен. — Князь неотрывно глядел на далекие избы. — Молодцы, хорошо обустроились. Говорите, там четверо мужиков? Вы не спросили, откуда они пришли?

— Нет.

— А как давно они тут поселились?

— Не спрашивал. Да и какая разница?

Он вытряхнул из гимнастерки траву, развесил одежду на камышах и, осторожно ступая по скользкому илистому дну, вошел в реку. Ему не терпелось поскорее смыть с себя колючий песок. Нырнув, он выплыл на середину реки и перевернулся на спину. Только теперь, отдавшись вялому течению, он ощутил, как велико было напряжение, сковывавшее его до сих пор. За последние сутки он уже несколько раз был готов принять смерть. Но ни

индейские томагавки, ни русские пули не освободили его от непосильной тяжести, которая снова давила на сердце.

«Милли, где ты? Как найти тебя? Как загладить мою вину?» Он боялся признаться самому себе в том, что чувствует себя виноватым. Но это же очевидно — во всем виноват только он. «Милли спасла меня от смерти, а я изменил ей с первой попавшейся бабой — и вот наказание. Никогда не думал, что расплата за грехи наступает так быстро».

Когда он выбрался на берег, Салтыков с Домбровским сидели над картой, расстеленной на песке.

— Гадаете, куда повернуть отсюда? — спросил Гончар. — Лучше всего немедленно вернуться в лагерь. Мы и так потеряли слишком много времени с этой деревней.

— Кажется, нам придется здесь задержаться, — сказал князь.

— Хотите пополнить припасы? Не думаю, что вам дадут здесь даже глоток воды.

— Хочу проверить одну идею, — задумчиво произнес Салтыков. — Идея фантастическая, но кто знает.... Россия сто лет потратила на освоение Америки, но лишилась всего буквально за два-три года. Стоило проиграть Крымскую войну, как все пошло прахом. Когда стало ясно, что в Петербурге решили прикрыть Американскую Компанию, несколько групп изыскателей были направлены с побережья вглубь континента.

— Зачем?

— Все рассчитывали, что молодой государь переменит свои настроения, и русские смогут вернуться в Америку. Вернуться под новой маркой и занять те земли, которые еще не будут освоены ни мексиканцами, ни Штатами. Так вот, из пяти изыскательских партий в Форт Росс возвратились только две. Они обнаружили непроходимые горы, за которыми лежали земли, непригодные для жизни. Что стало с тремя другими группами, неизвестно. Прошло почти двадцать лет.... И вдруг мы встречаем здесь русских людей. Не ветром же их сюда занесло! Надо поговорить с ними.

— Князь, да поглядите вы на карту, — сказал Домбровский. — Как далеко могли зайти разведчики? На сто миль? На двести? От Тихого океана до Скалистых гор — тысяча миль гор и пустынь. Гончар, что вы скажете?

— Если вы хотите поближе познакомиться с местными, то останьтесь тут на пару дней. Они присмотрятся к вам, попривыкнут. Может, они и захотят говорить с вами на другие темы, кроме неприкосновенности своих границ.

— В этом есть смысл, — кивнул Салтыков.

— Оставляйтесь, а я поеду дальше.

— В таком случае, — сказал Домбровский, — у вас будут отличные попутчики. Полюбуйтесь.

Гончар оглянулся и увидел, что на другом берегу реки над холмом клубится густая пыль. Вот из-за гребня показались первые флажки на кончиках пик, за ними выросли фигуры всадников. Длинная колонна извивалась, как змея, переваливая через холм. За конниками пылили фургоны, а дальше, заметно отстав, упряжки мулов тянули три орудия. Передовой отряд уже выстроился цепью на берегу, а из-за холма выползали все новые и новые всадники и повозки.

— А вот и кавалерия, — князь опустил бинокль. — Надеюсь, полковник Морган не собирается переправляться вплавь.

— Плохо вы знаете полковника! — Домбровский восхищенно поцокал языком. — Эх, молодец! Хоть бы на секунду остановился!

Всадник на пегой лошади с ходу направился в воду, подняв брызги. За ним последовали трое, все же остальные растягивались вдоль берега цепью, спешиваясь и изготавливая винтовки к стрельбе.

— Неужели он знает, что здесь есть брод? — проговорил Салтыков.

— Нет там никакого брода, только для Моргана это неважно. — Домбровский вышел на открытое место и, размахивая шляпой, прокричал по-английски: — Добро пожаловать, полковник! Не стоило так торопиться!

Когда пегая лошадь вошла в воду по грудь, всадник соскользнул с нее и поплыл рядом, держась за гриву. Его спутники поступили так же. Скоро они уже выходили из воды на берег.

Полковник Морган бросил повод и подошел к князю. Вода ручьями стекала с его куртки и кожаных брюк, но он, казалось, не ощущал ни малейшего неудобства. Высокий и худой, с длинными рыжими локонами, выбившимися из-под шляпы, он козырнул, резко вскинув ладонь к переносице.

— Вы опять опередили меня, князь! Может быть, вы уже платите жалование моим разведчикам? Дикари окружены? На этот раз мы не позволим им ускользнуть.

— Мне жаль, что вам напрасно пришлось искупаться, — ответил Салтыков. — Никаких индейцев. Мирная деревня. Эмигранты. Ваши разведчики настолько их напугали, что они заперлись в погребках и стреляют даже по воронам.

Полковник Морган выплюнул черную жвачку.

— Мне нет дела до ворон. Но если каждый эмигрант начнет палить по моим солдатам, то эта страна останется без армии. Или без эмигрантов.

Он щелкнул пальцами и скомандовал одному из своих помощников:

— Отправляйся обратно. Пусть разворачивают орудия. Я иду в деревню. Если оттуда раздастся хоть один выстрел, начинайте обстрел.

— Погодите, Морган! — Салтыков нахмурился. — Это мирная деревня. Вы серьезно намерены использовать артиллерию?

— Да хочу малость погонять пушкарей. В последнее время они стали задирать нос. Катаются с нами, как пассажиры. Пусть немного побегает. Развернут батарею, пальнут пару раз. Потом я полюбуюсь, как они станут чистить свои пушки, а мои ребята будут купаться в реке и наслаждаться жареной бараниной. Полагаю, в деревне до черта овец. Смотрите, как они выстригли траву на склонах. Вы любите баранину, князь?

— Куда спешить? — Салтыков уже достал свою неизменную флягу. — Вам надо позаботиться о здоровье. Не хватало еще простудиться. Давайте-ка выпьем за нашу встречу.

— Только не так, как в прошлый раз, — ухмыльнулся полковник, прикладываясь к фляге.

— О, то был незабываемый вечер! Надеюсь, сегодня мы сможем продолжить нашу дискуссию? Кажется, мы остановились на том, что листья мяты для коктейля надо растирать в ступке, а не крошить ножом.

— Нет, именно крошить! — Морган вытер губы. — Вы так ничего и не поняли!

— Ну их к черту, этих эмигрантов, — вмешался Домбровский. — Поехали к нам в лагерь. Там есть и мята, и ящик бренди. А кухарка Фарбера приготовит бекасов.

— Бекас? Это сильный аргумент. Кстати, у меня есть новости для вашего профессора. Давайте быстрее покончим с этой грязной деревушкой. И я поеду с вами, а полк нас догонит, когда мы уже обглодаем последние косточки.

Полковник расхохотался.

«Вот упрямый осел, — подумал Гончар. — И далась же ему эта деревня. Интересно, что еще придумает князь, чтобы избежать артобстрела?»

Но ничего придумывать не пришлось, потому что жители деревни и сами поняли, чем грозит развертывание артиллерийской батареи. По тропинке между огородами уже спустился человек с белым флагом.

— Парламентеры! — Морган скривил губы и отдал флягу князю. — Спohватились! Сейчас они узнают, как мы поступаем с теми, кто стреляет по нашим солдатам. Белая тряпка ему весьма пригодится, чтобы перевязывать задницу.

Он решительно выступил вперед и встал, скрестив руки на груди.

Парламентер выглядел совсем не так, как те мужики, что скрывались в амбаре. Был он и ростом пониже, и с бородою пожиже, в черном просторном сюртуке и шляпе с опущенными полями. В одной руке он держал посох с белым полотном, а другой прижимал деревянную резную шкатулку. При этом, как оказалось, он говорил по-английски.

— Я пастор Джонсон! — крикнул он издалека. — Я священнослужитель, у меня нет оружия! Не стреляйте!

— А у меня есть оружие! — рывкнул полковник Морган. — Много оружия, самого разного. И оно без промаха бьет по любому врагу, даже если он называет себя священником.

— Не стреляйте! — взмолился пастор, остановившись в десяти шагах от полковника. — Не надо кровопролития! Эти люди считают, что закон на их стороне. Они привыкли прогонять пришельцев с помощью оружия, потому что не верят в силу словесного воздействия. Но они никому не желают зла и хотят только одного — чтобы им не мешали жить в уединении. Это их право.

— Да что вы, преподобный? — Морган попытался изобразить удивление. — Позвольте спросить, и кто же дал им такое право — стрелять по моим людям?

— Улисс Симпсон Грант, президент Соединенных Штатов! Вы разрешите мне подойти поближе, чтобы продемонстрировать вам надлежащие документы?

— Демонстрируйте.

Скептически хмыкнув, полковник Морган изучил бумаги, извлеченные пастором из шкатулки. И чем дольше он их читал, тем медленнее жевал свою жвачку.

— Тут ничего не сказано насчет стрельбы, — произнес он уже не так воинственно, как прежде.

— Последний параграф! — Джонсон робко вытянул руку, пытаясь указать пальцем на приписку в низу листа. — Он внесен лично генералом Грантом! «Охрана вышеозначенных земельных участков...»

— Ага, вижу! Как он неразборчиво писал, а еще президент. Не думаю, что Грант был слишком трезв в тот день. «...Охрана участков возлагается на самих жителей, которые могут применять для отражения нападения как любое оружие, находящееся в их собственности, так и прибегать к помощи вооруженных сил Территории Колорадо».

— Что же получается, полковник? — спросил князь. — Вы же еще и должны их охранять?

— Грант и не такие бумаги подписывал, — сердито насупившись, ответил Морган. — Что там у вас еще в шкатулке?

— Документы, подтверждающие права собственников. Но это мы обычно показываем каждому новому шерифу, когда он к нам заглядывает. Знаете, на этой должности в нашем округе редко кто задерживается больше, чем на год.

— Считайте, что я ваш новый шериф. — Полковник забрал шкатулку из рук оторопевшего пастора. — Князь, помогите разобраться. Чует мое сердце, тут дело нечисто. Грант был слишком доверчив, но я-то знаю, на какие трюки способны эти эмигранты!

Салтыков бережно развернул пожелтевший лист, хранившийся на самом дне шкатулки.

— Что за бумажка? — спросил Морган.

— Поселенцы показывали ее местным шайенам, когда впервые прибыли в эти края, — объяснил пастор. — Видите ли, на индейцев весьма убедительно действовал сам ее вид. Этот внушительный герб в виде орла, и это количество статей, и сам размер... Шайены безоговорочно поверили, что эта бумага является чем-то вроде верительной грамоты.

— Но это же просто газета! Да еще иностранная!

Гончар заглянул через плечо князя и едва не расхохотался, увидев двуглавого орла на первой странице «Санкт-Петербургских Ведомостей».

— Да, газета. Но это подействовало на индейцев, и они подписали с пришельцами договор, на основании которого спустя несколько лет поселение получило законный статус. Вот этот договор. — Пастор развернул кусок тонкой выделанной кожи, на котором виднелись рисунки, линии и надписи, сделанные красной и черной краской. — Подписан вождем по имени Черное Облако и поселенцем по имени Мичман Удальтсов. Тут указаны земли, на которых новые жители могут выращивать хлеб и овощи. Своим урожаем они обязались делиться с семьей Черного Облака.

— И что? Президент признал эту шкуру настоящим документом? — Полковник

Морган сплюнул. — Я же говорю, Гранта сгубило пьянство. Сколько проблем создал он для будущих поколений из-за своей тяги к спиртному!

— Генерал Грант — выдающийся патриот и гражданин, гордость американской нации, — почтительно произнес Джонсон.

— Кто бы спорил. Черт с вами, преподобный. Забирайте ваши бумажки. И предупредите своих, что дружба с краснокожими до добра не доведет. Если вздумаете укрывать у себя индейские банды, от деревни не останется даже этой шкатулки. Вам все ясно?

— Ясно, ясно. Я ни на минуту не сомневался в вашей рассудительности, — пастор кивал и пятился, прижимая шкатулку к животу. — А что касается индейцев, то они давно уже приучены обходить деревню стороной.

— Одну минуту, преподобный, — окликнул его Домбровский. — Какую церковь вы представляете?

— Церковь Джона и Чарльза Уэсли. Нас еще называют методистами.

— И что же, в вашей деревне все такие же методисты, как вы?

— Увы, нет. Сказать по правде, жители не разделяют моих взглядов. Они даже не считают меня священником. Но я и не претендую. Достаточно того, что мы молимся одному Богу.

— Почему же вы остаетесь с ними, а не несете свет методистской истины дальше?

Пастор улыбнулся:

— Потому что я им нужен как врач, переводчик и юрист. Свет истины распространяется не проповедями, а добрыми делами.

29. На Ледвилл!

— Ну и пройдохи эти эмигранты, — ворчал Морган. — Это ж надо! Добраться до Вашингтона, чтобы обзавестись такими бумагами. Представляю, в какую сумму им обошлось это путешествие. Но, видать, оно того стоило.

Он обернулся к свите и рявкнул:

— Чего уставились? Поворачиваем обратно. На сегодня драка отменяется. Но мы еще наведаемся сюда.

— Полковник, вы же собирались погостить в нашем лагере, — напомнил князь. — К черту войну, займемся более приятным делом.

— Нет ничего приятнее войны. Спасибо, князь, но я двину в направлении на Ледвилл. Возможно, там для нас найдется работа. Кстати, увидите Фарбера, передайте ему хорошие новости. Пойман тот индеец, на чьем фургоне увезли профессорскую дочку.

«Что?! Майвиса схватили?» — Гончар, стоявший за спиной полковника, замер, боясь пропустить хотя бы слово.

— Поймали? — переспросил князь. — Когда? Кому это удалось?

— Да он сам попался. Оставил фургон на заброшенной ферме, и вернулся за ним. А там, само собой, его ждала засада. Дикаря скрутили и отвезли в Ледвилл.

— Да, это хорошая новость. — Салтыков глянул на Степана и добавил: — Значит, поиски можно прекратить. Он уже сказал, куда делась девушка?

— Скажет, — пообещал Морган. — Только мне-то какое дело до несчастной девчонки? Все гораздо хуже, князь, гораздо хуже. Из резервации вырвалась целая толпа шайенов. По данным разведки, сначала они укрывались на Холме Смерти, а теперь двинулись на север. Если они накопятся в лесах и соединятся с бандами сиу, можно ожидать нападения на Ледвилл. Но мы нанесем опережающий удар. Дикари будут рассеяны и уничтожены. До встречи, князь. Не забывайте: мятую не толочь, а крошить ножом. Ножом, и только ножом!

Он схватил лошадь под уздцы и решительно зашагал в воду.

— Прирожденный вояка, — сказал Домбровский, любясь тем, как Морган пересекает блестящую гладь реки, придерживая шляпу одной рукой, а другой вцепившись в гриву

лошади. — Говорят, он носит в себе несколько пуль еще с Гражданской войны.

— Сказки, — махнул рукой Салтыков. — Морган в годы войны мыл золото в Калифорнии. Он и сюда подался за золотом, но опоздал. Записался в ополчение. Сделал блестящую карьеру, а ведь он даже не военный.

— Завидуете, князь?

— Отнюдь. Это лишнее подтверждение того, что Америка — страна неограниченных возможностей.

— Ну да. Жаль, что индейцы этого не замечают. У них, похоже, осталась только одна возможность — тихо вымирать. А тем, кто не воспользуется этой возможностью, поможет кавалерия Моргана.

— Законы истории жестоки, — сказал князь. — Слабый уступает место сильному. Так было всегда и везде. Но что будем делать с этой деревней? Подумать только, ее основал мичман Удальцов!

— А кто это? — спросил Гончар.

— Понятия не имею! Но он явно прибыл сюда с Тихоокеанского побережья. Нет, господа, я все больше убеждаюсь в том, что мы нашли то, что искали!

— Поздравляю, — сказал Степан. — Вам повезло немного больше, чем мне. Итак, вы остаетесь?

— Безусловно.

— Жаль расставаться, но мне пора. — Он подал руку Домбровскому. — Спасибо за помощь.

— Куда вы сейчас?

— В Ледвилл.

— Не хотите пополнить гардероб? Боюсь, что в мундире казачьего урядника вы будете привлекать к себе лишнее внимание.

— Не страшно. Здесь и не такое видали.

— Знаете что? — Домбровский хлопнул в ладоши. — Как же я мог забыть!

Из тюка, подвязанного к седлу его лошади, он извлек скатанный черный плащ с капюшоном.

— Вот! Замечательная вещь, и почти новая! Мне дали ее в каком-то монастыре недалеко от Сан-Франциско. Гончар, берите, не пожалеете. Теперь вы будете похожи на бродячего проповедника! Из всех маскарадных костюмов этот самый безопасный.

Салтыков крепко пожал его руку:

— Надеюсь, мы еще встретимся. Во всяком случае, вы знаете, где меня искать. Мы здесь осядем надолго. Идеальное место для лагеря. И соседи замечательные. Буду искать их дружбы. Знайте, что я всегда рад вам помочь.

— Вы уже помогли. — Степан примерил плащ, от которого шел какой-то странный запах. — Хорошая вещь. Только не мешает ее проветрить.

— Вас пугает запах ладана? — Домбровский усмехнулся. — Я так и знал. Тот, кто так уверен в своей неуязвимости, наверняка связан с нечистой силой.

На другом берегу реки слышались резкие команды и скрип колес. Полк, не успев развернуться для атаки, вынужден был снова перестраиваться в походный порядок.

«Неужели Морган говорил о семье Горбатого Медведя? — думал Гончар, затягивая подпругу на вороном. — Он рвется в бой, как боксер, которому обещаны неслыханные призовые. Ну, и с кем ему воевать? В горах вокруг Ледвилла только шахтерские поселки да лагеря старателей, там давно уже не осталось и следа от индейцев. Даже если шайены решили покинуть резервацию, им нечего делать здесь. Горбатый Медведь уйдет в прерии Вайоминга или Монтаны. Если его не остановит кавалерия».

Надо было спешить. Надо было обязательно опередить полковника Моргана.

У Горбатого Медведя, как и у любого шайена, были особые счета с ополченцами из Колорадо.

Белые поселенцы воевали с коренными американцами с того самого времени, когда

впервые ступили на континент. Ирокезы, делавары, могикиане, населявшие леса на восточных берегах — они первыми познали на себе мощь и коварство цивилизованных армий. Но жители Великих Равнин до поры до времени оставались в стороне.

В девятнадцатом веке пришла и их очередь. Юты, сиу, моддоки отчаянно сопротивлялись нашествию белых. Но шайены не принимали участия в этих схватках. Этот народ привык уступать притязаниям наглых соседей. Земли хватало на всех, и шайены предпочитали покинуть насиженные места и освоить новые территории, лишь бы не затевать братоубийственных войн. Так, в течении трех веков, они и перемещались от Великих Озер до Скалистых гор. Но отсюда отступать было некуда.

Апачи, арапахо, команчи и кайова дрались с белыми уже несколько десятилетий, когда весной 1864 года шайены впервые вступили в войну. В Колорадо началась золотая лихорадка. Тысячи искателей счастья хлынули в Скалистые горы, и губернатор Эванс озабочен безопасностью новых избирателей. Он предложил шайенам вполне приличную цену за их охотничьи угодья. Но индейцам не нужны были деньги. И тогда Эванс объявил им войну. Может быть, он и не решился бы на нее, если бы рядом с ним не было такого человека, как начальник ополчения, полковник Чивингтон, бывший по совместительству протестантским священником.

Чивингтон методично стирал с лица земли каждый индейский поселок, попадавшийся на пути его Третьего кавалерийского полка. «Единственный способ договориться с дикарями заключается в том, чтобы уничтожить их полностью», — говорил он. Индейцы попытались сопротивляться, но их отряды были мелкими и разрозненными. Тогда шайены объединились с племенами арапахо и стали действовать крупными бандами. Новая тактика оказалась более эффективной. Ощутимые потери заставили губернатора Эванса пойти на мирные переговоры.

Вождь Черный Котел всегда стремился к мирному сосуществованию с белыми. Он был рад любой возможности прекратить кровопролитие, и подписал мирный договор на условиях, которые могли бы показаться унижительными для многих прочих вождей. Особенно если учесть, что переговоры начались в момент, когда войско шайенов и арапахо уже стояло под стенами Денвера. Еще одно усилие, и от города остались бы одни развалины. Но Черный Котел стремился к миру.

Согласно договору он отвел свои отряды и встал лагерем на реке Сэнд-Крик. Чивингтон прибыл туда немного позже. Выбрав удобный момент, когда большая часть воинов отправилась на охоту, полковник окружил мирный лагерь и приказал уничтожить всех, кто в нем остался, всех до единого. Именно там была произнесена его знаменитая фраза: «Убейте их всех. Нечего плодить вшей».

После артиллерийского обстрела ополченцы ворвались в лагерь. Приказ был выполнен. Вождь Черный Котел вышел навстречу кавалеристам, размахивая звездно-полосатым флагом, но был сражен градом пуль. Ни один ребенок, ни одна женщина, ни один старик не остались в живых. Кавалеристы с триумфом вернулись в Денвер, и горожане осыпали их цветами на улицах.

Многим действия Чивингтона показались излишне жестокими. Но разве не точно так же действовал прославленный генерал Шерман, чья армия весной того же 64-го года прорвалась в беззащитную Флориду? Шерман громил на своем пути фабрики и склады, сельские школы и поместья аристократов, церкви и больницы. Он разрушил тылы южан, и этим обеспечил победу Севера. Террор становился основной тактикой победоносного войска Соединенных Штатов. Так почему бы не применить эффективную тактику против других врагов, не менее опасных, чем Конфедерация?

Известие о резне на Сэнд-Крик распространилось среди индейцев. Чивингтон рассчитывал запугать их, но он ошибся. Война разгорелась с новой силой, и уже ни о каких переговорах не могло быть и речи.

Но теперь ситуация была не та, что год назад. Гражданская война закончилась. В Колорадо были стянуты достаточно большие силы регулярных войск. Армия не могла

упустить новую возможность для получения наград и званий, а политиканы — для громких выступлений. Патриоты, расисты и пацифисты — все они использовали войну с одинаковой выгодой для своей карьеры.

Последний крупный отряд шайенов под командой Кривого Ножа насчитывал всего три сотни воинов, и тринадцать тысяч солдат преследовали его в течение шести недель. Когда же дело дошло до последнего боя, и индейцы были перебиты, перед глазами победителей открылась отнюдь не героическая картина. Среди убитых шайенов почти половину составляли женщины и дети. И было видно, что многие матери нарочно поднимали над собой своих младенцев, чтобы те погибли от пуль, но не попали в плен к белым.

С того времени ничего не было слышно о том, чтобы шайены снова на кого-то нападали. Они ушли на юг, в Оклахому, где поселились в резервациях. Правительство снабжало их всем необходимым для того, чтобы индейцы не умирали от голода слишком быстро. Молодые воины, истосковавшиеся по мясу бизона, порой убегали за колючую проволоку, чтобы поохотиться. За ними тут же отправлялся эскадрон кавалеристов, а родичей беглецов сажали в тюрьму как заложников.

Неудивительно, что Горбатый Медведь решил уйти на север. Гончару хотелось поскорее присоединиться к нему.

Но сначала надо было выручать Майвиса.

Домбровский подошел к нему с картой.

— Я прикинул ваш маршрут. Вот здесь вы пересечете реку и, двигаясь строго на север, дня через три выйдете к дороге. А дальше уже не заблудитесь. На всякий случай запоминайте приметы, чтобы на обратном пути не тратить время. Мне почему-то кажется, что мы еще встретимся.

— Возможно. Рассчитываете задержаться?

— Придется. Князь влюбился в это место. Он уже видит тут русскую колонию, которая скоро превратится в новую губернию.

— А себя видит губернатором?

— Почему бы и нет? В колонии можно устроить жизнь по новым порядкам. Здесь поселятся свободные люди, и их дети будут первым поколением русских, не знакомых с рабством. Мы — сеятели, если выразиться языком наших реформаторов. Представляете, какой народ поднимется над этой пашней через два поколения? Сюда не доползет ни один столичный чиновник. И всё, от сарая до дворцов, построит здесь свободный человек, а не крепостная вороватая пьянь.

— Вы не больно-то ласково отзываетесь о своем народе. Вороватая пьянь... И свободный человек не строит дворцов.

— Это я в романтическом угаре ляпнул, — рассмеялся Домбровский. — К черту дворцы. Надо строить мосты, прокладывать дороги. А что до моего отношения к народу, то отвечу так. Если откинуть метафизику и политическое пустословие, то каждый из нас — человек своего племени. Чтобы выжить, надо спасти свое племя. Не комплименты ему расцвечивать, а спасать. Лечить, учить, строить. Присоединяйтесь к нам. Работы хватит на всех.

— У меня есть работа, — сказал Гончар, садясь в седло. — И мое племя в беде.

часть 4. Преподобный

30. Не делите деньги ночью

Он отправился в Ледвилл, ни на секунду не задумавшись, зачем это делает. Ему вообще не хотелось ни о чем думать. Хотелось увидеть Майвиса, хотелось найти Милли. Если тебе хочется есть, ты находишь пищу и ешь, а не размышляешь о том, как это сделать.

Но, остановившись у обочины дороги на Ледвилл, Гончар призадумался. Обилие

следов говорило о том, что ему предстоит встреча с большим городом. Степан ощутил просто звериную тревогу. Город — это десятки улиц, где из-за каждого угла тебе могут выстрелить в спину. На миг его охватило сильнейшее желание повернуть прочь, бежать без оглядки от этого скопища опаснейших существ на свете — двуногих тварей, изрыгающих огонь и свинец.

Волна страха окатила его, заставив зябко передернуть плечами — и ушла. Опасность — лучший ориентир. Надо двигаться навстречу ей, тогда не заблудишься.

Он направил вороного вдоль дороги, разглядывая мусор на обочинах. Ветер донес до него запах домашнего дыма, и Гончар впервые подумал о том, что теперь ему придется добывать себе пропитание не охотой, а каким-то другим способом. В карманах у него не было ни цента, а фазана или зайца не подстрелишь на обочине.

Темнота опустилась внезапно, как всегда бывает в горах. Впереди, в стороне от дороги, за деревьями неярко светились два огонька. Подъехав ближе, Степан увидел приземистое здание с односкатной крышей. Пара керосиновых ламп освещала крыльцо с поблекшей вывеской: «Тaverna Джона». Единственное окно было закрыто ставнями, и через щель пробивался тусклый свет.

Гончар вполне мог бы провести ночь в лесу. Он настолько привык к этому, что уже не помнил, когда последний раз ночевал под крышей. К тому же, чтобы проситься на ночлег, надо знать, чем ты будешь расплачиваться. И все-таки он остановился у таверны.

Он привязал вороного к жиденькому забору из корявых жердей, рядом с оседланным мулом, и поднялся на крыльцо. Из-за двери слышались негромкие голоса.

«Там люди, — подумал он. — Белые люди. Они могут что-то знать о Майвисе. Я должен войти. Я должен поговорить с ними. Я должен вести себя так же, как они, и казаться таким же. Они ничего не сделают мне, если примут за своего. А если и надумают убить меня, я всегда успею их опередить. Ну, так иди же, не стой».

Но еще несколько минут он стоял перед закрытой дверью, прислушиваясь и жадно втягивая пугающие и манящие запахи.

Возможно, Степан и не решился бы войти, но на дороге застучали копыта. Двое всадников приближались к таверне.

— А у Джона гости, — сказал один.

— Плевать, — ответил второй.

— Сэм, до берлоги остался какой-то десяток миль.

— Ну и тащись в берлогу. А я промочу горло и догоню тебя. Согласен?

— Соглашусь, если ты отдашь мне мою долю прямо сейчас.

— Ты что, Робин, не доверяешь мне, своему компаньону?

Степан не стал дожидаться окончания их спора. Отступить было некуда, и он толкнул дверь.

Широкие лавки вдоль стен да длинный дощатый стол составляли весь интерьер помещения, освещенного низким пламенем камина, возле которого сидел на корточках человек в темном балахоне. Его лицо скрывал капюшон. Выпростав руки из широких рукавов, он держал ладони у огня.

В другом углу таверны размещалась кухня. На плите шипела сковорода, и повар, худой, как гвоздь, лениво помешивал фасоль деревянной ложкой.

— Вот и еще один из вашей братии, — сказал он, обращаясь к сидевшему у камина. — Похоже, такой же богач. Добро пожаловать, братец. Хорошо, если ты найдешь пять центов, чтобы расплатиться за похлебку звонкой монетой, а не молитвами за мое здоровье.

— А если не найду? — Гончар остановился на пороге, готовый развернуться и уйти.

— Ну, значит, завтра к утру мое здоровье будет вдвое крепче, потому что ты помолишься за него вместе с преподобным. Проходи, располагайся.

— Мне бы только переночевать.

— Лавки свободны. На перину не рассчитывай. Кто любит всхрапнуть на мягком, может спать в конюшне на сене. Садись, братец, расскажи нам, что видел по дороге.

Степан сел на лавку, вжавшись в угол. Только в таком положении он чувствовал себя защищенным от нападения сзади.

— Здорово, Джон! — в таверну шумно ввалились новые гости.

Их было двое, но оружия на них было столько, что хватило бы на семерых. Они с грохотом сбросили в угол три винчестера, дробовик и четыре набитых патронташа, да еще на поясе у каждого осталось по два револьвера, а у одного и под мышкой торчала рукоятка кольта.

— Горячего рома, и поживее. — Они уселись за стол. — Никто из наших не заглядывал?

— Днем проезжали ребята с лесопилки. — Трактирщик откупорил бутылку и вылил ром в большую кружку, которую тут же поставил на плиту. — Говорят, облава скоро закончится.

— Похоже на то, — сказал кряжистый бородач в лохмотьях, когда-то бывший офицерским кителем. — На Красном Склоне не найти свободного уголка, чтоб воткнуть заявочный столб. Расхватили все участки за пару дней.

— Держу пари, что кто-то остался в лесу и на ночь, — добавил его спутник в замшевой куртке с бахромой. — Чтобы с утра пораньше застолбить все, что осталось.

— А если вернутся краснокожие? — спросил трактирщик, подсыпая в ром сахар. — Что тогда, Сэм? Не будет, как в прошлый раз?

— Они не вернутся. На этот раз точно не вернутся. Некому возвращаться, — заявил бородач Сэм. — Теперь с ними разговор короткий. Как с волками. Увидел — стреляй.

— Говоришь, были парни с лесопилки? Что рассказывают?

— Всякие страсти, даже не хочется повторять, — ответил трактирщик.

Он разлил дымящийся ром по кружкам и поставил их на стол, после чего уселся рядом с гостями, вытирая руки фартуком.

— Да, такие страсти.... Говорят, нашли в лесу парня с прииска «Дохлый Мул». Индейцы оставили его привязанным к столбу.

— И что? Того загрызли муравьи?

— Нет, хуже. Когда тело отвязали, оно было как тряпка. Ни одной целой косточки, будто он побывал под жерновами камнедробилки.

— Ага, понятно. Это штучки Свиного Пса. Вот с кого надо было бы содрать шкуру. Жалко, он нам не попался, — бородач отхлебнул из кружки и закашлялся. — Ну, Джон, сколько раз тебе повторять! Не надо сыпать в ром всякую дрянь!

— Но ведь так вкуснее, верно, Робин?

— Верно. Ты, Джон, мастер на всякие вкусные напитки. Сам полковник Морган тебя хвалил, я своими ушами слышал. Этот Пузатый Джон, говорит, сделает коктейль хоть из конской мочи, говорит!

— На днях он к тебе заглянет, — сказал Сэм. — Полк возвращается. Через неделю его распустят, и Морган хочет за это время все доделать. За рекой еще остались поселки, надо будет ими заняться напоследок.

— Нас это не касается, — Робин допил ром и с сожалением поглядел на дно кружки. — Наше дело — участки застолбить. А громить поселки и искать профессорскую дочку — это для бездельников.

— А я слышал, что с девчонкой-то все не так просто, — вполголоса заметил трактирщик. — Я-то и сам поначалу диву давался: чего это все так из-за какой-то девки всполошились? Мало ли их воруют? А потом узнал от верных людей, что дело-то не в девчонке. Карты у нее, профессорские карты. На которых все жилы помечены. И серебряные, и золотые. Этот профессор все Скалистые горы обошел, все каньоны облазил. Карту свою делал для крутых парней из Чикаго, чтобы те скупили тут самые прибыльные места.

— На кой черт индейцам такая карта? — махнул рукой Сэм. — Подлей-ка мне чуток, только без травок и сахару, чистого рому.

— А не развезет тебя с дороги?

— Ой, какой заботливый! Не жмись, сегодня я при деньгах.

— За тобой записано выпитого на семь долларов двадцать центов.

— Рассчитаюсь, наливай.

— А я знаю, зачем индейцам карта, — сказал Робин, подставляя и свою кружку. — Чтобы ребята из Чикаго сидели в своем Чикаго и не совались к нам. Карту, само собой, краснокожие сожгли. А девка просто подвернулась, вот они ее и прихватили.

— Да нам-то какая разница? Мы и свой-то участок только начали разрабатывать. На наш век серебра в земле хватит. Накопим деньжат, да рванем в Техас. Там сейчас можно отхватить приличное ранчо не дороже чем за тысячу долларов. Многие готовы и даром отдать, лишь бы смыться оттуда, такого страху на них нагнали апачи. А мы апачей не боимся, верно, Робин?

— Мы боимся только простуды. Джон, ты подливай, подливай. Не бойся, сегодня ты вычеркнешь наши имена из долговой книжки.

Слушая их пьяную болтовню, Гончар опустил капюшон на лицо и закрыл глаза, притворяясь спящим. Эти двое не были похожи на обычных старателей. Старатели не шатаются по горам с оружием и не бросают свой участок надолго. А если и застревают в кабаке, то расплачиваются не деньгами, а тем, что смогли достать из-под земли. Когда Сэм высыпал на стол целую пригоршню монет, подозрения Гончара только окрепли. Он решил, что не останется ночевать в такой компании. Вот посидит еще немного, даст передохнуть вороному, и отправится в путь. Может быть, за эти полчаса он услышит еще что-нибудь.

По крайней мере, теперь он знал, почему полковнику Моргану так не терпелось повоевать. Ополчение штата формировалось обычно на три месяца, и сейчас этот срок истекал. Еще неделя — и полковник останется без войска, а у него, как видно, были далеко идущие планы. Может быть, власти штата поручили ему изгнать индейцев с тех земель, где планировалось начать разработку месторождений. Другая причина могла заключаться в политических амбициях Моргана. Возможно, тот собирался участвовать в выборах, и старался обзавестись титулом Покорителя Дикарей. Избиратель любит голосовать за героев, а как ты станешь героем, если твое войско разбежится? Надо спешить, и Морган не желал терять свой шанс.

Услышав о карте профессора Фарбера, Гончар просто восхитился чьей-то хитрой выдумкой. Чтобы оторвать людей от их повседневной работы, нужна достаточно соблазнительная приманка. Благородные спасители беззащитной девушки ринулись на поиски, рассчитывая найти кое-что более ценное, чем профессорская дочка. «Это Штерн придумал, — вдруг сообразил Гончар. — Наверняка он сейчас рядом с Фарбером. И наверняка оба сейчас едут сюда, в Ледвилл. Они обязательно увидят Майвиса. Их пропустят к нему. Значит, надо держаться рядом с ними. Да, иначе мне к Майвису не подобраться».

Это был не самый лучший план действий. Но пять минут назад у Степана не имелось вообще никакого плана.

Немного приободрившись, он решил больше не терять время в таверне, и встал. Одновременно с ним с пола поднялся и монах, гревшийся у камина.

— Хозяин, могу ли я укрыть своего бедного мула под кровом вашей конюшни?

— Брат мой, ты и сам можешь там укрыться, — с насмешливой почтительностью отвечал трактирщик. — Наверху достаточно соломы, чтобы разместить свое бренное тело.

Гончар первым вышел на крыльцо и подошел к вороному. Развязывая узел, он услышал, как монах у него за спиной негромко произнес:

— Не стоит уезжать одному. Эти два приятеля не собираются здесь засиживаться.

— Мне не нужны попугачики, — ответил Степан.

— Им тоже. Кто знает, чем закончится ваша встреча, когда они догонят тебя на ночной дороге?

— Я знаю, чем она закончится.

— Самая лучшая битва — та, которой удалось избежать. Твой конь утомлен.

Переночуй здесь, и побереги силы для других боев.

— Ты, братец, меня с кем-то путаешь, — сказал Гончар. — Я не собираюсь ни с кем воевать. Ни сейчас, ни завтра.

— Ночь длинна. Одному Богу известно, что ждет тебя утром. Снимай седло. Сам-то ты можешь спать в сбруе, но не заставляй страдать своего меньшего брата.

Монах откинул капюшон, и в свете ламп блеснули круглые стекла очков.

— Я так же, как и ты, направляюсь в Ледвилл. До города двадцать миль, и ни одного пристанища на пути. Старина Джон — золотая душа, он не требует платы с тех, кто не может расплатиться. Но в Ледвилле никто не пустит тебя под кров посреди ночи, пока ты не покажешь деньги.

— Давно меня так не уговаривали. А что скажет меньший брат? — Гончар похлопал жеребца по шее и поднял стремя, чтобы расстегнуть подпругу. — Меньший брат согласен с тобой, преподобный. Знаешь, меня все называют упрямым. До сих пор я не встречал человека, кто бы заставил меня изменить решение. Ты, случайно, не колдун?

— Я никого не заставляю. Я только подсказываю, — ответил монах, неловко возясь со сбруей мула. — Обычно люди видят только одну тропинку, а я указываю им на все остальные. Но право выбора все равно остается за человеком.

Гончар взвалил седло на плечо и повел вороного к конюшне, которая черным треугольником вырисовывалась на фоне звездного неба. Оттуда шел уютный запах прелой соломы и старого конского навоза.

Он завел коня в стойло и повесил седло на гвоздь, нащупав его на стене. Монах чиркнул спичкой, и короткая дрожащая вспышка высветила ступени, ведущие вдоль стены вверх.

— Не надо огня, — попросил Степан. — Мимо сена не пройдем. Ты храпишь во сне?

— Нет.

— Это плохо. Храпящий сосед — лучшее средство от крыс. Не люблю, когда они копошатся у самого уха.

Наткнувшись ногой на дощатый бортик, Степан наклонился, и его ладони коснулись колючей соломы. Он закутался в плащ поплотнее и завалился спать.

Как и следовало ожидать, преподобный жестоко обманул Степана. От его храпа из конюшни разбежались не только крысы, но и безобидные сверчки.

Но не вокальные способности монаха заставили Гончара лежать, не смыкая глаз. Не прошло и часа, как до него донеслись голоса Сэма и Робина.

— А все потому, что ты не мог дотерпеть до берлоги, — вполголоса ныл Робин. — Зачем было хвастаться? Думаешь, Джон не догадается, откуда у нас самородки? И это оружие! Не надо было его забирать. На кой черт нам такой арсенал? Нет, Джон все понял! Он не первый год у дороги, он любую двустволку в лицо знает. Держу пари, этот доходяга сейчас обнюхивает дробовик Ларсона и гадает, откуда он у нас взялся...

— Заткнись. Поставь лампу сюда, а то не видно ни черта. Сам надумал делиться на ночь глядя, так теперь не выступай.

Гончар осторожно сполз на пол и прильнул к дощатой стене. Сквозь щель он увидел, что между таверной и конюшней, возле кучи золы под забором, сидят на корточках двое «старателей». Керосиновая лампа бросала овальное пятно света на горку монет.

— Шестьсот сорок два доллара. Получается по триста долларов на нос. — Сэм длинным ножом раздвинул монеты на две примерно равные кучки. — Сорок два я беру себе. За мою лошадь, которая теперь твоя.

— Что? За такую клячу я бы не дал и двадцатки!

— Не будем торговаться, Робин. Лошадка уже окупила расходы. Все-таки не каждый день ты зарабатываешь три сотни, да еще самородок в придачу.

— Погоди, Сэм. У нас четыре самородка. Значит, два из них — мои.

— Ну, два, два. Будем взвешивать или на глаз прикинем?

— Так не делают. Надо сдать золото. Деньги-то делить легче.

— Согласен. — Бородач сгреб монеты в кожаный мешочек и запихнул его в карман. — Только давай решим, где сдавать золото. В Ледвилле нас каждая собака знает. Думаешь, шериф не пронюхает, что на серебряном руднике ни с того ни с сего нашлись золотые самородки? Да и Ларсона могут хватиться. Нет, в Ледвилле нам делать нечего. В Денвер махнем, Робин, в Денвер. Или сразу в Техас.

— До Техаса моя кляча не дотянет.

— Да ну тебя! Отличная лошадка, ты еще мне спасибо скажешь!

— Не дотянет она до Техаса, — капризно повторил Робин, — тем более с таким грузом. Вот если б у меня был такой жеребец, как у одного из монахов...

— Ты хочешь сказать...

— А почему бы и нет?

Оба замолчали и обернулись, глядя на конюшню. Степан знал, что они не могут увидеть его, но все же замер, боясь шевельнуться. «Эх, напрасно я послушался монаха», — подумал Гончар.

— Придется обоим, — сказал Робин.

— Придется, — мрачно отозвался Сэм, пробуя ногтем лезвие ножа.

— Тогда у нас будет и конь, и мул. А потом пустим огонь.

— Что же делать, по-другому никак нельзя.

— А Джон?

— И Джона придется.

— Все равно он бы нас заложил, — сказал Робин.

— Хорошо, что я не успел отдать ему свои семь баксов, — ухмыльнулся бородач, стягивая сапоги.

«Что вы затеяли, пьяные уроды! — чуть не закричал Гончар. — Идите проспите! Мало того, что вы ограбили несчастного Ларсона, так вы готовы резать еще троих, лишь бы поменять клячу на приличного коня». Но он и сам понимал, что этих двоих словами не остановишь.

Степан вытянул кольт из кобуры и, пряча его под плащом, чтобы приглушить щелчок, взвел курок. Монах продолжал храпеть, безмятежно и самозабвенно. Гончар подумал, что такой аккомпанемент не помешает. Убийца теряет осторожность, когда уверен, что жертва не ожидает нападения.

Он еще раз заглянул в щель. У забора уже никого не было. Но под стенами конюшни легонько скрипнула проволоочной дужкой керосиновая лампа. А через несколько секунд ее неверный свет пробился снизу и забрезжил над лестницей. В мертвой тишине был слышен только залиvistый храп монаха. «Сэм хорошо крадется, босиком, бесшумно, — подумал Степан, наводя кольт на последнюю ступеньку. — Робин подсвечивает снизу. Его надо будет валить сразу же после Сэма, чтобы не выбежал из конюшни. Шуму будет много, но старина Джон все поймет. Да и монах не обидится, когда увидит, каким тесаком его собирались полоснуть по горлу».

Пятно света остановилось, и Гончар понял, что лампу поставили на пол. Жеребец, увидев чужаков, завожился в стойле и пару раз ударил копытом. «Слышу, слышу, — мысленно поблагодарил его Степан. — Не волнуйся за меня».

Монах перестал храпеть, словно испугавшись неожиданного шума внизу. Но через несколько секунд залился с новой силой.

Гончар замер, ожидая, когда над лестничным проемом появится голова Сэма.

И вот она медленно поднялась над последней ступенькой. Вот показались плечи. Рука оперлась на пол. Во второй зажат длинный нож.

Степан хотел, чтобы после выстрела тело Сэма осталось лежать здесь, на верхнем ярусе, с ножом в руке. Тогда ни у кого не возникнет никаких сомнений в его намерениях. «Ведь я могу подарить ему жизнь, — вдруг пронеслось в голове. — Просто поверну барабан. Сэм отлично знает, что означает такой звук. Он поднимет руки и сам отдаст мне все, лишь бы не получить пулю в лоб».

И вдруг он почувствовал за спиной какое-то движение. Бесшумное и быстрое. Храп монаха прервался — и в следующий миг Степан услышал жалобный горловой клекот. Так хрипит человек, захлебываясь собственной кровью.

На соломе забилося в конвульсиях тело.

«Сзади!»

Он едва удержался, чтобы не вскинуться с пола. Каким-то образом второй убийца забрался наверх с другой стороны конюшни. Теперь Степан был окружен и мог получить удар в спину, если бы встал на ноги.

Но он оставался в прежней позе — лежа на боку и держа револьвер наведенным на Сэма. Наконец, тот встал во весь рост и шагнул вперед. Только сейчас Гончар надавил на спуск. И почти одновременно с выстрелом откатился в сторону, чтобы встретить Робина.

Лампа, оставшаяся внизу, освещала только один угол верхнего яруса, все же остальное пространство было залито чернотой. Гончар прижался спиной к стенке, чтобы слиться с тенью. Он ничего не видел в темноте и был готов стрелять в упор.

В том углу, где лежал монах, зашуршало сено, и что-то упало на доски пола.

«Это нож, — догадался Степан. — Он отбросил нож. Сейчас возьмется за револьвер. Ну, давай! Пошевелись, щелкни курком. Не бойся, я не буду стрелять на звук. Ну? Где же ты, Робин?»

Но тут он услышал то, чего никак не ожидал услышать.

— Упокой, Господи, их грешные души, — прозвучал голос преподобного. — Аминь.

31. Человеколюбие по Тандерсу

— Ты в порядке? — спросил Гончар, опустив револьвер.

— Немного испачкался.

— Как он к тебе подобрался?

— Здесь две лестницы.

— Черт, такое мне и в голову не пришло.

— А я только об этом и думал, — сказал монах, садясь рядом с ним и вытирая нож пучком соломы. — Поэтому и лег на том краю. Хорошо, что нас двое. По одному на каждую лестницу. Весьма удобно.

— Ты так говоришь, будто заранее все знал, — сказал Гончар. — Похоже, ты не только колдун, но и пророк.

Преподобный вздохнул.

— Они сегодня уже кого-то убили. И получили хорошую прибыль. А прибыль толкает людей продолжать выгодное дело. Так что эти несчастные уже не могли остановиться без посторонней помощи. Чтобы предсказать такой ход событий, не надо быть пророком Моисеем. Кстати, меня зовут Джекоб Тандерс.

Степан увидел белеющую в темноте руку и пожал ее.

— Стивен Питерс.

— Громкое имя. Оно звучит по всему штату.

— Скоро перестанет звучать. Того Питерса, я слышал, застрелили в Вайоминге, — сказал Гончар.

— Точно? Человека легко убить. Имя живет дольше.

— Не дольше, чем плакаты о розыске. Как только их уберут, о покойнике все забудут.

— Хороший выстрел, — заметил монах, кивнув в сторону бородача, который лежал, свесив ноги в лестничный проем. — Выстрел, достойный Стивена Питерса. Даже при лучшем освещении не каждый попадет в переносицу.

— Ты тоже не промахнулся. Как ты разглядел его горло в темноте?

— Сам не знаю. Но от него так несло перегаром, что промахнуться было трудно.

— Я и не знал, что монахи носят при себе нож, — поддел его Степан, немного завидуя хладнокровию, с каким держался преподобный. Сам-то он до сих пор вздрагивал в боевой

горячке.

— По-твоему, монахи должны рвать хлеб голыми руками? И кстати, я не монах. Да, Стивен, кажется, нам не удастся сегодня выспаться. Их надо закопать в лесу, да поглубже. Боюсь, что старина Джон не возьмется за такую тяжелую работу.

— А если мы дадим ему золотой самородок?

Тандерс повернулся к Степану, и его очки блеснули.

— О чем ты? Мы и так отдадим ему самородок, и не один, а все четыре. Но Джону не под силу выкопать могилу, ты же его видел. Он изнурен болезнями. Нет, копать придется нам. За это мы возьмем себе по десять долларов. Я знаю расценки похоронных компаний. Поверь, Стивен, десять долларов — очень высокая плата.

Гончар, уже успевший прикинуть размер добычи, вдруг почувствовал облегчение оттого, что деньги грабителей достанутся кому-то другому. Он убил, чтобы защитить свою жизнь, а не ради трех сотен долларов и пары самородков. Хотя, конечно, деньги не помешали бы...

— Мне случалось и больше зарабатывать за день, — сказал он. — Правда, я еще никогда не работал могильщиком.

Трактирщик ничуть не удивился, когда Тандерс привел его в конюшню. Он помог дотащить тела до ближайшего оврага и показал, как надо их закопать. В стене откоса за пару часов была вырыта небольшая пещера, куда и положили покойников, а затем стенку обрушили и завалили хворостом.

— Была бы тут речка поблизости приличная, нам бы не пришлось возиться, — бодро приговаривал Пузатый Джон, возвращаясь к таверне. — То ли дело у нас на Миссисипи. Вспорол ублюдку брюхо, чтобы кишки вывалились, и пускай его по течению. Потрошенный-то он быстро пойдет ко дну, и уж не выплывет. Но в горах с этим делом всегда непросто. Хорошо еще, что овражек нашелся песчаный. А каково приходится тем, кто живет среди одних камней? Вот зимовал я как-то в Юте...

Трактирщик недолго упирался, когда Тандерс отдал ему всю добычу грабителей. В знак особой благодарности Пузатый Джон приготовил на завтрак огромную яичницу с беконом и дал им в дорогу две упаковки галет.

Этот подарок оказался весьма кстати. Едва тронувшись в путь, Степан распечатал свою пачку и принялся грызть галету. Он безуспешно пытался заглушить голод, с которым не справилась яичница.

— Ты бывал в Ледвилле? — спросил Тандерс.

— Нет.

— Тогда я могу подсказать, где ты сможешь остановиться. Самая роскошная гостиница в Ледвилле — «Кларендон». Я знаю хозяина, Билла Буша. Мы можем жить там сколько угодно.

— За десять долларов?

— Об этом не беспокойся. Билл охотно найдет для тебя какую-нибудь работу, чтоб ты мог с ним рассчитаться.

— Меня устроил бы и постоянный двор.

— Если бы меня звали Стивеном Питерсом, я бы предпочел жить в отдельном номере, а не в ночлежке, — сказал Тандерс. — В каждом постоялом дворе дежурят полицейские осведомители, а жильцами «Кларендона» шериф не интересуется. И тебе не придется никому доказывать, что ты не имеешь отношения к тому портрету, который висит на каждом углу.

«Когда Фарбер придет, он остановится не на постоялом дворе, — подумал Степан. — Родных и друзей у него в городе нет. Что остается? Только самая приличная гостиница. Будем соседями, профессор».

— Спасибо за совет. Я не привык, чтобы обо мне так заботились.

Тандерс удовлетворенно кивнул и надолго замолчал.

Дорога поднималась все выше в горы. Ночью здесь прошел дождь, и копыта вороного скользили по глине. Когда Степан остановился, чтобы дать коню передышку, преподобный

снова обратился к нему.

— Могу я узнать, что за дела у тебя в Ледвилле?

— Хочу навестить друга.

— Ледвилл — большой город. Сейчас здесь проживает тысяча шестьдесят, а то и восемьдесят, если считать всех обитателей хибарок на склонах. В каком районе живет твой друг?

— Полагаю, он живет в тюрьме.

— Отлично, — невозмутимо сказал Тандерс. — Городская тюрьма находится в двух кварталах от «Кларендона». Не будешь тратить время на дорогу.

— Вижу, ты хорошо знаешь город.

— Я знал его, когда он еще не был городом. Тут стоял поселок старателей, и назывался он Слэб-таун. Парни искали золото, но дела шли не слишком успешно, пока здесь не появился человек по имени Эйб Ли. Он обнаружил, что порода, которую выбрасывали в отвал, на самом деле была свинцовой рудой, да еще с высоким содержанием серебра. С тех пор это место и стали называть Ледвиллом, Свинцовым Городом.

— Ты тоже копался в этих горах? — спросил Гончар.

— Можно сказать, что я тоже имел дело со свинцом. Но не в виде руды, а в виде шрифтов. Я тут газету издавал. Первую газету Ледвилла.

Степан хотел было снова тронуться, но преподобный слез с мула и уселся на придорожный камень. Запустив руку под балахон, он извлек две сигары.

— Самое время покурить. Ты так не считаешь, Стивен Питерс?

Вороной, словно догадавшись о намерениях седока, переступил немного вбок, чтобы Гончар смог спрыгнуть на траву, а не в дорожную грязь.

У сигары был цветочный привкус, необычный, но приятный. «Я давно не курил, — подумал он. — Странно. Еще вчера сама мысль о табачном дыме вызывала отвращение. А сейчас снова потянуло».

От первой же затяжки сердце застучало сильнее, и голова закружилась. Степан присел на камень рядом с монахом. Тот заговорил, не дожидаясь расспросов, заговорил охотно и быстро, как человек, которому пришлось долгие часы и дни провести в молчании.

— О серебре еще никто не знал, когда я погрузил печатный станок в фургон и отправился из Денвера дальше на запад. Ехал до тех пор, пока дорога не кончилась, уткнувшись в гору. Моя редакция находилась в палатке, а рабочим столом была доска, положенная на колени. Я не спал сутками и сидел на хлебе и воде. Но зато я был совершенно свободным печатником. Ты не можешь представить, как много это значит для пишущего человека — быть полностью независимым.

— Неужели старателям так нужна была газета?

— Конечно, нет. Откуда у них свободное время для чтения. Газета нужна была городу, которого еще не было. Но он бы и не появился без газеты. Я рассылал свой «Серебряный Колокол» по всей Территории, и постепенно сюда начали стекаться не только те, кто добывал серебро, но и те, кто мог его купить у старателей. Так возникали все города на месторождениях. На десяток старателей приходится три десятка торгашей и прочей публики, включая воров, проституток и охранников. Ведь даже золотой песок не принесет тебе никакой пользы, если у тебя нет возможности превратить его в еду, вино и женщин.

— Ты издавал газету за свой счет?

— У меня было немного денег для начала. А потом я стал размещать объявления. И газета из еженедельной превратилась в ежедневную. Дела пошли особенно успешно, когда в долине открыли границу индейской резервации. Народ кинулся захватывать земельные участки под фермы, и мне пришлось нанять семерых помощников и купить еще один станок, чтобы печатать заявки. Сам знаешь, без шестикратной публикации заявка не считается законной, а если ты хочешь чью-то заявку оспорить, то тоже должен напечатать опровержение не меньше шести раз. Да, золотое было время...

Тандерс улыбнулся и снял очки, чтобы протереть их рукавом балахона.

— Почему же ты отказался от такого прибыльного бизнеса? — спросил Гончар.

— Потому что на Востоке началась война. Мои сотрудники неплохо редактировали материалы и вычитывали верстку, но они не умели писать репортажи. И я стал репортером. Мои заметки перепечатывались даже вашингтонскими газетами. Впрочем, подозреваю, что и читали-то меня, в основном, в Вашингтоне. На Западе никому не было дела до войны. Здесь никому нет никакого дела до того, что происходит по ту сторону гор.

— Значит, ты воевал за северян?

— Я не воевал. Я был репортером.

— Это все равно.

— Пожалуй, ты прав. Да, можно сказать, что своим пером и фотокамерой я воевал за северян. К сожалению. Тогда я плохо разбирался в том, что происходит.

— А сейчас разбираешься?

— Только в том, что было двадцать лет назад. Это особенность человеческого мозга. Мы не способны понять происходящее. Требуется время, чтобы разгрести нагромождения лжи. Вот скажи мне, Стивен, что ты знаешь о Гражданской войне?

— Об американской?

— Ну да, о какой же еще?

— Видишь ли, — сказал Гончар, — гражданская война была не только у вас.

— Понятно. Ты из Старого Света. Я так и думал. Хорошо, задам вопрос иначе. Что европейцам известно о нашей Гражданской войне?

— Что это была война за свободу негров, — неуверенно начал Степан, чувствуя себя первокурсником на экзамене. — Демократические северяне воевали против рабовладельцев-южан. Законно избранный президент Авраам Линкольн подавил мятеж нескольких южных штатов. Потом его застрелил какой-то актер. Но дело Линкольна живет и побеждает. Негры получили свободу, и американский народ отстоял завоевания демократии.

— Позволь спросить, от кого ты все это слышал? — холодно поинтересовался Танدرس.

— Да ни от кого. Так было написано в газетах и книжках.

— Никогда не верь газетам, Стивен. Все они врут. Линкольн, к примеру, был не демократом, а республиканцем. И кто это назвал его законно избранным президентом? Да, два миллиона избирателей проголосовали за него, но три миллиона отдали свои голоса демократу Стивену Дугласу. Во всем виновата эта система выборщиков. Они-то и сделали адвоката из Иллинойса президентом всей страны. Само собой, люди возмутились.

— И взялись за оружие? — спросил Гончар.

— Нет. Никто и не думал, что дело дойдет до оружия. Поначалу хотели все уладить по-человечески. Южная Каролина объявила о выходе из союза штатов. «Если вам так нравится власть республиканцев, — сказали каролинцы, — оставайтесь под ними. А мы не хотим». Союз — дело добровольное, и не было никаких законных оснований, чтобы удержать в нем народ независимой республики Каролина. За ними последовали другие штаты. Миссисипи, Флорида, Алабама. Потом — Джорджия, Луизиана и Техас. Эти семь штатов первыми откололись от Севера и создали Конфедерацию. Потом уже к ним присоединились Вирджиния, Северная Каролина, Теннесси и Арканзас.

Наверно, если бы конфедераты предложили мне писать о них, я бы согласился. Но работу и камеру мне дал Мэтью Брэди, а он служил федеральному правительству. Он создал целый «корпус фотографов», и мы сделали, наверно, сто тысяч снимков той войны. Брэди думал, что когда люди увидят все эти фотографии, они никогда уже не захотят воевать.

— Наивный он парень, этот твой Брэди.

— Все мы были когда-то наивными. Ну, а после войны я уже не мог бросить репортерское ремесло. Был в Китае, писал об опиумной войне. Бродил по Африке. А когда вернулся, со мной что-то случилось. Не знаю, Стивен, поймешь ли ты меня...

— Постараюсь понять.

— Я был хорошим репортером. Я писал только о том, что видел сам, ничего не выдумывая и не скрывая. Но не все мои материалы печатались. А некоторые выходили с

такими поправками, что лучше бы и не выходили. Сначала я подозревал, что это происходит, потому что они были плохо написаны. Я старался писать еще лучше, но ситуация не менялась. Одни мои статьи проходили «на ура», а другие откладывались под сукно или переделывались редактором. В конце концов я понял, что газету делает не репортер, и даже не редактор, а владелец.

— Открыл Америку, — насмешливо хмыкнул Гончар.

— Знаешь, в чем заключается суть журналистики? — спросил Танدرس. — Задача журналиста — переводить на человеческий язык лай, рычание и сытую отрыжку своих хозяев. Я слишком поздно это понял.

Преподобный угрюмо замолчал. Его мул стоял рядом с жеребцом Степана, так же понуро опустив голову, как и хозяин. «Сколько же ему лет? — подумал Гончар. — Война закончилась пятнадцать лет назад. Допустим, тогда ему было двадцать пять. Значит, сейчас — сорок? Он выглядит значительно моложе. Ну, максимум на тридцать три».

— И ты все бросил? — спросил Гончар. — И ушел в монастырь?

— Зачем же? Мир выглядит не слишком привлекательно, но это еще не повод выбрасывать его на помойку. Прошлого не исправишь, но можно позаботиться о будущем. К тому же я слишком люблю людей, чтобы отгородиться от них монастырскими стенами.

«Видел я, как ты их любишь», — подумал Степан.

32. Мифы и легенды народов Запада

Ледвилл со всех сторон теснили горы. Их вершины скрывались за низкими тучами, а склоны были покрыты густым лесом, в котором виднелись просеки. Въезжая в город по скользкой дороге, Степану пришлось несколько раз сворачивать к обочине, чтобы проезжающие повозки не облили его жидкой грязью, вылетающей из-под колес.

Улица круто поднималась вверх. Гончар и Танدرس остановились у книжного магазина. Отсюда хорошо был виден центр города.

— Красное здание с белыми колоннами — это наша гостиница, — указал преподобный. — А вон там, пониже — полицейский участок, контора мирового судьи и тюрьма. Но я не советую тебе торопиться на встречу с другом. Тюрьма от нас никуда не денется. Заглянем в отель, приведем себя в порядок, пообедаем. Там рядом — отличный ресторан, где меня кормят бесплатно. Покормят и тебя. А уж потом отправимся к твоему другу.

— Ты и в тюрьму пойдешь со мной? Это обязательно — ходить вдвоем?

— Не вдвоем, а втроем. С нами будет шериф Дагган.

— Еще один твой друг?

— Партнер.

«Отличная подбирается компания, — подумал Степан. — Осталось только выяснить, какие могут быть общие дела у шерифа и бывшего репортера, нарядившегося монахом».

Остановившись у отеля, Гончар понял, что преподобный Танدرس имеет друзей не только среди правящего класса. Негритенок в гостиничной униформе, дежуривший на входе, подбежал к ним и перехватил поводья мула.

— Добрый день, отец Джекоб! Вы остановитесь у нас?

— Остановлюсь, Мозес, остановлюсь.

— Тогда я сам отведу вашего Лентя в конюшню! Ох, и исхудал же он!

— Поставь его рядом с вороным, и подальше от входа. Мы прибыли надолго.

— Не беспокойтесь! Жеребец смирный?

— Людей он не кусает, — сказал Гончар, отдавая повод мальчишке.

— Так я могу их обоих почистить? Сколько грязи им, бедняжкам, пришлось перемесить по дороге! Отец Джекоб, а вы будете читать проповедь на завтрашнем собрании?

— Надеюсь. — Танدرس бросил негритенку монету, и тот поймал ее на лету.

— Вот здорово! Так мы придем на собрание всем домом! И мама, и тетушки, все

придут вас послушать!

Войдя в просторный холл, Степан остановился, но Тандерс подхватил его под локоть и решительно повел за собой к стойке регистрации.

— Мой номер свободен? — спросил он у клерка. — Отлично. А соседний? Превосходно. Запишите меня и моего друга. Это преподобный Стивенсон из монастыря Каса Нуэва.

— Давненько вы к нам не заглядывали, отец Джекоб, — сказал клерк, раскрывая журнал в богато отделанном переплете.

— Что же делать, ведь мы верхом добирались к вам из Техаса...

Пока преподобный беседовал с клерком, Степан оглядел зал. Мужчины в дорогих костюмах, с тщательно уложенными прическами и с перстнями на пальцах собрались вокруг столика, за которым восседал живописнейший оборванец, словно сошедший с иллюстраций к «Робинзону Крузо». Его босые грязные ноги покоились на плюшевом пуфике. Из-под распахнутой меховой безрукавки выпирало волосатое брюхо, украшенное револьвером на шнурке. Длинные свалывшиеся волосы лежали на плечах, а в седой бороде застряли соломинки, красноречиво свидетельствуя о том, что предыдущую ночь этот путник провел в каком-то сарае. Но в его красной обветренной лапе был хрустальный бокал, в котором сверкала янтарная влага, и пять бутылок шампанского занимали весь столик.

— Выпьем же за новое месторождение! — зычно провозгласил оборванец. — Я назову его в честь своей младшей дочери! Это будет шахта «Амалия»!

— За Амалию! — Джентльмены в дорогих костюмах вскочили в едином порыве, воздымая бокалы.

Никто из них не обратил внимания на двоих бедных монахов, и Степан с благодарностью вспомнил Домбровского, подарившего ему такой замечательный монастырский плащ. Пожалуй, в этом наряде он и вправду может безбоязненно ходить в самой гуще полицейских ищеек.

— Вот так живет Ледвилл, — сказал Тандерс, увлекая его за собой по лестнице, покрытой красной ковровой дорожкой. — Здесь не придают значения одежде. Под лохмотьями может скрываться самородок ценой в сотню тысяч, а за роскошным смокингом — долги на миллион. Твой номер — тринадцатый. Надеюсь, ты не суеверен? Билл держит для меня двенадцатый, а мне хотелось, чтобы мы жили рядом.

Тандерс отпер дверь номера и отдал ключ Степану.

— У тебя есть час на то, чтобы принять ванну и переодеться. Мы с тобой одного роста, поэтому подберешь себе костюм из моего гардероба. В монашеском балахоне не стоит ходить в ресторан.

— Чтобы не смущать посетителей?

— О, их трудно чем-то смутить. Нет, костюмы нам понадобятся, чтобы не выделяться из толпы.

Гончар задержался на пороге.

— Послушай, я не привык, чтобы меня водили за руку. И не привык, чтобы мне оказывали помощь. Ты всем так помогаешь?

— Нет. Только тем, кто нуждается в моей помощи.

— А ты уверен, что я нуждаюсь? До сих пор я и сам неплохо справлялся.

— Понимаю тебя, — Тандерс кивнул и снял очки. — До чего же иногда надоедает носить эти стекла. Тем более, что от них никакого проку. Я почти ничего не вижу. Так вот, Стивен, я понимаю тебя. Ты думаешь о том, как рассчитываться за помощь. В этой стране за все приходится платить.

— А что, в других странах не так?

— Однажды в Африке, в верховьях Замбези, я остановился на ночлег в деревне. Хозяйка хижины сварила мне кашу. Немного, полмиски. Я был слишком голоден, и съел кашу мгновенно, и только потом понял, что она потратила на меня последнюю горсточку риса. И ее семерым детям наутро пришлось завтракать глотком горячей воды. Как думаешь,

эта женщина рассчитывала, что я ей заплачу?

— Но ведь ты ей заплатил?

— Чем я мог заплатить? — Тандерс рассмеялся. — Чистыми страницами из блокнота или огрызками карандашей? Дырявыми башмаками? Нет, Стивен, я мог только сказать «спасибо». Но ей этого хватило.

— Мы не в Африке, — сказал Гончар. — И ты можешь рассчитывать на меня.

Тандерс подтолкнул его в номер:

— Ты мне уже помог. Там, в конюшне Пузатого Джона. Одному мне пришлось бы туго. Так что не трать время на разговоры. Мойся и брейся. Кстати, не сбривай усы. Костюм тебе принесут. Через час встречаемся внизу. Да, чуть не забыл. Оружие оставь в номере. Там есть сейф.

Когда, спустя час, Гончар снова увидел своего ночного спутника, он смог узнать его только по круглым очкам. Горячая ванна, хорошая бритва и отлично сидящий костюм преобразили Тандерса. Теперь он не сутулился, и голос его звучал весело и уверенно.

— Кто тебя научил так завязывать галстук? — спросил он, поправляя узел своего пестрого шарфа. — Ты, оказывается, франт. Король паркета. Идем скорее, нас уже ждут. Кстати, запомни: мы прибыли из Техаса. Там ты жил в монастыре Каса Нуэва.

Они долго шли по деревянному тротуару, выбирая место, где можно было бы перейти улицу. Обоим не хотелось ступать начищенными башмаками по жидкой грязи. Наконец, Тандерс, махнув рукой, остановил проезжающую карету и вскочил на подножку.

— В «Аляску»!

Извозчик недоуменно уставился на него.

— Плачу доллар, — добавил Тандерс.

Карета тронулась. Но не успел Степан устроиться на жестком кожаном сиденье, как лошади остановились у здания на другой стороне улицы.

— Приехали.

Тандерс открыл дверцу и запустил пальцы в карман жилета, но Гончар его опередил:

— Моя очередь платить.

Получив от него доллар, извозчик широко улыбнулся:

— Я думал, вы пошутили. Ну, парни, видать, сегодня в «Аляске» будет весело.

Едва они вошли в ярко освещенный зал, как перед ними вырос огромный негр в белом пиджаке.

— Рад приветствовать вас, джентльмены! Позвольте мне...

— Брось, Чарли, — Тандерс легко стукнул кулаком по необъятной груди. — Тут все свои. Это Стив из Техаса. Стив, это Чарли, чемпион мира по французской борьбе. Грудинка готова?

— Грудинка готова, сиськи и попки тоже. Девчонки прыгали до потолка, когда узнали, что ты приехал.

Он провел их через зал и открыл дверь кабинета:

— Желаю хорошо отдохнуть.

Стол был накрыт на четверых, и Гончар, прежде чем сесть на плюшевый диван, вопросительно глянул на Тандерса.

— К нам присоединятся мои подружки, — сказал преподобный. — Ведь ты не станешь возражать?

— Мне все равно.

— Вот и отлично. Потому что им-то как раз не все равно, с кем обедать. Приличного человека не так легко встретить, особенно здесь.

— Ты говорил, что после обеда мы пойдем в ...

— Да-да, — перебил его Тандерс. — Только не произноси это ужасное слово. Мы пойдем к твоему другу. Открывай вино. Мы с тобой особые гости, и прислуга не будет стоять у нас за спиной.

Вино оказалось легким и терпким. Гончар собирался его только пригубить, но не

удержался и залпом осушил бокал. «Как-то странно получается, — подумал он. — В двух кварталах отсюда мой друг сидит в тюремной камере. Моя невеста прячется в горах от грабителей и насильников. А я сижу в уютном кабинете, пью вкусное вино и жду проституток. И мне не хочется никуда уходить, вот что странно».

Негритенок вкатил на тележке целую гору сверкающей посуды. Из-под крышек сочился одуряющий аромат тушеного мяса. Гончар едва дождался, когда Тандерс выложит на его тарелку огромный кусок. Он был готов рвать эту смуглую плоть руками, и с трудом заставил себя взяться за нож и вилку.

— С тобой нельзя ходить на важные приемы, — сказал преподобный. — Ты ешь слишком быстро. Даже быстрее, чем я. А как раз из-за этого я тоже не бываю на приемах. Туда все приходят сытыми. А я ходил, чтобы пожрать на дармовщинку. В молодости я вечно страдал от голода.

В кабинет бесшумно вошел невысокий седой человек в строгом черном костюме.

— С тех пор ты не изменился, Джек Тандерс, — сказал он.

Преподобный встал, подавая ему руку:

— Привет, старина. Позволь представить тебе моего друга Стивена из Техаса.

— Привет, Стив. Я привык, что меня называют «шериф Дагган». Но для тебя я — Мартин.

— Мартин, у нас к тебе дело, — без предисловий начал Тандерс. — Друг Стивена сидит в твоей кутузке. Когда ты устроишь нам свидание?

— Хоть сейчас.

— Сейчас мы заняты. А вот через пару часов, по дороге к Натали, мы заглянем в твою обитель мрака и печали.

— Хотите занести передачу? Я распоряжусь, на кухне соберут пакет.

— Ты смотришь в корень, старина. Посидишь с нами?

Дагган поморщился:

— С моей язвой? Я уже неделю сижу на отварной рыбе и рисовых котлетах. Извини, но мне больно даже смотреть на ваше вино и жареное мясо. Увидимся в конторе, там и поговорим.

Он вышел. Тандерс наполнил бокалы:

— Выпьем за здоровье наших друзей. За тех, кто сидит в тюрьмах, и за тех, кто в этих тюрьмах работает. Еще неизвестно, кому из них приходится хуже.

— Что он говорил насчет кухни?

— Ты разве не понял? Ведь Мартин — хозяин этого заведения. На шерифское жалование трудно прожить в городе. А ресторан и пай в игорном доме обеспечат ему спокойную старость. Когда-то мы начинали это дело втроем. Я, Билл и Мартин. Гостиница, ресторан, казино. Все на высшем уровне, не хуже, чем в Мемфисе или Чикаго. Я выдавал идеи и привлекал нужных людей, Билл находил деньги, а Мартин обеспечивал безопасность. Это были золотые семидесятые годы... Скажи, Стивен, в твоей жизни были золотые годы? Чем ты занимался в семидесятых, когда все кинулись в большой бизнес? Земельными спекуляциями? Железными дорогами? Поставками в армию? Или выкачивал денежки из южан?

— У меня была лесопилка. — Гончар задумчиво покачивал бокал, глядя, как пурпурная волна скользит по стеклу. — Я построил ее на пустом месте.

— На пустом месте? Надеюсь, ты не распускал бревна ручной пилой?

— Нет. Я снял паровую машину с затонувшего парохода.

— Гениально. — Тандерс налил себе и поднял бокал. — За паровую машину!

— А потом вокруг лесопилки вырос целый город, — продолжал Гончар. — Я ездил по Дакоте, нарезаая земельные участки. Охотился на бизонов и медведей. Растил сыновей. Да, то было золотое время, семидесятые...

— А хочешь, я расскажу тебе про того парня, которого застрелили в Вайоминге? Про Стивена Питерса?

— Расскажи.

Лицо Тандерса покрылось розовыми пятнами. Облизывая губы, он отодвинул тарелку и оперся локтями на стол. «Быстро же его развезло, — беспокойно подумал Степан. — Как бы не отключился. Не пойду же я к шерифу без него. Или пойду?»

— Так вот, Стивен Питерс — это Робин Гуд из Небраски. Он грабил богатых и раздавал деньги бедным. Когда-то у него была ферма, но по его земле прошла железная дорога. Он не хотел уходить со своей земли ни за какие деньги, и тогда рельсовые магнаты наняли бандитов. Те напали на ферму Питерса. Он, один, уложил девятерых, но в том бою погибли его мать, жена и оба маленьких сына. Тогда Питерс сам поджег свою ферму и скрылся. С тех пор он начал грабить поезда и банки, принадлежащие той самой железнодорожной компании. И он не оставлял себе ни цента, раздавая все деньги фермерам и каждому встречному, кто был одет победнее.

— Я слышал то же самое про Джессе Джеймса и его братьев, — сказал Гончар.

— Верно, — кивнул Тандерс. — То же говорят и про Сэма Басса, и еще про десяток таких же Робин Гудов. Разница только в том, что Басса уже два года нет в живых. Приятель по имени Джим Мерфи сдал его техасским рейнджерам. Про Джеймса и Питерса только рассказывают, а о Сэме уже поют песни. Не слышал?

— Нет.

— Еще услышишь. Придет время, о нем напишут романы.

— Не ожидал, что романтические сказки могут быть популярными среди американцев, — сказал Гончар.

— Сказки — плохой товар. Лучше всего продаются мифы. Стивен, эта страна живет мифами.

— Миф и сказка — это одно и то же.

— Не совсем. Сказка не притворяется правдой. А миф выдает себя за истину. Тот, кто верит сказкам — дурачок. А тот, кто не верит в миф — враг общества, потому что это общество живет мифами. О свободе и равенстве, о прогрессе и цивилизации. Все это мифы. Они больше всего боятся разоблачения, поэтому все время обрастают новыми мифами, вспомогательными, которые должны подтвердить основной миф. Это называется идеология. Реальным людям хочется читать про реальных людей. Вот увидишь, когда с Джеймсом будет покончено, книжка о нем разлетится огромными тиражами. Жалко, что ты не тот Питерс, которого убили... То есть я хотел сказать...

— Мне вот ни чуточки не жалко, — рассмеялся Степан.

— Ну, ведь ты меня понял? — Тандерс, громко глотая, влил в себя очередную порцию вина, и ярко-красная струйка протянулась от уголка рта к белоснежному воротнику. — Если бы я встретил того Питерса, я бы мог написать о нем такую книгу! Мы бы с ним стали миллионерами. Такая судьба! В любом американце живет такой Питерс, понимаешь? Любкой трудяга только и ждет повода, чтобы схватиться за кольт и перестрелять всех этих кровососов вокруг себя. Он не решается. Потому что легче отдать им свою кровь, чем выпустить кровь из них. Но помечтать-то можно? Я бы подарил им такую мечту.

— По-моему, американцы о другом мечтают. Все хотят стать миллионерами.

— Миллионеры — самые несчастные люди. Поверь, я-то знаю.

— Но ты же сам только что говорил, что хочешь...

— Мало ли что я говорил? И вообще, хватит болтать. Я вижу, мои разговоры нагнали на тебя тоску. А знаешь, кто в этом виноват? Во всем виноваты девчонки! Им же было четко сказано, через час сидеть в «Аляске» и ждать нас! Куда делись эти старые ведьмы!

33. Возвращение блюза

Тандерс с трудом приподнялся и, толкнув дверь кабинета, позвал:

— Чарли! Чарли, пора подавать кое-что погорячее, чем грудинка!

Степан попытался его урезонить, но вдруг понял, что не может встать с дивана. То есть

встать-то он, наверно, сумел бы. Если бы захотел. Но вот беда — не хотелось ему вставать. Не хотелось уговаривать Тандерса, чтобы тот вел себя скромнее. Не хотелось никуда идти. Единственное, чего ему сейчас хотелось — это дожидаться обещанных девчонок. Хотя бы посмотреть, какие они, девчонки Ледвилла.

Он откинулся на спинку дивана и закрыл глаза. Сколько он выпил? Неужели его могли свалить два бокала вина? Да нет. Просто он слишком давно не был в городе, не сидел в ресторане. Он слишком давно не слышал музыки и женского смеха. Эти звуки доносились через приоткрытую дверь кабинета и уносили Степана куда-то далеко-далеко, в другой мир...

— Я же говорила, что это самое лучше средство!

Мягкие женские губы еще раз прижались к его губам, и он открыл глаза. Пышная блондинка, смеясь, отпрянула от него и уселась рядом, положив горячую ладонь на его колено:

— Милый, мы долго спорили, каким способом вернуть тебя к жизни. Ты уже десять минут не дышишь. Берта хотела бежать за врачом, но Джек ее не пустил.

— От поцелуя Натали даже мертвый проснется, — ухмыльнулся Тандерс. — Девочки, не пугайтесь. У нас со Стивеном была тяжелая ночь.

— Думаешь, сегодняшняя ночь будет легче? — Натали покачала пухлым пальчиком. — И не надейся, лентяй!

Степан обвел тяжелым взглядом тарелки с объедками, пустые бутылки, горку обглоданных костей... Напротив него сидела худенькая брюнетка, и его глаза остановились на глубоком вырезе ее розового платья.

— Ты готов? — спросил Тандерс. — Нам пора идти.

— Да. Пора. Я готов. Мне бы только глоток кофе.

— А куда, по-твоему, мы направляемся? Натали любезно пригласила нас на чашку кофе.

— Пойдем.

Он тряхнул головой и решительно встал.

В карете Степан снова заснул, удобно пристроив тяжелую голову на груди худенькой Берты. Грудь была мягкая и высокая, и пахла зеленым яблоком. Особенно сильный запах шел из ложбинки между грудями, и Степану хотелось зарыть свой нос туда как можно глубже.

— Осторожнее, сладкий мой! — Она шлепнула его по руке. — Это платье обошлось мне в семьдесят долларов.

— А выглядит на все семьсот, — пробормотал Гончар.

И сам удивился — с чего это вдруг ему захотелось выдать хоть корявый, но комплимент? С чего это вдруг он так крепко обхватил эту костлявую талию? Неужто так развезло от выпитого? Да нет, вино не виновато...

Он просто не мог оторваться от нее. Когда карета остановилась, Гончар выскочил первым и подал руку Берте. Не дав ей ступить на землю, он подхватил девушку на руки.

— Куда идти?

Его обступили смеющиеся люди.

— Вот это кавалер! Эй, Натали, дай мне тебя поносить! Не до кровати, так хоть до порога!

— Надорвешься!

— А мы вдвоем!

— Двоих маловато будет!

Тандерс в обнимку с Натали шагал впереди, расталкивая толпу. Они поднялись по лестнице и остановились в полутемном коридоре. Снизу доносились звуки пианино, оживленный гомон и хлопки шампанского.

— Тут что-то празднуют? — спросил он у Берты.

— Тут всегда празднуют. — Она похлопала ладошкой по его груди. — Опустим меня,

мы уже пришли.

— Не могу. Мне кажется, ты исчезнешь, если я разожму руки.

— Как же мы будем пить кофе?

— А мы не будем.

Он толкнул ногой дверь.

— Не сюда! — Она засмеялась. — Моя комната дальше...

— Эй, Стивен! — прокричал ему вдогонку Тандерс. — Берта хорошая девочка, будь с ней вежливым!

И он был с ней вежливым. Он отвернулся, когда она расшнуровывала платье. И сел в кресло, чтобы не мешать ей прибраться в комнате и приготовить постель. Она скрылась за стеклянной дверью, откуда послышался плеск воды, а потом снова появилась перед ним. Черная прозрачная блузка на тонких бретельках едва прикрывала грудь и живот. Худые ноги были затянуты черными чулками. А между блузкой и подвязками было нечто такое, от чего он сначала рассмеялся, а потом вдруг зарычал, как зверь. Он увидел белые полупрозрачные панталоны с кружевами. Такие он раньше замечал только на девочках из кордебалета, и все удивлялся, неужели эти кружева кого-нибудь могут возбудить. Оказалось, могут. Особенно, когда они подрагивают прямо перед твоим носом.

— Ты будешь послушным мальчиком? — спросила она, садясь в кресло напротив и закинув ногу на ногу. — Я не хочу, чтобы наутро вся кожа была в синяках и царапинах. Ты же не будешь вести себя, как пьяный медведь?

— Разве я пьяный? — хрипло спросил он, не узнавая своего голоса.

— Джек сказал, что ты приехал навестить своего друга, который сидит в тюрьме. Это правда?

— Да.

Зря она заговорила о Майвисе... Хотя нет, не зря. А очень даже кстати.

— Что такого натворил твой приятель?

— Ничего. Его схватили по ошибке. Я хочу его вытащить. Берта.... Это немецкое имя. Ты немка?

— Дурачок. Это не имя, а кличка. Меня зовут Мелани, Мелли. Как тебе больше нравится?

— Милли.

— Хорошо, называй меня Милли. Если ты хочешь вытащить друга из тюрьмы, надо идти к судье. Он милый старик, но иногда бывает ужасно вредным. Представляешь, он хотел закрыть наше заведение. Хорошо, что Мартин вступился.

Она двумя руками подняла вверх свои длинные черные волосы.

— Как я хочу сделать высокую прическу, чтобы шея была открыта. У меня красивая шея?

— Бесподобная.

— Я бы хотела открыть всю шею, и оставить на ней только нитку жемчуга. Но настоящий жемчуг трудно найти. Что еще у меня красивого?

Волосы снова упали на ее плечи. Она перекинула ногу через подлокотник, и Гончар опять устался на панталоны. Сквозь тонкое полотно темнел лобок.

— У тебя красивые ноги.

— Не слишком красивые. Бюст лучше.

Она приспустила блузку, чтобы он смог убедиться в этом.

— А если судья не отпустит твоего друга, что тогда?

— Отпустит ...

— Ты не хочешь меня поцеловать для начала?

— Для начала...

Наверно, она что-то поняла. Соединила колени и поправила блузку, закрыв грудь.

— Значит, Милли... Тебе нравится это имя? Кого-то так зовут?

— Да. Кого-то.

— Она лучше меня?

— Нет. Просто... Она моя невеста.

Берта захлопала в ладоши.

— Ты готовишься к свадьбе? Джек мне ничего не сказал! Ну, это же совсем другое дело! Значит, ты хочешь устроить мальчишник?

Он встал, прошелся по номеру, открыл вино. Осушил бокал, не чувствуя вкуса.

— Нет. Я хочу ее найти. Ты позволишь мне остаться у тебя на ночь? Не хочу возвращаться в отель.

— Ага, — понимающе протянула Берта. — У нас ничего не будет? Ты это хочешь сказать? Ничего-ничего? Совсем ничего?

— Совсем ничего. Ты не обижайся, но...

— Дурачок! — Она вытянула из-под подушки ночную рубашку и снова юркнула за дверь ванной. — А где же ты будешь спать?

— Посижу в кресле. Не привыкать.

— Ой, неужели я сегодня выплусь...

Она сопела в кровати, как ребенок. А он дремал в кресле. Среди ночи его разбудил какой-то знакомый звук. Степан приподнял голову. Что это было?

В коридоре слышались удаляющиеся шаги.

— А, что? — сонно спросила Берта.

— Ты ничего не слышала?

— Нет. Спи, мой сладкий.

Так что это было? Он подошел к двери, приоткрыл ее и выглянул в коридор. Кто-то спускался по лестнице. И вот этот звук раздался снова. Гитара. Кто-то нес гитару и настраивал ее на ходу.

Снизу слышались голоса и смех.

— А вот и Томми!

— Тише вы, черти! Будете шуметь, разгоню всех к чертовой матери.

— Не заводись, Мушкет. Томми, давай ту, про машиниста!

— Нет, пусть споет «Дикую Розу»!

Степан вышел на лестницу и остановился, скрываясь за портьерами. Внизу несколько мужчин и женщин собрались вокруг дивана, на котором важно восседали его недавние попутчики — налетчик Мушкет и рядовой Хопкинс. Впрочем, никто бы не узнал вчерашнего дезертира в этом щеголе с гитарой. Синий пиджак с золотыми пуговицами, алая жилетка, белые брюки — и где только они раздобыли свои наряды? «Парни не теряли время даром», — подумал Гончар.

Налетчик, в полосатом костюме и белых штиблетах, поднял над головой руку с длинной сигарой:

— Леди и джентльмены, попрошу всех заткнуться. Что-то я не заметил, чтобы на входе продавались билеты на концерт. Поэтому Томми будет петь то, что сам захочет. А он хочет спеть «Одинокий Дом». Верно, братишка?

— Верно, братишка, — словно эхо отозвался Томми, устраивая гитару на колене.

Его пальцы пробежались по струнам, и первый гулкий аккорд наполнил тишину ночи.

— *«Ухожу я, мама, забудь обо мне...»* — неожиданно низким голосом пропел Томми.

Гончар застыл, вцепившись в перила лестницы. Он вспомнил, как покидал Эшфорд. Тогда у него за спиной звучала эта песня. С тех пор, кажется, миновали годы. А ведь это было всего лишь прошлым летом.

Он вернулся в номер, но оставил дверь приоткрытой, и до глубокой ночи слушал негромкую гитару и хриловатый басок. К утру гости разошлись по номерам, и Томми прошел по коридору. Он был не один — Гончар слышал шуршание платья и сдавленный женский смех.

«Вот так соседи, — подумал Степан. — Кажется, Мушкет нашел в Ледвилле надежных парней, на которых так рассчитывал. А я вот пока никого не нашел. Ни Майвиса, ни Милли.

Я ничего не нашел, только потерял время».

34. Проповедь на эшафоте

— Джек ждет тебя внизу, — сказала Берта. — Говорит, если ты можешь ходить, то спустись. А если не можешь, то черт с тобой.

— Он так и сказал? Довольно странно слышать это от священника.

— Вот такой он священник. А что? Мы его любим как раз за это. За то, что он такой же, как мы. Так ты идешь?

— Да, конечно, только умоюсь. А ты?

— Я еще поваляюсь. Не могу вставать в такую рань.

Она скинула халат и снова забралась в постель. Степан попытался погладить ее по щеке, но Берта отвернулась и спряталась под одеяло.

— Не смотри на меня, я сейчас страшная, как смерть. Боюсь к зеркалу подойти. Иди, иди. Увидимся вечером. Может быть.

«Ты и вправду страшенькая, — подумал Гончар. — И при этом страшно милая. В тебя трудно влюбиться, и невозможно не полюбить. Прощай, девчонка». Он точно знал, что больше никогда не увидит ее.

Джек Тандерс сидел один в пустом холле за столом, читая газету. На нем снова был монашеский плащ.

— Не спрашиваю, как ты себя чувствуешь. Во-первых, это не мое дело, а во-вторых, это и так видно. Твои планы не изменились?

— Нет.

— Значит, сейчас мы из этого заведения перейдем в другое, не столь веселое.

— Мне не надо переодеться?

— Нет. Хватит с Мартина и одного святоши. Имей в виду, мы идем туда с весьма серьезной миссией. Я буду читать проповедь заключенным. А ты найдешь среди них своего приятеля, и вы сможете перекинуться парой слов.

— Как? Меня пустят за решетку?

— Да нет, все гораздо проще. Во время моего выступления ты будешь ходить по рядам, раздавать подарки и молитвенники, записывать пожелания. Тебе никто не мешает присесть рядом с каким-нибудь узником, выслушать его исповедь. Только пусть он исповедуется шепотом. Терпеть не могу, когда в аудитории кто-то бубнит. Ты все понял, брат мой?

— Понял вас, отец Джекоб.

— Чувствую, у нас будет неплохой дуэт. Кстати, через неделю я отправляюсь в Техас. Не составишь мне компанию? погоди, не торопись отвечать. Я знаю, что у тебя тысяча разных важных дел, как и у всех нас. Но почему бы не подумать над тысяча первым делом? Это несложно — сопровождать слепого проповедника. Кормежка и крыша над головой нам обеспечены. Из Техаса мы отправимся в Аризону, а оттуда — в Калифорнию. Через какое-то время ты вернешься в Колорадо совсем другим человеком.

— Зачем возвращаться в Колорадо? — Степан пожал плечами. — Сказать по правде, я сам собирался в Калифорнию. Но только не верхом. Не знаю, как тебе, а мне просто стыдно делать пятьдесят миль в сутки, когда можно лететь со скоростью шестьдесят миль в час.

— Понимаю, ты торопишься. Но чтобы стать другим человеком, нужно время.

— Да с чего ты взял, что мне надо стать другим?

— Сам не знаю, — усмехнулся Тандерс. — Но разве это плохо — полностью обновиться? Начать жизнь заново? Во всяком случае, подумай над моими словами. А сейчас — поторопимся туда, куда не следует спешить.

Заключенные собрались в тюремном дворе. Они сидели рядами на земле, а в углах двора стояли несколько охранников с винтовками наготове. Не слишком благодатная атмосфера. Однако преподобного Тандерса трудно было смутить. Встав на помост под

перекладиной, он глянул вверх и перекрестился.

— Я вижу, след от веревки довольно старый. Значит, здесь давно никого не подвешивали. Это приятная новость. Но у меня для вас есть еще пара новостей. Одна хорошая, вторая — не очень. Начну с добрых известий. Недавно я получил очередное подтверждение того, что Бог — есть. Не будем углубляться в подробности. Просто примите к сведению. Бог есть. Именно он создал этот мир, и миллионы других миров, видимых и невидимых. И именно он создал человека и, проявив неосторожность, наделил его душой. Теперь вторая новость. Душа бессмертна. Да, джентльмены, душа бессмертна и неистребима. Мои слова могли бы подтвердить все те, кто когда-то восходил на этот помост по ступеням, а покидал его с помощью веревки. Но они сейчас слишком заняты, чтобы вспомнить о нас. Не будем корить их за это. Когда придет время, всем нам тоже будет не до тех несчастных, кто остался на земле. Поверьте, чистка души, запятнанной грехами — занятие долгое и утомительное. У многих на эту работу уйдет целая вечность, и не одна.

Думаю, джентльмены, вам не раз приходилось слышать от разных религиозных профессионалов, что потусторонний мир разделен на две части. На ад и рай. Если вам еще раз придется услышать нечто подобное, смело плюньте в глаза тому, кто это скажет. Не далее как в прошлом году я сам побывал в раю, и, как видите, мне не составило труда вернуться оттуда. Да, я был на берегах Евфрата, и своими глазами видел то, что осталось от рая. Ничего не осталось. Ни пышных садов, ни прекрасных зверей и птиц, ничего. Кто же разорил этот цветущий уголок земли? Сами знаете, кто. Это сделал человек. Бог нанял его на не слишком трудную работу — ухаживать за раем. Он подарил ему женщину. Он дал ему руки, ноги и другие органы, чтобы наслаждаться жизнью, свободой и любовью. И какое-то время человек исправно выполнял условия контракта. Если помните, там был один пункт, набранный мелким шрифтом. Не жрать плодов с одного-единственного дерева. Как я сейчас понимаю, Творец вставил этот параграф, чтобы человек научился управлять собой с помощью волшебного слова «нельзя». Ведь только этим мы и отличаемся от братьев наших меньших. Муравьи и пчелы — отличные строители, волки — прекрасные охотники, и даже ничтожная муха превосходит нас в умении летать: мы тоже неплохо летаем, но только в одном направлении, вниз. Итак, звери превосходят нас по всем статьям. Так почему же именно нас, таких слабых и неприспособленных, Бог назначил на главнейшую должность? Потому что мы знаем, что можно, а что нельзя. Знал это и первый человек. Причем он получил инструкцию непосредственно от Творца.

Кстати, вот почему мы считаем главным грешником все-таки Адама, а не Еву. С женщины какой спрос? «Мало ли что выдумает муж», думала она. Муж для нее — не авторитет. Вот змеюка поганая, которая вдруг заговорила человеческим голосом — это авторитет. А почему? Потому что для нас авторитетно только то мнение, которое совпадает с нашим. А Еве хотелось попробовать все, что встречалось ей в райском саду. Так что слова змия только подтолкнули ее к рискованному шагу, а вовсе не стали главной причиной грехопадения. Итак, она вкусила сама и угостила мужа. С этой точки начинается отсчет истории человечества. Потому что, сожрав это несчастное яблоко, Адам сделал важное открытие. Во-первых, яблоко оказалось вовсе не таким и вкусным, как расписывала Ева. А во-вторых, и это гораздо важнее — Адам нарушил запрет, и ничего не случилось! Его не поразила молния, и земля не разверзлась под его ногами! Человек подумал, что слово «нельзя» — это всего лишь слово, сотрясение воздуха! Нет больше никаких запретов, все дозволено! Однако Адама ждало еще одно открытие. Преступление влечет за собой наказание. Говоря другими словами, за все приходится платить. И он заплатил за одно-единственное надкушенное яблочко страданиями всех своих потомков, то есть нашими страданиями, джентльмены...

Стоя у помоста рядом с шерифом Дагганом, Гончар вглядывался в хмурые изможденные лица узников, пытаясь разглядеть Майвиса среди них. Но отсюда ему были видны только два передних ряда. Он с нетерпением дожидался момента, когда Танدرس пошлет его раздавать брошюры. Красная Птица, несомненно, уже заметил друга, но не

хочет выдавать себя. Возможно, он скрыл от тюремщиков свое настоящее имя, чтобы не подставить родственников и друзей. Здесь, в Ледвилле, его никто не знает. В чем его могут обвинять? В том, что на его фургоне индейцы увезли белую девушку? Шайен не станет врать и выкручиваться. Но и правды не скажет. Он будет просто молчать.

А преподобный Тандерс продолжал изобличать человеческую породу. Наделенные свободой воли, люди почему-то упрямо становились на путь порока, отвергая добродетель. Отец Джекоб говорил о грехе не только со знанием дела, но и с неподдельной болью в голосе. Можно было подумать, что он принимал непосредственное участие в создании человека, и теперь его страшно огорчало несовершенство изделия. Тандерс привел множество примеров, когда компания-производитель пыталась хоть как-то поправить положение. Например, путем уничтожения целых партий продукции, как в случае Содомы и Гоморры. Не помогло. Безуспешной оказалась также попытка начать все с нулевого цикла, устроив всемирный потоп. Как известно, потомки уцелевшего Ноя недолго помнили об оказанном им высоком доверии. Вместо того, чтобы расселяться по очищенной и неустроенной земле, они скучковались в комфортном Вавилоне, да еще принялись возводить башню, посредством которой пытались установить контакт с небожителями. Пришлось снова устроить им встряску, чтобы знали свое место. Когда же Творец убедился, что массовые мероприятия неэффективны, Он перешел к индивидуальной работе.

— Вы думаете, Богу так уж приятно было спускаться на землю? — вопрошал Тандерс угрюмую аудиторию. — Сами видите, в какой компании Он оказался. Но в том-то и дело, что Отец наш любит всех, и великих, и самых ничтожных. С любовью пришел Он к нам, чтобы достучаться до каждого в отдельности. А мы? А мы распяли Его на кресте. Потому что Он мешал нашему бизнесу. Помните, с чего все началось?

Рыбаки попросили Иисуса о помощи, и Он помог им. Не знаю, щелкнул ли Христос пальцами или стукнул посохом о землю — но Эндрю, Саймон, Джек и Джон вытянули из моря полный невод. Да они в жизни не видали столько рыбы в одной сети! И что же? Они побежали с ней на рынок? Заработали кучу денег? Накупили тряпок своим женщинам или устроили пир? Нет. Они бросили рыбу на берегу и отправились бродить по миру, чтобы через несколько лет умереть мученической смертью. Вот вам первый пример, как вера мешает бизнесу.

Идем дальше. Христос разогнал торговцев, которые заполнили своими прилавками и лотками все пространство храма. Я представляю, какие взятки пришлось давать, чтобы установить свою торговую точку на таком бойком месте. И что теперь? Снова пристраиваться со своим товаром где-то на обочине? Нет, торгаши пошли другим путем. Они устранили опасного смутьяна, причем сделали все чисто по закону. Конечно, если бы сейчас провести расследование тех событий, да копнуть поглубже, наверняка всплыли бы интересные факты. Скажем, о доле участия судей в храмовом рынке. Или еще что-то в этом роде, о чем мы и в наше время слышим чуть ли не каждый день, когда разбираем различные аферы. Так что же, спросите вы меня, получается, что вера мешает прибыли, а грех помогает в бизнесе? Да, так и есть. Тогда вы спросите — следовательно, грех непобедим? И да, и нет. Да, грех непобедим в этом мире греха. И нет, мы можем одержать над ним победу, если отринем его вместе с миром. Как же можно прожить вне мира, спросите вы меня? И я отвечу: создайте свой мир. Невидимый. Образуй свой собственный штат, состоящий из одного-единственного жителя. Пусть его границей станет все, чего ты можешь коснуться, не сходя с места. И пусть Слово Божье станет единственной конституцией твоего штата. Брат Стивен, раздай эти скромные книжки. Читайте и перечитывайте их, братья мои. Кто не умеет читать, научись у соседа. Кто умеет, научи других. Читайте и запоминайте.

Шериф Дагган слегка подтолкнул Степана:

— Что, заслушался? Иди, ищи своего друга. Скажи ему, чтоб задержался, когда народ будет расползаться по камерам. У вас будет время поговорить без свидетелей.

Гончар пошел между рядами. Кто-то протягивал к нему руки, кто-то отворачивался. Он

прошел первый ряд, второй, третий, брошюрок в стопке становилось все меньше, но среди заключенных не было Майвиса. «Наверно, индейцев держат отдельно, — догадался Степан. — Ну да, они ведь дикари. Слово Божье на них не распространяется».

Вернувшись к помосту, он спросил у шерифа:

— Мартин, здесь собрались все? Я не нашел того, кого искал.

— Значит, его здесь и не было, — равнодушно ответил Дагган. — Ты должен радоваться. Я бы обрадовался, если б узнал, что мой друг не попал в тюрьму Ледвилла.

— Мой друг — шайен.

— Ага, вот оно что, — протянул шериф, и перестал улыбаться. — Так бы сразу и сказал. Сидели у меня шестеро краснокожих. Парни отловили их во время облавы. Но ты опоздал, Стивен. Теперь ищи своего друга не здесь. Индейцев переправили в Форт-Робинсон. Их там всех собирают. Черт, что же ты вчера не пришел? Я их только сегодня на рассвете отправил на станцию.

— Ничего страшного. — Гончар заставил себя беззаботно улыбнуться. — Сказать по правде, он мне совсем не друг. Обычный дикарь, у которого мне надо было кое-что выпытать. Жалко, что я его упустил.

— Можешь догнать. — Лицо Даггана быстро избавилось от неприязненной маски. — Пока они доберутся до станции, да пока дождутся поезда. А «Горный экспресс» пойдет на Форт Робинсон только завтра.

— Да ладно, — махнул рукой Степан. — Не стоит и дергаться.

— Что, за юбку зацепился? — Шериф подмигнул и хлопнул его по плечу. — Не вздумай прихватить Берту с собой в Техас. За тобой отправится погоня покруче, чем за профессорской дочкой.

Дагган расхохотался и направился к тюремщикам, а Степан остался стоять у помоста.

«Ты научился читать знаки, — сказал он себе. — Но до тебя слишком поздно доходит их смысл. Ты стоял рядом с Майвисом. Оставалось только протянуть ему руку. Но вместо этого...»

Он похлопал себя по карманам в поисках курева.

— Как тебе моя лекция? — спросил Танدرس, протягивая ему сигару. — Жалко, ты не слышал меня вчера в негритянском собрании. Берта, конечно, тоже многому могла тебя научить. Но ее уроки бесполезны, если ты собираешься жить вечно. А я даю научно обоснованные рекомендации. Я лучший проводник на пути в бессмертие.

Он чиркнул спичкой по засаленному рукаву плаща и поднес огонь Степану.

— Ты так и не нашел своего друга?

— Его здесь нет.

— Обидно. Я так старался. По воскресеньям в тюрьму приходит методистский пастор, а по средам и пятницам — пресвитерианский. Заглядывают и другие мастера разговорного жанра. А потом появляюсь я, и свожу на нет все их усилия. Они стараются переманить парней под свои знамена, а я, наоборот, заставляю их думать своей головой. «Имей мужество пользоваться собственным умом», как говорил один мой приятель-немец. Ты сам-то в какую церковь ходишь?

— Ни в какую.

— Вот и я тоже. Ходить надо не в церковь, а к Богу.

К тюремным воротам подкатила открытая бричка. Степан машинально забрался в нее и сел рядом с Тандерсом. Он плохо слышал, о чем еще говорил преподобный, и очнулся только тогда, когда экипаж остановился.

— Я обещал Натали привести тебя на обед. Ты ведь так и не выпил чашечку кофе. Она обидится.

— Натали? — Гончар поднял голову. — Джек, мне надо ехать дальше. И немедленно. Давай в отель.

— Ну вот, ты опять за свое. Что за спешка?

— Далеко отсюда до железной дороги?

— Если напрямик, то до станции миль тридцать. А в обход все пятьдесят. Далеко собрался? Может быть, для начала ознакомишься с расписанием?

— На станции ознакомлюсь.

— Стивен, торопливость и быстрота — разные вещи. У меня тоже такое случалось. Кажется, что надо лететь куда-то сломя голову. Прилетаешь — а, оказывается, пролетел мимо. Давай сначала все обсудим. Может быть, ты воспользуешься моим советом, и тогда... — Тандерс, стоя на подножке, потянул Степана за рукав. — Не упрямясь, обсудим все за обедом.

— Эй, братишка! — послышался резкий окрик. — Чего от тебя хочет этот юродивый?

Гончар оглянулся и увидел Мушкет. Тот стоял на панели, сунув руки в карманы полосатых брюк, и покачивался с пятки на носок. В углу рта дымилась сигара, шляпа немыслимым образом держалась на самом затылке, и весь вид налетчика говорил о том, что ему сейчас не очень весело, потому что слишком весело было вчера.

И тут Степану все стало ясно. Он словно вырвался из темной подворотни на ярко освещенную улицу. Как там говорил Бизон? «Ты должен видеть следы тех, кто еще не прошел». Он видел их, эти следы.

Начать жизнь заново? Он начал ее с того момента, когда пуля Штерна пригвоздила его к заплеванному полу салуна. С тех пор перед ним открывались разные двери, но он только заглядывал за них, не переступая порог. Он мог бы всю жизнь кочевать с индейцами. Мог бы бродить с Тандерсом по стране — с таким попутчиком можно исходить не только Америку, но и весь земной шар, а что может быть лучше, чем провести остаток жизни в путешествиях? Лучше этого, наверно, только домик в уютной долине, в котором можно спокойно жить с любимой женщиной, растить сыновей, дочерей, внуков... Он мог остаться с князем Салтыковым в русской деревне. Эх, еще как мог! Но все это было бы продолжением старой жизни. Стивен Питерс из Эшфорда мог бы стать отличным хозяином. Пахать землю, растить скот, строить, торговать... Но его убили.

«Я честно пытался вписаться в эту систему, — подумал Степан Гончар. — Не воровал, не обманывал, не предавал. Что мы имеем в результате? Я оказался вне закона. Что ж, тем хуже для закона».

— Привет, братишка! — он перемахнул через бортик пролетки и хлопнул Мушкету по плечу. — Тебя и не узнать в таком прикиде. Знакомься, это Джек. Он свой парень. Джек, это...

— Мэйсон Ванденберг, фармацевт, — представился Мушкет.

— Нам не мешало бы отметить встречу, как ты думаешь?

— Чего тут думать!

Джек Тандерс с любопытством разглядывал нового знакомого.

— Я угощаю, — заявил он. — Возражения не принимаются. Давно мечтал поговорить с настоящим фармацевтом.

35. Экспрессы иногда задерживаются

Степан примчался на станцию, когда паровоз уже цепляли к составу. Он едва успел завести жеребца в вагон-конюшню, и остался там, потому что поезд уже тронулся.

Лежа на сене в углу вагона, он грыз галеты и смотрел в зарешеченное окошко. Через щели между досками пробивались лучи света, в которых кружились золотые пылинки. Лошади перетаптывались в стойлах, звенели крепежные цепи, ровно гудели рельсы. Состав двигался медленно, одолевая очередной подъем. Вся дорога и будет состоять из подъемов и спусков до самой водокачки. Там паровоз заправится водой из цистерны. Зимой в этом самом месте «Горный экспресс» был ограблен. Пока кочегары возились со шлангом, бандиты отцепили паровоз и заставили машиниста отогнать его вперед. Потом взорвали сейф в почтовом вагоне, погрузились с добычей на паровоз и укатили, а пассажиры еще долго боялись высунуть нос. С тех пор, подъезжая к водокачке, машинисты давали длинный

гудок, и все вооруженные пассажиры становились у открытых окон, выставив стволы наружу, готовые немедленно дать сокрушительный отпор.

Фармацевт Мэйсон Ванденберг, возможно, и не отличал хлористый натрий от цианистого калия. Но зато он знал каждую шпалу на линии Колорадо-Вайоминг. Мушкет авторитетно заявил, что ни до водокачки, ни после нее до самой узловой станции не будет места, где состав можно остановить. Рельсы были проложены в узком ущелье. К ним не подступишься ни с какой стороны, не выкатишь поперек насыпи телегу, не устроишь приличный завал. Нет, поезд надо брать только на водокачке. С боем, нагло. Пассажиры смелы только на словах, они попрячутся под лавки с первыми же выстрелами. А охрана? Что ж, им тоже нет смысла подставлять лоб. Свое жалованье они все равно получают, но только если останутся в живых.

Степан Гончар уважал мнение специалиста, тем более, что сам он поезда никогда не грабил. Но в отличие от Мушкета, в детстве Степан много читал, и самыми любимыми его книжками были те, в которых рассказывалось о партизанах. Полесье и Карпаты не слишком сильно отличаются от Скалистых гор, а эшелоны с фашистами охранялись посерьезнее, чем «Горный экспресс». Когда Гончар поделился с «фармацевтом» некоторыми рецептами народных мстителей, Мушкет надолго замолчал, а потом горько изрек: «Братишка, где же ты шатался все эти годы?»

Поезд начал разгоняться на спуске, и вагон стал раскачиваться сильнее. Лошади беспокойно всхрапывали. Гончар, хватаясь за перегородку, подошел к вороному. Жеребец гулко ударил копытом по дощатому полу.

— Что поделать, мне тоже не нравится в этой тюрьме, — сказал ему Степан. — Но мы с тобой, по крайней мере, оказались тут по своей воле. А моего брата везут под конвоем. Наверно, в таком же вагоне, как этот.

В составе было только два пассажирских вагона — пульман и «третий класс». Между ними находился почтовый, с опломбированными дверями, а замыкали поезд четыре скотовозки. На станции Гончар успел разглядеть солдат за раздвинутыми дверями последнего вагона. Они валялись на сене, передавая по кругу бутылку. «Надеюсь, у них достаточно выпивки, чтобы как следует отметить поездку», — подумал он.

Гончар скормил вороному остатки галет и снова устроился возле окошка, за которым мелькала зеленая стена леса.

Если Мушкет сделает все правильно, поезд остановится. А если нет?

Он извлек из поясной кобуры старый кольт, подарок Белого Ножа. Прокрутил барабан, разглядывая блестящие доньшки патронов. Осечки не будет. И каждая пуля ляжет в цель. Если для того, чтобы освободить Майвиса, придется перебить всю охрану — что ж, тем хуже для охраны. В конце концов, солдаты должны уметь не только убивать, но и гибнуть.

Он долго пытался заснуть, до самой ночи. Но задремал только за минуту до того, как по стенам ущелья раскатился протяжный гудок паровоза.

Поезд остановился у водокачки. Локомотив устало отдувался, кто-то перекрикивался в голове состава. Степан с удовлетворением отметил, что в задних вагонах царила тишина. Немного отодвинув дверь, он выглянул наружу. Свет, падавший из окон пассажирских вагонов, желтыми пятнами лежал на насыпи. Кондуктор, с фонарем в одной руке и винчестером в другой, пробежался вдоль состава.

— Не выходить, не выходить, джентльмены! Сейчас отправляемся!

Он остановился возле последнего вагона и ударил по стене прикладом.

— Эй вы, герои! Живы? Подайте хоть голос, если морду боитесь показать!

В ответ прозвучала пьяная бессвязная ругань. Кондуктор махнул рукой и потрусил обратно к локомотиву.

«Все идет по плану, — подумал Степан. — Дело за Мушкетом».

Когда поезд тронулся и снова углубился в ущелье, Гончар вылез на крышу вагона. Впереди из широкой трубы локомотива вырывались снопы искр, и клочья дыма неслись навстречу Степану. «Что-то мы слишком сильно разогнались, — с беспокойством подумал

он. — Как бы не проскочить подъем с ходу. Да нет, ловушка должна сработать. А если не сработает? Все равно. Поезд сбросит скорость, и Мушкет с командой успеет забраться на ходу. А уж уговорить машинистов он сумеет».

За машинистов отвечал Мушкет, а за охрану — Гончар. Поэтому он, не теряя времени, перебрался на крышу последнего вагона и закрепил веревку. Обвязав ее вокруг пояса, Степан осторожно, стараясь не шуметь, спустился по стенке вагона к дверям. Они были приоткрыты, из вагона несло запахом сена, перегара и пота. Ему стоило немалых трудов ухватиться за скобу и задвинуть створку двери. Когда же он начал опускать засов, вагон качнуло, и железный зуб с лязгом опустился в гнездо. Степан прислушался. Нет, все тихо. Солдаты и не заметили, как оказались запертыми.

Он не стал подниматься наверх, и остался висеть на веревке, упираясь каблуками в стену. Холодный ветер обдувал лицо, руки быстро застыли, и он спрятал правую руку под мышку, чтобы пальцы не окоченели. Вот поезд снова замедлил ход. Начинался подъем. Последний подъем на этом пути.

Состав шел все медленнее и медленнее. Впереди заскрежетали колеса. Лязгнула сцепка, и поезд остановился. Паровоз шипел, стреляя паром, но не двигался с места. «Сработало!» — едва не закричал Гончар.

Поезд дернулся и с лязгом и скрежетом начал понемногу откатываться вниз. Неожиданно впереди раздался страшный грохот, и все тело состава передернуло судорога. Последний вагон качнуло с такой силой, что Степан сорвался с узкой опоры. Веревка больно врезалась в грудь. Его изрядно встряхнуло, он врезался плечом в стенку, но все же удержался на вагоне.

И тут ночную темноту разорвали вспышки выстрелов. Поднялся такой грохот, что не стало слышно даже шипения паровоза. Но и пальбу заглушили новые звуки, от которых даже Степана охватил озноб. То был боевой клич индейцев.

— Всем лечь на пол! — заорал в темноте Мушкет. — Не дергаться! Кому дорога шкура, бросай оружие!

Зазвенели разбитые окна. Коротко вскрикнула женщина. Паровозный гудок на секунду заглушил все, но тут же оборвался.

Гончар распустил узел и спрыгнул на землю. По насыпи бегали налетчики, стреляя в воздух и дико завывая. Кричали они, как настоящие сиу.

В последнем вагоне послышалась возня. Степан пальнул по нему и крикнул:

— Сидите тихо! Вас не тронут!

К нему подбежал Мушкет.

— Волк, ты здесь? Братишка, все получилось! Паровоз сошел с рельсов! Как у тебя?

— Все нормально. Охрана заперта. Сбивай замки со скотовозок.

— Некогда! — бросил Мушкет. — Я буду в почтовом! Там какие-то придурки, человеческого языка не понимают. Пойду объясню им. Сам тут разберись!

Он хотел найти где-нибудь фонарь, но вдруг понял, что ему не нужен свет. Его окружала темнота, но глаза выхватывали из нее все, что нужно. Вот отличный булыжник. Вот засов. Он с размаху одним ударом сбил замок.

— Майвис! Вылезай, приехали!

Гончар забрался в вагон и увидел индейцев. Они сидели на полу, и цепи тянулись от их рук к железному стержню вдоль стены, к которому обычно привязывали скотину. Степан сразу увидел, что Майвиса среди них не было. Он выхватил кольт и парой выстрелов расщепил брус, к которому крепился стержень, а потом, поднатужившись, оторвал его от стены. Индейцы вскочили на ноги, и через минуту уже выпрыгивали из вагона вслед за Степаном. Цепи волочились по гальке, но избавляться от них было некогда.

— Где Красная Птица? — крикнул Гончар по-шайенски. — Он был с вами!

— Какой-то шайен был с нами в тюрьме. Но его везут в другом вагоне. Он едет с белыми.

— Бегите вперед по рельсам, — приказал он.

- Возьмем солдатских лошадей, они в соседнем вагоне!
- Ладно, берите, только не трогайте вороного жеребца, он мой.
- Кто ты?
- Я брат Красной Птицы. Берите лошадей и уходите, быстрее!

Он побежал к пассажирским вагонам. В их окнах снова зажегся свет, и на занавесках мелькали тени.

— Мистер Волк, мистер Волк! — Томми вынырнул из-под вагона. — В третьем классе пусто! Все набились в спальный вагон, там сейчас весело!

— Мушкет в спальном?

— В почтовом! Он возится с сейфом. Идемте чистить пассажиров, ребята без вас не справятся!

Степан вошел в вагон и увидел стоящих вдоль прохода полуодетых людей. Мужчины тянули кверху руки, женщины кутались в простыни и одеяла. Один из налетчиков шел вдоль ряда, снимая с пассажиров кольца и серьги и сбрасывая их в сумку, которую нес за ним второй грабитель. Они оба были в масках.

Гончару хотелось поскорее закончить с этим грязным делом, и он крикнул:

— Всё, уходим!

— Чего ради? — обернулся к нему тот, кто нес сумку. — Мы еще полки не обшарили.

— Этим я займусь, — весело крикнул Томми.

Гончар еще раз оглядел пассажиров, пройдя через вагон, но Майвиса здесь не было.

— Вот так встреча! — услышал он знакомый голос.

Степан не сразу узнал Фредерика Штерна. Одеваясь, тот успел накинуть сюртук на голые плечи, а снизу его прикрывали только полосатые пижамные штаны.

Кровь ударила в голову, и Гончар вскинул револьвер. Штерн скрестил руки на груди и с вызовом смотрел на него.

— Ловко же ты всех провел, Стивен Питерс! — Прищуренные глаза сочились ненавистью. — Жаль, мне не дали тебя добить.

— Стивен Питерс, Стивен Питерс! — зашептались пассажиры. — О Боже Всемогущий, теперь нам не уйти отсюда живыми!

— Тише! — прикрикнул Гончар. — Штерн, ты умеешь молиться?

— Когда-то умел. Но давно бросил это бесполезное занятие. Питерс, не ломай комедию. Стреляй. Не забудь прихватить мои часы, они когда-то стоили полсотни.

«Почему я не выстрелил сразу? — с досадой подумал Степан. — Не пришлось бы с ним говорить. А теперь он, как видно, опять ускользнет. Да и черт с ним. Как он здесь оказался? Неужели они с профессором опередили меня? Значит, Майвис все-таки где-то здесь, с ними!»

— Где Фарбер?

— В почтовом. У него ценный груз.

Степан оттолкнул его и кинулся к выходу.

— Эй, Питерс! — крикнул Штерн вдогонку. — Лучше убей меня сегодня! Этот твой последний шанс!

— Сам сдохнешь, — огрызнулся Гончар, ногой открывая дверь почтового вагона.

«Ну, наконец-то! — от радости у Степана перехватило дыхание. — Вот ты где!»

Майвис Красная Птица стоял у стены, широко раскинув руки. Гончар не сразу понял, что шайен прикован. Его голая грудь была исполосована красными следами хлыста. Голова низко склонилась к плечу, и черные волосы закрывали лицо.

— Майвис?

— Да жив он, жив, — сказал Мушкет, не отворачиваясь от сейфа, перед которым стоял на коленях. — Просто опять вырубился. Где ты шатаешься, Волк? Давай, отстегивай приятеля, я уже скоро закончу. Вот черт, опять проскочил! Как там дела у Томми? Ты ему напомнил про носки? Эти сволочи так и норовят припрятать самые ценные вещи именно в носки. Я однажды вытащил оттуда вот такую пачку долларов! Ну и замок! Жалко, нет у меня

динамита!

Гончар перешагнул через трупы охранников и подбежал к Майвису.

— Брат, долго же я искал тебя.

Шайен вздрогнул и поднял лицо.

— А ты никогда не торопился. — Он облизал разбитые губы и открыл глаза. — Ключи у профессора. Не убивай его. Он ни разу не ударил меня. Только кричал. И спрашивал про Милли. Меня били другие. Твой друг застрелил их.

— Мушкет, где ключи!

— Наверно, у того чокнутого деда, что лежит на насыпи. Он хотел убежать, и что мне оставалось? Ты же знаешь, я не стреляю по людям. Только отстреливаюсь. Да не топай ты так! Из-за тебя опять проскочил!

Мушкет все шевелил ключом в скважине и вращал штурвальчик сейфа, приложив ухо к дверце. Гончар прыгнул на насыпь и увидел профессора. Доктор Фарбер сидел, прислонившись плечом к колесу вагона и зажимая руками бок.

— Ключи!

— Я ранен... Позовите врача... Меня надо перевязать, я истекаю кровью...

Не обращая внимания на его стоны, Гончар нашел ключ в кармане Фарбера и вернулся в вагон. Ноги Майвиса подкосились, когда Степан освободил его от цепей. Гончар подхватил его и поволок к выходу.

— Сам дойду... — Шайен попытался оттолкнуть его, но у него не хватило сил. — Постой. У тебя есть вода?

— Есть, все у меня есть, и вода, и еда, и конь для тебя. Только сначала нам надо убраться отсюда побыстрее.

— Готово! — радостно выкрикнул Мушкет. — Волк, наши труды не пропали втуне! Хватай мешок!

— Не могу, руки заняты.

Возле вагонов уже гарцевали индейцы. Лошади тревожно ржали, словно звали на помощь своих прежних хозяев. Вороной жеребец стоял в стороне, беспокойно оглядываясь и взрывая гальку копытом. Гончар подвел к нему Майвиса и помог забраться в седло.

— Уходим, уходим!

— Веди нас, брат, — сказал кто-то из индейцев.

— Куда? Вы забыли дорогу домой?

— У нас больше нет дома. Веди нас.

— Ладно, уходим. Потом разберемся.

Степан ухватился за повод и зашагал по шпалам. Майвис раскачивался в седле, но его руки крепко держались за переднюю луку, и Гончар понял, что шайен не свалится. Да и какой же он будет шайен, если свалится с коня?

36. Каждому свое

Он знал, что Мушкет оставил лошадей где-то неподалеку. Но никогда бы не нашел это место, если бы его жеребец сам не остановился.

Откуда-то послышался короткий свист. Гончар свистнул в ответ.

— Сюда! — раздалось из-за густых зарослей.

Степан раздвинул тяжелые ветви и увидел поляну, скрытую под высокими деревьями.

— Ну как после этого не верить в пользу хорошей молитвы! — Преподобный Танدرس простер руки к небу. — Старик, ты не обманул наших ожиданий.

— Джек, какого черта! — возмутился Гончар. — Ты-то как тут оказался!

— У меня контракт с твоим партнером. Думаешь, я мог упустить такой случай? Все увидеть своими глазами! Как только ты перестал с ним секретничать в своем номере и умчался, я сразу взял Мэйсона в оборот.

— Какого еще Мэйсона?

— Стивен, не понимаю, чем ты недоволен. Все прошло нормально? Вижу, что ты, наконец, увиделся с друзьями. А где наш фармацевт?

— Тащится сзади.

— С добычей?

— Есть немного. Сколько у нас лошадей?

— Двенадцать. По паре на каждого, считая тебя.

Гончар на секунду задумался. Получалось, что поезд ограбили всего четыре налетчика — Мушкет, Томми и двое в масках. Как им удалось поднять столько шума? Да, фармацевт Мэйсон Ванденберг знал толк в своем деле.

— Смываемся! — заорал Мушкет, вваливаясь на поляну. — К утру мы должны быть в Юте!

— С нами новые люди, — сказал Томми. — Надо решить, как быть с ними.

— Чего тут решать? Они получили свободу. Могут двигаться в любую сторону. Только не в Юту.

— А Джек? А Волк?

— Мне нечего делать в Юте, — сказал Степан, садясь на лошадь. — Прощайте, парни.

— С тобой приятно иметь дело, Горящий Волк. — Мушкет перекинул через седло два брезентовых мешка. — Эх, братишка, какие дела мы с тобой могли бы повернуть! Но не спеши прощаться. Как насчет твоей доли? Доедем до берлоги, там все поделим. Ты получишь изрядный кусок, ведь без тебя ...

— Я свое получил, — перебил его Гончар.

— Ну, как знаешь. А ты, Джек?

— И мне ничего не надо. — Тандерс встал рядом с Гончаром. — Только одна просьба. Позволь мне узнать твое настоящее имя.

— Зачем?

— Не могу же я написать в репортаже, что ограбление поезда совершил фармацевт!

— Верно, братишка. Только мы не договаривались, что ты будешь про нас писать. Посмотреть — одно дело, а статью накатать — совсем другое. Ну да черт с тобой, я сегодня добрый. Знай, что меня зовут Стивен Питерс.

— Что? Как?

— Ага, я так и знал, что у тебя глаза на лоб полезут от удивления. Что, сразу передумал писать?

— Наоборот! Я уже вижу, как мальчишки носятся по улицам городов с экстренным выпуском «Чикаго Трибюн». Знаменитый налетчик Стивен Питерс жив и снова в деле! Ограблен «Горный Экспресс»! Бандиты смазали рельсы жиром, чтобы остановить поезд на подъеме! Количество погибших уточняется! Добыча составила двенадцать тысяч долларов!

— Вообще-то восемнадцать, но ты напиши, что десять, — попросил Мушкет. — Пусть ревизоры помучаются, сверяя свои бумажки. Сделаешь, Джек?

— О чем речь!

— Братва! Погнали!

Когда шум отъехавшей банды затих за деревьями, Степан оглядел свой отряд и сказал:

— Утром по всей округе станут рыскать солдаты. Если мы будем держаться вместе, нас легко найдут по следам. Надо расходиться поодиночке.

— Глаз белого не увидит следов, оставленных сию, — сказал один из индейцев. — Скажи, куда ты хочешь, и мы проведем тебя через горы.

— Куда? — он посмотрел на Майвиса. — Брат, я ищу Милли. Где она?

— В Черном лесу.

— Завтра вечером мы будем там, Горящий Волк, — сказал индеец.

— Откуда ты знаешь мое имя?

— Его произнес твой торопливый друг. — Индеец приложил ладонь к груди. — Я — Ваталуз, Быстрый Лось. Со мной воины из семьи Свирепого Пса.

— Шунка Шатон, Дневной Орел.

— Паги, Трава.
— Шонкито, Синий Конь.
— Чонга Мато Ханска, Высокий Волк.

«Сиу, — думал Степан, вглядываясь в их плоские неподвижные лица. — Извечные враги шайенов, а значит, и мои враги. Да к тому же родичи Свирепого Пса, который так жаждал отправить меня в Небесную Долину, но вместо этого сам оказался там».

— Я встречался со Свирепым Псом, — сказал он. — И я много слышал о его братьях.

— Если мы найдем наши семьи, то все сиу услышат о Горящем Волке, — пообещал Ваталуз.

— Одну минуточку, — вмешался Джек Тандерс. — Джентльмены, могу ли я использовать ваши имена в репортаже? Вам это ничем не грозит, ведь вы не участвовали в налете. Наоборот, вы были, если можно так выразиться, среди пассажиров.

— Пиши что хочешь, нам все равно, — сказал Гончар.

— Но как мне быть с именем главного персонажа? Кто из вас настоящий Стивен Питерс?

— Я уже и сам не знаю. Да и какая разница? Там, у поезда, остались раненные. Если можешь, помоги им.

— Помогу. Обязательно помогу. Если и не вылечу, так помолюсь за упокой, — пообещал Тандерс.

— Спасибо. Я твой должник. Правда, не знаю, смогу ли вернуть тебе долг. Прощай.

— погоди, еще пара слов.... — Тандерс улыбнулся. — Хочу, чтобы ты всегда помнил кое-что. Всегда и всюду. Помни это.

— Что?

— Помни: ты не один.

«Да, я не один, — подумал Степан, оглядев индейцев, которые ожидали его команды. — Я не один. Вот оно, мое племя».

Ночной лес медленно расступался перед всадниками. Когда позволяла тропа, Гончар держался рядом с Майвисом. Тот время от времени поднимал голову и просил воды. Сделав пару глотков, он возвращал флягу Степану и снова погружался в полузабытье. Шайен молчал. «Пройдет еще немало времени, прежде чем он сможет все рассказать, — подумал Степан. — А что, собственно, рассказывать? Мне уже все известно. Милли жива, она прячется в Черном лесу. О чем тут говорить? Надо спешить к ней, вот и все».

Ваталуз Быстрый Лось вел их всю ночь. Наверно, он был и в самом деле быстрым, хотя все его движения были неторопливы, аккуратны и бесшумны. Но никто не догнал бы его в лесу, потому что Ваталуз мог двигаться в абсолютной темноте там, где любой обычный человек остановился бы. Временами Гончар не видел ничего, кроме собственных пальцев, сжимающих повод. Он пригибался к шее лошади, чтобы укрыться от невидимых ветвей. В ночной тишине мерно позванивали цепи на руках индейцев.

«На первой же остановке надо избавиться от цепей, — думал Степан. — Вторая задача — раздобыть оружие. Найдем Мелиссу, и будем пробиваться к железной дороге. Остановим поезд, посадим ее и исчезнем. Пусть потом газетчики фантазируют, сочиняют новые мифы. Она приедет в Денвер, поживет там какое-то время, а потом переберется ко мне. Но куда? Неважно. Об этом еще рано думать».

Рассвет застал их на берегу реки, где над камышами клубился густой туман.

— Светает, — Ваталуз обернулся к Степану. — Остановимся здесь. Шонкито осмотрит места вокруг. Может быть, уйдем отсюда днем. Может быть, ночью. В горах много белых, а на реке стоят солдаты. Нам надо искать место для переправы, потому что солдаты охраняют каждый мост.

— Мост? — Гончар спрыгнул на гальку и наклонился над водой, чтобы ополоснуть лицо. — Мост — это как раз то, что нам нужно. Пусть Шонкито найдет его. Сейчас самое подходящее время, чтобы туда наведаться.

Он похлопал Майвиса по колену:

— Брат, хватит спать.
— Я не сплю, — проворчал шайен, тяжело сползая с коня. — Я уже никогда не буду спать. Разучился. Они били меня по ушам каждый раз, как у меня закрывались глаза.
— Не надо было попадаться.
— Больше не попадусь. Я не знал, что опять началась война.
— Война и не кончалась, — заявил Ваталуз. — Она закончится, когда на этой земле останутся только белые.
— Я никогда не воевал против белых, — сказал Майвис.
— Вот поэтому они сильнее нас. Белые не убивают своих. А мы всю жизнь воюем друг с другом.

Быстрый Лось опустил на корточки, разглядывая замок, которым цепь крепилась к запястью.

— Если отрубить большой палец, можно снять.

Паги, толстый индеец в фермерском комбинезоне, встряхнул своей цепью:

— Я не буду рубить палец. Поголодаю еще недельку, кандалы сами спадут. А пока буду ходить, как шаман, с погремушками.

— Далеко не уйдешь, — сказал Шонкито, самый молодой из индейцев, наматывая цепь на руку. — Когда вернусь к своим, меня будут называть Железная Рука. Скажи, Горящий Волк, зачем тебе мост?

— Хочу украсить его вашими цепями.

Индеец кивнул и бесшумно раздвинул камыши, исчезая в тумане.

Майвис сбросил штаны и вошел в реку. Из тумана доносился только легкий плеск, словно там резвилась крупная рыба.

Он вышел из воды и встряхнулся всем телом. Выжал волосы. Порылся в траве под ногами, сорвал несколько листьев, надкусил их и стал водить по ссадинам на груди и плечах.

— Как давно я не мылся... Ох, как хорошо.

— Ты можешь рассказать, что случилось?

— Мы разъехались с Холма Смерти в разные стороны. Горбатый Медведь с воинами двинулся на север, а я хотел проводить Милли до самого Денвера. С нами были сестры. Мы ехали открыто по дороге. Впереди показались люди. Девять всадников. Они увидели нас и свернули в лес. Мне это не понравилось. Я приказал, чтобы твоя жена ехала в середине. Мы приготовили винтовки. Белые начали стрелять, но мы были к этому готовы и сразу повернули обратно. Они погнались за нами. Я и Куница спрятались у дороги. Мы убили лошадей под передними всадниками, и они от нас отстали. Но теперь нам надо было искать другую дорогу.

— Надо было убить их всех, — сказал Ваталуз. — И ехать по той же дороге. Потому что все другие дороги были тоже перекрыты.

— Тогда я этого не знал. На нас снова напали, и мы ушли в горы. Я отправился узнать, что тут у вас творится. Зашел к другу, у которого оставил фургон. Он усадил меня за стол, налил мне кофе и вышел из комнаты. Я понял, что это засада, и выпрыгнул в окно, но там меня ждали четверо. Вот и все, брат.

— Говоришь, они спрашивали тебя о Милли?

— Да. И они, и другие, в Ледвилле. И ее отец. Все они спрашивали одно и то же.

— Что ты им отвечал?

— Я молчал.

— Надо было отправить их в Долину Синего Дыма, — сказал Высокий Волк, самый высокий из индейцев. — Чтоб они там и остались. Или за Змеиные Холмы. Есть много мест на этой земле, где белые гибнут без нашей помощи.

— Ты не понимаешь, — с усмешкой сказал Ваталуз. — Гордый шайен не станет унижаться до обмана. Он лучше сдохнет под пытками и погубит своих сестер. Но не проронит ни слова.

— Да, я молчал, — Майвис искоса глянул на Быстрого Лося. — А за моих сестер не

беспокойся. Куница и Светлая Ива погибли от пуль белых, когда мы отбивались в третий раз. Третий раз был самым тяжелым. Вот когда нам пришлось убить всех, чтобы уйти.

— Ива и Куница погибли? Самые младшие... — вспомнил Гончар.

— Они уже хорошо держали винтовку, — сказал Майвис. — Брат, ты говорил, у тебя есть еда. Нас не кормили в тюрьме.

Уезжая из Ледвилла, Гончар запасся двумя шматками жирного бекона и галетами, и сейчас порадовался своей предусмотрительности. Правда, он рассчитывал растянуть эти припасы дня на три. Теперь придется пересчитать нормы расхода, поскольку на довольствие встали еще пятеро бойцов. Безоружных, голодных и изможденных. Но с ними он был готов брать штурмом любой форт, не то что какой-то несчастный мост.

Шонкито вернулся так же бесшумно, как и ушел. Он молча подсел к камню, на котором была разложена еда, и глянул на Степана.

— Ешь, это все оставили тебе.

— Мост совсем рядом, — индеец отломил маленький кусочек галеты. — Охранники спят в палатке на этом берегу. Один ходит по мосту и свистит. Под деревьями стоят четыре лошади.

— Какое оружие у солдат?

— Я видел «спрингфилд» у часового. Только они не солдаты. Это «красноногие». Седла лошадей украшены скальпами. На одном седле я видел вот это, — он похлопал себя между ног. — Женский скальп. Белые любят такие вещи. Но солдаты так не делают. Им запретили. Это «красноногие». Горящий Волк, я пойду с тобой.

— Нет. Расскажи, как подобраться к мосту.

— Там открытое место. На этом берегу лес, на другом скалы. Дорога открыта на сто шагов в каждую сторону.

— Как же ты подошел к лошадям?

— Туман. Но через час он рассеется. Надо спешить, если ты хочешь перейти мост.

— Да не хочу я его перейти, — сказал Гончар. — Майвис, ты разучился спать. А плавать не разучился?

Часть 5. Солдат

37. Сжигая мосты

Туман разошелся быстрее, чем ожидал Степан. Но это уже не могло ему помешать. Он не собирался прятаться. Выбравшись на дорогу, он свернул к реке.

Когда за деревьями показался желтый бок палатки, он сунул руки в карманы плаща и взвел курки револьверов.

Два мягких щелчка заставили его отбросить посторонние мысли. Сразу стало легче. Так бывает, когда сбросишь сапоги и бежишь по траве босиком...

Нет более разговорчивых собеседников, чем путешественники, вернувшиеся из долгих странствий. Особенно те, кто проделал свой путь в одиночестве. Примерно так же чувствовал себя Гончар после того, как побывал в Ледвилле. Разница была только в том, что ему не с кем было поговорить, вот и приходилось почти непрерывно выслушивать собственный внутренний голос. И не просто выслушивать, а спорить, оправдываться и отвечать на неожиданные вопросы. «Недалеко и до раздвоения личности, — подумал Гончар, и получил в ответ реплику внутреннего голоса: — А неплохо было бы иметь двойника. Для грязной работы. Вот кого можно спокойно послать на мост. Ты-то сам не способен убить спящего.

Я не собираюсь убивать спящих.

Придется. По-другому тебе с четырьмя вооруженными головорезами не справиться. На них придется напасть, пока они спят. Войдешь в палатку и выстрелишь в спящих. Или

предложишь им честный поединок? Тогда зачем ты взял с собой Майвиса и дал ему нож?

Я бы дал ему револьвер, но он слишком изможден. Чтобы нормально стрелять из кольта, нужна даже не твердая рука, а крепкие ноги. Майвиса шатает, как пьяного. Но с ножом-то он справится.

А ты будешь стрелять в спящих. Это несложно, ведь они неподвижны. Прекрасная смерть — во сне. Они и не заметят, как из одного сна перейдут в другой, вечный. Ты хоть сам понимаешь, что превращаешься в убийцу? Зачем тебе этот мост? Ваталуз найдет место для переправы, и вы спокойно дождетесь ночи, чтобы перебраться через реку и уйти в горы. Зачем тебе лишняя кровь, лишний шум, лишние кошмары по ночам? Ведь души убитых будут преследовать тебя всю жизнь.

Вряд ли. Душам этих парней придется самим удирать от других душ. От тех, кого они расстреляли в мирных деревнях.

Не оправдывайся. Тебе никто не давал права их судить. Тем более — казнить. Ты просто хочешь отомстить за Куницу и Светлую Иву. За двух шайенских девчонок, которые могли бы стать женами твоих сыновей. Но ведь эти парни не убивали твоих племянниц.

Нет. Это не месть. Просто реализация плана.

И когда же ты успел придумать этот план?

Я его не придумывал. Но он есть. И его надо выполнить».

На этом месте внутренней дискуссии он взвел курки, и спор прекратился. Ни один звук не действует на мужчину так, как мягкий щелчок взведенного курка.

Часовой стоял на середине моста, облокотившись о перила, и смотрел в воду. Заметив человека, вышедшего из леса, он снял с плеча винтовку.

— Эй, ты, а ну стой! — выкрикнул он, вскидывая «спрингфилд».

«Этот не шутит, — подумал Степан, замедля шаг. — Целит в ноги. Может и выстрелить».

Часовой пронзительно свистнул, и из палатки показалась всклокоченная голова.

— Что такое?

— Гарри, проверь-ка этого бродягу! — крикнул часовой. — Глухой он, что ли? Кричу «стой», а он прет и прет. На пулю напрашивается.

— Так пусть получит ее, — каратель зевнул и нехотя выбрался из палатки, волоча за собой винтовку. — Стоило из-за этого меня будить? Эй, приятель, сюда нельзя, тебе сказано. Стой же ты!

Но Гончар продолжал медленно приближаться к мосту, задумчиво разглядывая верхушки деревьев.

— Ты не понял, тупица? — Второй каратель тоже навел на Степана винтовку. — Сейчас мы снесем твою пустую башку! Стой!

До моста оставалось не больше двадцати шагов. Гончар увидел, что за спиной часового из-под моста показалась голова Майвиса. Блеснул нож, зажатый у него в зубах.

— Я ищу полковника Моргана, — важно произнес Степан. — Срочное донесение.

— А ну на землю! — приказал каратель. — Лег на землю, живо! И вынь руки из карманов!

— Позовите старшего. — Гончар медленно опустился на одно колено. — Я буду говорить только с начальником поста.

— А с Господом Богом поговорить не хочешь? Лег живо!

Полог палатки откинулся, и еще две фигуры показались наружу.

— Кому тут нужен начальник поста?

Все четверо смотрели на Степана, который стоял на коленях, по-прежнему держа руки в карманах.

— Сюда двигается огромная банда индейцев! — сказал он. — Они убьют всех, кто попадется им на пути!

Пока он произносил эту недлинную фразу, Майвис успел наброситься на часового сзади и, зажав тому рот, несколько раз ударить ножом в спину.

— Откуда идут индейцы? — спросил старший.

— С того берега. Да вот же они! — крикнул Степан.

Каратели обернулись. Майвис, не успев подхватить винтовку убитого, перемахнул через перила.

Гончар выпростал руки из карманов и тремя выстрелами уложил всех.

Он выждал еще немного, держа под прицелом выход из палатки.

— Ну и шуточки у тебя, — сказал шайен, выбираясь из воды на берег. — А если б они успели по мне выпалить? Мы с тобой не так договаривались.

— Подожги мост, — приказал Степан, направляясь к лошадям. — Да так, чтобы дыма было побольше. Пусть все сбегутся на пожар.

В седельных сумках он нашел все, что хотел, и даже больше того. Один из карателей был отрядным кузнецом и возил с собой инструменты. Вернувшись с лошадьми к индейцам, Гончар смог быстро освободить их от цепей.

— Надо было снять с них скальпы, — сказал Ваталуз, надевая через плечо трофейный патронташ. — Белые могут подумать, что их людей убили какие-то бродяги, чтобы завладеть оружием и лошадьми.

— Им будет над чем подумать. — Гончар пересчитал собранные деньги и запихнул их к себе в карман. — Пусть каждый из них сто раз подумает, прежде чем согласится остаться на заставе. Быстрый Лось, распиши смены. Нас семеро, каждый дежурит по часу. Один в карауле, один наготове, остальные спят. Я сплю в первой смене. Красная Птица тоже. Взвод, отбой.

Он расстелил плащ под кустом, лег и заснул. Заснул так быстро, что внутренний голос не успел произнести ни единого слова.

Как только начало темнеть, они пересекли реку вплавь, и стали подниматься в гору. Временами тропа была такой узкой, что приходилось спешиваться и идти за конем, держась за хвост. К полуночи отряд достиг вершины перевала, и здесь Быстрый Лось остановился.

— За долиной начинается Черный лес. Но мы попадем туда только завтра к вечеру. Нам придется идти в обход. Там, внизу, слишком много людей.

— Да. Слишком много, — мрачно отозвался Гончар.

С высоты хорошо были видны яркие точки множества огней, разбросанных по долине, как созвездия по небу. Они выстраивались квадратами, и каждый такой квадрат означал, что костры горят внутри военного лагеря.

— Пять эскадронов, — сказал Майвис. — Здесь собрался целый полк. А вон те костры, в линию — это обоз. Что у вас тут творится? Что здесь делает армия? С кем она воюет?

— С твоими сестрами, — ответил Ваталуз.

— Мы не пойдем в обход, — решил Степан. — Некогда. Спускаемся. Нас пропустят обозники.

Ему показалось, что спуск занял больше времени, чем подъем. Если не прорваться до рассвета, придется потерять еще целый день. И кто знает, что может случиться за это время... «Держитесь, девчонки, — думал он, с тревогой поглядывая на небо, где уже начинали меркнуть звезды. — Держитесь, мы рядом. Эх, Майвис, Майвис, зачем надо было провожать Милли с таким эскортом? Я понимаю, по законам шайенского этикета девушка не могла отправляться в дорогу в сопровождении мужчин. Но мы-то с тобой братья, и я доверяю тебе больше, чем себе. К чему эти условности? Видишь, чем обернулось? Да, ни один старик не сможет тебя ни в чем упрекнуть. Но если бы вы ехали вдвоем, все бы сложилось иначе...»

Нет, ответил он сам себе. Война разгорелась не из-за случайной перестрелки. Рано или поздно она должна была вспыхнуть снова, и ей хватило самого ничтожного повода, самой незаметной искры. Никому из этих солдат, греющихся возле костров, нет никакого дела до Милли. Они пришли не для того, чтобы вырвать ее из лап кровожадных дикарей. Они заняли долину, и здесь больше никогда не будут охотиться сиу, или шайены, или арапахо. Правительство сможет спекулировать новыми «незаселенными» землями. Здесь появятся

новые фермы или угольный карьер. Может быть, через долину протянется еще одна железная дорога. Цивилизация. Ей нет никакого дела до девчонок, которые сейчас прячутся где-то в Черном лесу...

— Здесь разделимся. — Он спешился и вынул винчестер из седельной кобуры. — Мы с Красной Птицей пройдем через лагерь обозников. Отвлечем их. Быстрый Лось, когда поднимется шум, ты проведешь лошадей в обход.

— Надо заняться копытами, — вполголоса произнес Майвис. — Лось, это правда, что лошади сиу могут ходить бесшумно?

— Конечно, правда. Мы учим их парить над землей.

— Ты пройдешь мимо крайнего костра, — Гончар показал направление. — Как только поднимется стрельба, начинай движение. Главное, не отвечай на огонь, даже если будут стрелять в вашу сторону. Не выдавай себя. Где мы встретимся?

Ваталуз отломил несколько веток и разложил их на траве.

— Смотри. На дальнем краю долины протекает мелкая речка. Вдоль нее как раз стоит обоз. Вы переходите речку и идете в сторону леса. Наткнетесь на ручей, перейдете его. Затем второй, его тоже пересекаете. Вот третий, он течет под углом. Идете по нему, вверх. Он приведет вас к пещерам. Там и встретимся.

— Ты хорошо знаешь лес, — сказал Майвис. — Я оставил сестер в этих пещерах. Будь осторожен, если придешь туда раньше нас.

— Никогда еще сиу не попадались в шайенские ловушки.

— Не забывай, что их расставили женщины.

— Это другое дело. Спасибо за предупреждение.

Майвис хлопнул Ваталуза по груди, и тот ответил таким же несильным хлопком.

— У вас есть примерно час, — сказал Гончар, обматывая лицо шейным платком и надвигая фуражку на лоб. — Пошли, Красная Птица. Мы будем ползти медленно. Смотри, не засни по дороге.

— Я разучился спать, — ответил Майвис. И зевнул.

Они шли открыто, в полный рост, пока не приблизились к обозу настолько, что стали видны очертания фургонов. Дальше пришлось ползти. Время от времени Гончар привставал на локтях и смотрел на огни, чтобы не сбиться с пути.

Фурунны стояли кольцом, десятков возле одного костра, столько же возле другого, и Степану надо было занять позицию между этими двумя группами. Поначалу он продвигался довольно быстро, но вот Майвис, скользивший впереди, остановился и прошептал:

— Вода.

Гончар подполз к нему, и его пальцы сначала наткнулись на влажную траву, а потом погрузились в грязь.

— Боишься испачкаться? — шепнул он.

— Не хочу застрять в болоте, — ответил шайен. — В таких ямах тонут даже бизоны. Давай в обход.

Чтобы обогнуть болото, им пришлось подползти вплотную к фургонам. Было слышно, как трещит огонь и фыркают сонные лошади, стоявшие внутри круга. У костра раздавались голоса караульных, и Гончар, короткими рывками пробираясь в высокой траве, внимательно прислушивался к ним, потому что разговор шел весьма интересный.

— Бедняга Смит как чувствовал, что не вернется с заставы. Так и сказал, когда уходил. В последний караул, говорит, иду. Две недели назад точно так же перебили ребят из Ледвилла. Тоже караулили мост. А Смита в тот раз понос прохватил, он в лазарете застрял, вот его и не назначили. Послали, значит, вместо него Джонса. Ну и, само собой, когда того привезли на брезенте, на Смита хандра напала. Это меня, говорит, смерть искала. Искала, да немного промахнулась. Значит, говорит, недолго мне осталось.

— Это он тебе говорил?

— Ну да, мы же с ним земляки.

— Что ж ты не предупредил. А я ему три бакса дал на табак, когда он в город уезжал.

Теперь ни табака, ни денег. Знал бы, что такое дело, я б кому другому поручил.

— Плакали твои денежки, Перкинс. Нашел, кому поручать такое дело, патрульным. Да, что ни говори, а нет службы лучше, чем в обозной команде.

— Ага. Для тех, кто мечтает с пустыми руками вернуться. Так и будем до конца срока чужое добро возить. Я уж не говорю про стрелков и патрулей, но даже в похоронном взводе ребята навар имеют.

— С чего это, позволь спросить? Что ты снимешь сдохлого индейца? Перья и вшивое одеяло?

— Дурак ты, Новак, хоть и капрал. Столько лет в ополчении, а простых вещей не разумеешь. Ты хоть раз за эту кампанию трупы собирал? Нет? Оно и видно. А меня позвали помогать, когда в лесу была заварушка. Ну, с этими шайенами. наших положили там тринадцать человек. Все — наповал, в голову. Лежали по всему лесу, поди отыщи. Разбились на пары, стали прочесывать. Смотрю — лежит. Мой напарник к нему кинулся, да и застыл. Мнется чего-то, на меня посматривает. Сходи, говорит, к лейтенанту, доложи, говорит, что нашли. А я, говорит, покараулю. А чего его караулить? Куда он денется? Ну, я прикинулся простачком, отбежал в сторонку, да из-за дерева-то и наблюдаю. А напарник, из похоронной команды, давай по карманам шарить, да в подсумок заглянул, да и сапоги с покойника стянул, а там-то самое интересное. У парня в носках вот такая пачка денег, не поверишь. Ну, тут я так вежливо показлял, из-за дерева выхожу, а ствол-то уже наготове. Хочешь не хочешь, давай делиться. Вот так-то дела делаются, Новак.

— Мы на войне мародеров привязывали к снарядному ящику, чтобы хребет надломился, да так и возили за батареей, — спокойно ответил капрал. — Пока не сдохнут. Но они долго жили. Не поверишь, Перкинс, одного целую неделю таскали. До сих пор удивляюсь. Как он мог? Без еды, без воды — и целую неделю. Да еще первые три дня орал непрерывно. Непрерывно, Перкинс, непрерывно.

— Мародеры — они на войне. А тут у нас, считай, охота. А на охоте главное — добыча. Без добычи какой же ты охотник?

— Дорого нам эта охота обходится. Вот мы уже три десятка потеряли. Это те, про кого мы знаем. А сколько парней сгинули без следа? Ну, спишут их как дезертиров. Но мы-то знаем, что их скальпы сейчас у краснокожих. Потери большие. На охоте потерь не бывает. Война это, обычная война. Раз война, значит, мародеров надо ловить и предавать военному суду. А не хвастаться, что наварил вместе с ними.

— Ну иди к лейтенанту, заложи меня, раз ты такой умный.

— Был бы я умный, сидел бы дома, кормил бы своих свинок. Ты не представляешь, Перкинс, сколько труда в этих свиней надо вложить, чтобы хоть немного заработать...

Продолжение разговора было уже не таким интересным, и Гончар не пожалел о том, что голоса доносились все слабее. Он старался не отставать от Майвиса. Вот шайен замер в траве. Степан подполз ближе, и Майвис шепнул:

— Ты слышал? Уже и в лесу была перестрелка. Не думаю, что девчонки остались в пещерах после боя. Тринадцать убитых. Хорошая работа. Белые напуганы. Они остановились. Девчонки могли оторваться.

— Где мы их тогда найдем?

— Они оставят знаки для нас, не сомневайся. — Он повторил, с довольной улыбкой: — Тринадцать убитых. Добавим, брат?

— Мы уже добавили. Сейчас нам надо их только расшевелить. Не увлекайся.

38. Червивая Горка

Пробираясь между стоянками обозников, Гончар с трудом заставлял себя двигаться медленно и бесшумно. Проход оказался идеальным — как раз посередине тянулся узкий овражек, на дне которого тек ручей. Убедившись, что русло приведет его к той самой речке, о которой говорил Быстрый Лось, Степан вернулся к Майвису.

— Если бы раньше знать про этот ручей, я бы провел лошадей здесь, — шепнул он, пристраиваясь рядом с шайеном.

— Нет. Табун здесь не пройдет. Ты все сделал правильно.

— Пока еще не все. — Гончар широко расставил локти и вдавил приклад винчестера в плечо. — Как только увидишь подходящую цель, стреляй.

Майвис лежал рядом с ним, прицелившись в противоположную сторону.

— У тебя там никого не видно? — шепнул он.

— Сидят далеко от костра. Может, встанет кто-нибудь.

Спустя еще минуту шайен сказал:

— Мы так можем до утра лежать. Я вижу голову лошади. Убить ее?

— Погоди еще минутку.

Степану хотелось, чтобы их выстрелы вызвали достаточно бурный переполох.

— Брат, время уходит, — сказал Майвис.

Его «спрингфилд» рывкнул неожиданно и резко. «Не выдержал», — с досадой подумал Гончар и выстрелил наугад, целясь немного правее костра. Там, в темноте, могли сидеть караульные.

И, похоже, там-то они и сидели. Между силуэтами фургонов замелькали тени, и Степан выстрелил еще дважды по ним. Рядом трижды ударила винтовка Майвиса.

— Все, уходим! — Степан вскочил и, пригибаясь, кинулся по ручью.

Но шайен задержался.

Гончар оглянулся, чтобы поторопить его. Майвис, стоя на одном колене, застыл, целясь тщательно и долго. Длинный веер пламени вылетел из дула, но винтовка даже не шелохнулась. Звук выстрела еще не успел затихнуть, как за фургонами мелькнула белая вспышка, словно по стоянке ударила молния. Земля содрогнулась под ногами Степана, и в следующий миг по долине раскатился оглушительный взрыв.

— Я сделал все, как ты сказал! — Шайен торжествующе потряс винтовкой над головой. — Увидел подходящую цель. Ящики под брезентом.

Защелкали выстрелы обозников, в воздухе прошелестели первые пули.

— Бежим! — крикнул Степан. — Да пригнись же ты!

Почти не таясь, они добежали до реки. Она пересохла настолько, что они не замочили колен. За спиной разгоралась ожесточенная перестрелка. Уцелевшие обозники палили во все стороны, и им отвечали с дальнего края. «Ваталуз пройдет спокойно, — радовался Гончар. — Лишь бы не нарвался на дозор».

Лес обступил их, и скоро звуки выстрелов заглохли, словно за плотно закрытой дверью. Майвис бежал впереди, иногда останавливаясь и прислушиваясь.

— Наши лошади уже на месте, — сказал он, остановившись в очередной раз.

— Ты их слышишь?

— Их нельзя услышать. Сиу обмотали копыта и завязали им морды. Но запах спрятать нельзя.

Они шли между деревьями, держась в десятке шагов друг от друга. Впереди глуховато ухнула сова. Майвис остановился, похлопал руками по бокам и ухнул в ответ. Если бы Гончар не видел его, он был бы полностью уверен, что эти звуки издала сова, слетевшая с ветки.

Лошади стояли на поляне, залитой мертвенным светом луны. Ваталуз подвел вороного жеребца навстречу Степану и отдал повод.

— Твой конь злой. Если б я не завязал ему морду, он кусал бы всех наших лошадей.

— Не всех, только жеребцов, — ответил Гончар.

— Идем к пещерам, — сказал Майвис. — Держитесь за мной, но не слишком близко.

«Мы пришли, Милли, — думал Степан, стараясь унять нервную дрожь. — Только не подстрели меня, разбойница».

Лес становился все реже, деревья расступались все шире, и, наконец, Гончар остановился перед крутым травянистым склоном горы, усеянным валунами.

— Это Червивая Горка, — сказал Ваталуз. — Вся в норах, трещинах и пещерах, как изъеденный червями гриб.

Ехавший с краю Шонкито тихонько свистнул и показал на дерево, возле которого стоял. В корнях блестела лужа.

— Кровь. Сегодняшняя. Здесь лежал человек. Его утащили в сторону лагеря.

— Много перебитых веток, — сказал Высокий Волк. — Здесь был хороший бой.

— Девчонки ушли, — Майвис повернулся к Степану. — Придется их догонять. Думаю, что мы найдем их за горой. Я знаю, как они поступят. Одна уведет лошадей, чтобы оставить следы, а остальные спрячутся в пещерах.

Чем выше они поднимались в гору, тем больше следов боя попадалось на пути. В предрассветных сумерках на красноватых глыбах песчаника белели полосы и выщербленные лунки, оставленные пулями. Обогнув одну такую глыбу, Майвис остановился и свесился с седла, разглядывая что-то на земле. Когда он догнал Степана, лицо его было мрачнее обычного.

— Что ты увидел там?

— Кровь. Да, они будут в пещерах. С ранеными трудно оторваться от погони.

— Как мы их найдем?

— Ты когда-нибудь играл в прятки с младшими сестрами?

— У меня нет сестер.

— А я играл. И всегда их ловил. А ты спрашиваешь, как я их найду. Найду, не сомневайся. Надо спешить, брат. С рассветом сюда поднимутся солдаты. Надо спешить.

«Поздно, — подумал Гончар. — Слишком поздно».

— Ты прав, — сказал он. — Солдаты не успокоятся, пока не предъявят командирам трупы. Они знают, что у девчонок нет иного пути, только через гору. Солдаты поднимутся сюда, и пройдут дальше, и обшарят каждую дырку среди этих камней. Иди к девчонкам и найди их. А я останусь тут. Задержу солдат.

— Я могу их задержать не хуже тебя.

— Да. Конечно, можешь. Но я не смогу найти девчонок среди пещер. А ты найдешь.

Быстрый Лось услышал их негромкий разговор. Он подъехал ближе.

— Горящий Волк прав. Мы останемся здесь. Отличное место для боя. Патронов у нас много, есть вода и еда. Если твои сестры продержались тут целый день, почему мы не сможем?

— А ночью уйдем так же, как ушли они, — сказал Гончар. — Скажи только, где мы встретимся.

Майвис помотал головой.

— Брат, я еще не знаю, какую дорогу придется выбрать. Горбатый Медведь отправился на север, в Монтану. Там живут наши родичи, семья Маленького Волка. Туда ведут разные дороги. Ты найдешь нас за Йеллоустоном. Но как быть с твоей женой?

— Она сама что-нибудь придумает. Может быть, останется с вами. Милли привыкла жить под открытым небом.

— Мы пойдем через каньон Семи Озер. Ты догонишь нас, если будешь двигаться вдоль реки Хампы.

— Мне знаком тот путь, — кивнул Гончар.

— Тогда ты догонишь нас.

— Мне знаком тот путь, — повторил Степан.

Майвис положил тяжелую руку ему на плечо.

— Будь спокоен за свою жену.

— Я спокоен.

— Поторопись, Красная Птица, — сказал Ваталуз. — Скоро рассвет.

«Скоро рассвет, — повторил Степан. — Никто из нас не доживет до заката».

— Удачи тебе, брат, — сказал он.

Майвис хлопнул коленями по бокам лошади, та зашагала вверх. Ее обвязанные копыта

почти беззвучно ступали по каменистому склону. Когда же угас и этот неуловимый звук, Быстрый Лось рассмеялся:

— Как хорошо! Как я устал убежать! Спасибо тебе, Горящий Волк. Я мог бы идти за тобой хоть до Канады. Но противно чувствовать, что кто-то целится мне в спину. Лучше всего развернуться лицом к врагу. Если Великий Дух сегодня заберет нас всех, это будет прекрасно. Я и в Небесной Долине буду следовать за тобой. Если позволишь.

— Там видно будет.

Вокруг Степана собрались и остальные сиу.

— Я нашел место, где твои сестры держали лошадей, — сказал Паги. — Поставим туда наших? Или отпустим?

— Поставь, и не забудь стреножить. Седла не снимай. Только ослабь подпруги. Хорошо бы их напоить...

— Там бьет ключ. Трава объедена, но на кустах много молодых веток. Лошади могут стоять там хоть три дня.

«Лошади-то могут, — подумал Гончар. — А сколько простоим мы?»

— Отличное место, — сказал Дневной Орел, который до сих пор не проронил ни слова. — Нас не обойдут с флангов. Там крутые осыпи.

— Но могут зайти с тыла, — Ваталуз поглядел вверх по склону. — Хорошо бы посадить там, повыше, наблюдателя.

— Если бы могли обойти, обошли бы вчера, — возразил Орел. — Белым лень обходить гору. Им проще посылать солдат на смерть, чем пошевелить мозгами.

— И все-таки спину надо прикрыть.

Быстрый Лось поглядел на Шонкито, и тот почтительно кивнул:

— Хорошо, дядя. Как только меня ранят в обе руки, и я не смогу больше стрелять, вот тогда я заберусь наверх и буду следить за тылом.

— Мне тоже нравится это место, — сказал Гончар, чтобы пресечь семейный спор. — Располагайтесь поудобнее. И сразу договоримся. Ваши «спрингфилды» бьют по тем, кто высовывается из леса. Тех, кто успеет добежать до середины склона, остановит мой винчестер. Приготовьте запасные позиции и не сидите на одном и том же месте слишком долго. У нас на шестерых три сотни патронов. Когда солдаты потеряют троих своих товарищей, они придут в ярость. Потеряют еще пятерых, и их ярость остынет. Нам надо убить с десяток, чтобы они откатились обратно за лес. Вот и все. А ночью мы уйдем.

— Может, так и будет, — покачал головой Ваталуз. — Может, все будет не так. Может, кто-то и уйдет отсюда ночью. Скажи мне, Горящий Волк... Что делать с твоим телом, если тебя убьют? Со мной — понятно. Тело воина должно остаться на поле боя. Но ты из белых...

— Не забивай голову пустяками. Живым — жить, мертвым — гнить, — махнул рукой Гончар.

Он вдруг совершенно ясно увидел все, что произойдет здесь. Он увидел цепи темных фигурок, перебегающих от деревьев к валунам на склоне. Видел бледные вспышки выстрелов и длинные струи дыма, вылетающего из стволов. Он видел мушку винчестера, подведенную под бегущий силуэт, и видел, как после выстрела силуэт исчезает и больше не появляется. Ему в лицо ударил жар раскаленного винтовочного ствола. И кислый пороховой дым, и соленая кровь на губах — все это будет.... И не будет ничего после этого.

«Не будет ничего после? Я просто не вижу, не могу заглянуть так далеко, — убеждал он себя. — И не забивай голову пустяками. Смерть не стоит того, чтобы думать о ней так долго. Думай лучше о том, как прожить эти последние часы. Майвис найдет сестренку, и Милли спасется вместе с ними. Они укроются в Монтане, и там-то их никто никогда не достанет. Золото в тех горах кончилось, угля мало, нефти не найдут. Та земля не нужна белым, и шайены смогут там выжить. Выживет и Милли. Она еще совсем девчонка, у нее все впереди. Плохо, что я не успел даже попрощаться с ней. Плохо, что она запомнит меня таким, каким видела в последний раз — больным, немощным, измазанным черной глиной, да еще разрисованным... Пусть уж лучше догадается сохранить портрет работы Ф. Штерна.

Будет показывать детям и внукам. Если, конечно, муж не станет ревновать ее к детской любви».

Стоило ему только подумать о Мелиссе, как жизнь снова показалась прекрасной. Правда, ее оставалось совсем немного. Но даже последний глоток виски, на самом дне бутылки, все-таки остается глотком виски.

39. Встать из могилы

Его пророчества сбылись только наполовину. На первую половину дня. С утра, прячась в тумане, из леса потянулись первые цепи. Солдаты часто вскидывали винтовки и стреляли, не целясь, словно пытались прикрыться стеной порохового дыма. Индейцы же били не торопясь и не промахиваясь. Ни один из солдат не добрался до середины склона, где их мог бы достать винчестер Степана. Несколько тел остались лежать среди валунов после первой вылазки. Прошел час, прежде чем солдат снова погнали на штурм. Теперь они бежали быстрее и не останавливались для стрельбы, и многие успели закрепиться за козырьком песчаника в сотне метров от пещер. Но Дневной Орел спустился по осыпи и парой выстрелов выгнал их из-за укрытия, и обратно до леса добежали не все.

Во время передышки из леса доносились звуки, которые были слишком хорошо знакомы Степану: удары топоров и протяжный хруст падающих деревьев.

Гончар перебежал к Высокому Волку, который был ближе всех, и предупредил, что скоро может начаться артобстрел. Судя по всему, саперы рубили просеку, чтобы протащить через лес орудия. Надо было подыскать надежное укрытие. Волк согласился, но не двинулся с места.

Сразу после третьей атаки за деревьями блеснули медные начищенные стволы, и пушки на высоких колесах выкатились на огневые позиции. Вокруг них суетились артиллеристы. Индейцы попытались обстрелять их, но дистанция была слишком велика.

По Гончару еще никогда не стреляли из пушек, поэтому он скорее с любопытством, чем со страхом, следил за приготовлениями артиллеристов. Их было не меньше десятка на каждое из трех орудий. Один стоял перед жерлом с длинным шестом в руках. Трое передавали по цепочке снаряд, четвертый опустил его в жерло, и вот тогда-то первый, наконец, исполнил свою важную роль, и запихнул снаряд вглубь. Гончар прикинул время изготовления. Получилось, что темп стрельбы составит один выстрел в минуту. Пушек — три. Значит, в худшем случае — двадцать секунд интервала. Пора в укрытие. Как только пушки замолчат больше чем на минуту, это будет означать начало нового штурма.

Он выбрал для себя глубокую трещину между глыбами песчаника, но не спешил спрятаться. Его взгляд притягивали блестящие пузатенькие туши орудий. Наконец, они почти одновременно выбросили удивительно длинные струи дыма. В воздухе раздался нарастающий свист, и в склон ударили, издав металлический звон, три черных шара. Они подпрыгивали, как мячи, и катились обратно, разбрасывая искры. «И это все?», — с разочарованием подумал Степан. Но на всякий случай вжался в трещину и прикрыл лицо локтем. И не зря. То были не ядра, а гранаты, и хотя они разорвались много ниже по склону, целый ливень шрапнели ударил по укрытию.

«Если они догадаются забрасывать гранаты нам за спину, дело плохо, — подумал Степан. — Надо уходить. Пока не поздно, надо уходить». Но он не успел ничего сделать. Грохот и вой рикошетов обрушились на него, словно он оказался в самой сердцевине грозы. Воздух сгустился, наполнившись дымом и пылью. Скала вздрагивала, словно по ней били огромным молотом. «Как бы не завалило!» — испугался Гончар и попытался выбраться из расщелины, но тут что-то взорвалось у него в голове. «Обидно, — подумал он. — Не успел сказать парням, что надо уходить. Сами-то они не посмеют отступить. Обидно, до чего же обидно...»

Когда он очнулся, все было кончено. Он сразу это понял. Где-то рядом переговаривались чужие.

— Вот еще один!
— Да, хорошо ему досталось. И скальп не снимешь, полголовы снесло.
— Глянь, перстень. Туго сидит, не снять.
— Ну, молодежь! Руби палец.
— Перкинс, веди сюда их лошадей! Пусть краснокожие покатаются в последний раз.
— Капрал, а ведь лошадей-то шесть.
— Ну и что?
— А трупов пять.
— Ну и к чему ты клонишь, Джонни?
— Может, их было не пятеро?
— Мы все осмотрели. Их было пятеро. Грузите тела. А шестой конь — как раз для меня. Вот так-то. Эх, каков красавец! Ну, вороной, не дергайся, а то мы тебя живо дисциплине научим.

«Все кончено, — медленно возвращаясь к жизни, думал Степан. — Нет, все только начинается. Где я? Меня завалило. Но я могу шевелиться? Могу».

— Что такое? Слышал, Новак? Камни посыпались.

«Шевелиться-то я могу, но не буду. Пусть солдаты уйдут. Тогда и выберусь».

— Перкинс, посмотри, что за шум.

«Перкинс? Что-то знакомое».

— Ну что там?

Чужой голос раздался совсем рядом:

— Да нет ничего. Вроде ничего не видно. Сейчас за скалой посмотрю.

Степан вдруг почувствовал, что его тянут за ногу. Он вовремя догадался, что сейчас лучше всего притвориться убитым, и полностью расслабил мышцы.

— И здесь ничего! — орал Перкинс, стягивая с Гончара сапог. Отбросив его, он пробормотал: — Э, да у тебя штаны из настоящего сукна. А что в карманах?

Обломки песчаника, сдавившие тело, вдруг разлетелись в стороны. Степану так хотелось, наконец, вздохнуть полной грудью, но он сдерживался. Перкинс откопал его из-под завала и принялся обыскивать. Его цепкие пальцы шарили по карманам гимнастерки. В лицо Степану ударил резкий табачный перегар, и он сквозь ресницы увидел лицо мародера.

Пора оживать.

Он схватил Перкинса за кадык и резко ударил лбом в лицо. Мародер обмяк и не сопротивлялся. Под пальцами Степана надломились хрящи, и он едва успел увернуться от целого потока слюны.

— Эй! Перкинс, что ты там нашел? Джонни, иди-ка проверь. Держу пари, он таки нашел там шестого индейца, и сейчас выдергивает из ушей золотые серьги.

Степан успел выбраться из-под тела. Упираясь ногами в стены расщелины, он быстро взобрался наверх. Как только второй солдат заглянул внутрь и наклонился над Перкинсом, Гончар спрыгнул на него, вонзив локоть в тонкую шею. Молоденький солдат жалобно всхлипнул и затих.

«Сколько их? Похоже, что только трое. Если так, третий мне нужен живым. — Гончар достал из кобуры револьвер и обтер его от пыли. — Есть разговор».

— Капрал Новак, ко мне! — рявкнул он.

Послышались торопливые шаги, и перед Степаном появился пожилой ополченец в красной куртке. Он остолбенел, увидев направленный на него кольт. Но догадался разжать руки, и винтовка упала на землю.

— Я без оружия! — пролепетал он.

— Вот и хорошо, — сказал Гончар, перешагивая через тела и подобрав свой сапог. — Лечь! Лицом вниз, руки за голову! Ноги шире!

Кaprал распростерся на земле. Степан, прыгая на одной ноге, натягивал сапог и вел допрос пленного:

— Сколько людей с тобой?

— Двое.

— Вас послали собирать трупы втроем? Лучше не ври мне, Новак. А то никогда не вернешься к своим свинкам. Где остальные?

— Откуда ты меня знаешь?

— Отвечай на вопрос!

— Наш взвод придали похоронной команде. Но все уже ушли на ту сторону, а мы остались, чтобы спустить трупы в расположение полка.

— Куда, говоришь, ушли? На ту сторону? Ту сторону чего? Леса?

— Да нет, они ушли за гору. Там тоже есть работа. Те парни, что отправились в обход, попали в засаду. Их там всех порезали индейцы. Просто изрубили тесаками. Я сам не видел, ребята рассказывали.

У Степана шумело в голове, и склон горы казался слишком крутым. Он уперся свободной рукой в скалу, чтобы не шататься, и спросил:

— В обход их отправили ночью?

— Говорят, что да. На разведку. Они не вернулись. А после штурма их нашли.

«Значит, Майвис прорвался, — подумал Степан. — Если бы он уходил один, то проскользнул бы незаметно. Он уходил не один. Нашел девчонок и прорвался. Без единого выстрела».

— Куда полк отправится отсюда?

— На Денвер. Мы все денверские. У нас уже все сроки вышли, пора домой. А мы тут ковыряемся... Отпустил бы ты меня, братец, — тихо попросил капрал, сияясь повернуть голову. — Не знаю, как ты тут оказался. Да это и не мое дело. Мы ведь только ловим краснокожих. Мы ведь тебя не трогаем. Отпусти меня, и я подскажу, как отсюда уйти по-тихому. Сам-то ты не выберешься.

— По-тихому? Кто сказал, что я хочу уйти по-тихому?

Он связал пленному руки и ноги, заткнул рот туго свернутым платком и подтащил ближе к расщелине, где лежали двое других обозников.

Тела индейцев были навьючены поперек седел. Руки Быстрого Лося свисали до земли, касаясь лужи натекшей крови. Гончар бережно подтянул его повыше и привязал к седлу, чтобы тело не свалилось по дороге.

Их одежда была иссечена в лохмотья, кровь сочилась отовсюду и капала на землю. У Шонкито была оторвана рука. Гончар нашел ее неподалеку. Побелевшая кисть все еще сжимала винтовку с раздробленным прикладом.

Он свел поводья лошадей на длинную сворку и привязал ее к задней луке своего седла. Вороной жеребец гневно косился на чужих коней.

— Терпи, брат, — сказал ему Гончар, натягивая поверх своей гимнастерки зеленую куртку Перкинса. — Невеселая у нас компания, но придется потерпеть.

Он спрятал фуражку в сумку, и вместо нее нахлобучил зеленое армейское кепи. Еще раз оглядел место боя, словно прощался с ним. Быстрый Лось хотел остаться здесь. «Извини, брат, — подумал Степан. — Незачем тебе радовать своих врагов. Они бы стали глумиться над твоим телом. Как ликующие охотники над тушей медведя, стали бы фотографироваться с тобой. Нет, я найду для твоего тела достойное кладбище. Ты будешь лежать в Черном лесу, и ни одна белая собака не потревожит твои кости».

Он тронулся наискосок, вниз по склону. Со стороны леса навстречу ему двигалась одинокая фигурка, и Гончар принял в сторону, чтобы разминуться с солдатом. Но тот, как назло, тоже свернул, явно стараясь перехватить его на спуске. Степан живо разработал легенду. Он из второго взвода. Почему именно из второго? Первый всегда на виду, в третьем одни отбросы, а во втором вечно безликие середнячки. Да, сам-то он из второго взвода, но его придали похоронной команде, а та сейчас копошится на той стороне горы, и далее по тексту. А если солдатик не отстанет, то надо будет просто доехать с ним до леса. До первой подходящей коряги, под которой его можно будет спрятать.

— Эй, подожди! — солдат замахал обеими руками. — Подожди, дело есть!

Степан не сразу понял, почему фигура солдата показалась ему странной. У того не было винтовки.

Он чуть натянул повод, придерживая коня. Солдат быстро догонял его, продолжая размахивать руками.

— Я вижу, ты везешь их трупы! Поймай! Мне надо на них посмотреть.

Теперь, когда он приблизился, Гончар видел, что у солдата нет ни только винтовки, но и револьвера. Зато болталась на животе толстая сумка, откуда он извлек блокнот.

— Я не обязан за всеми гоняться! — сердито крикнул он, догнав Степана. — Мне придется жаловаться полковнику Моргану. Это безобразие. Меня никуда не пускают, мне ничего не показывают, и еще требуют, чтобы в репортажах все было как на самом деле!

Тут он перевел взгляд на раздробленный череп индейца, и голос его стал глуше.

— И так с ног валишься, а ты еще убегать вздумал...

— Я же не знал, что ты репортер, — сказал ему Степан, на ходу перекраивая план действий. — Я и не думал убегать. Наоборот. Полковник приказал, как встречу репортера, проводить его по всем местам и все-все ему показать.

— Так это и есть те самые дикари? — стремительно бледнея, произнес репортер.

— Ну, то, что от них осталось.

— Это они вели бой с двумя ротами?

— Они, — подтвердил Степан.

— Но этого не может быть. Мне никто не поверит, если я такое отправлю в редакцию. В полку только убитых двадцать восемь человек, а ранеными забиты все повозки. Полковник говорил, что тут большая банда. Речь шла о двух-трех сотнях. Неужели полк две недели гонялся по горам ради того, чтобы получить трупы пятерых дикарей? — Он помахал ладонью перед носом. — Ну и смердят же они.

— Я могу везти их дальше? — спросил Гончар. — Что ты еще хотел посмотреть? Хочешь, я покажу тебе место, где они пытались прорваться через наш лагерь?

Он уже предвкушал, как они замечательно проведут время с этим репортером, спокойно продвигаясь через расположение полка. Но тот махнул рукой и принялся скрипеть карандашом по бумаге.

— Да видел я все. Воронка получилась изрядная. Еще бы, несколько ящиков динамита. А прорыв у них был совсем в другом месте. Эти пятеро только прикрывали своих женщин. А женщины ушли ночью. Первый эскадрон уже взял их след. Завтра все будет кончено. — Он присел, чтобы заглянуть в лицо Шонкито. — Так вот они какие, шайены. Жалко, у меня кончились фотопластинки. Снимок мог получиться роскошный.

Гончар выхватил нож и перерезал сворку, освобождая лошадей.

— Что ты делаешь?

— Я им не похоронная команда! — выкрикнул Степан. — Так ты говоришь, первый эскадрон подняли? Как же так! А меня бросили! А потом еще дезертиром могут объявить! Видишь, что творится в ополчении? Черт, как же мне их теперь догнать! Ты не слыхал, по какой дороге мои выдвинулись?

— Лейтенант говорил что-то о гарлендской тропе. Вроде бы под Гарлендом он должен соединиться с «красноногими».

— Ага! — Степан прикрепил за седлом трофейный «спрингфилд» и все три патронташа ополченцев. — На Гарленд! На каньон Семи Озер!

— Ну да, — репортер что-то быстро написал на листке и вырвал его из блокнота. — Вот, передай лейтенанту, когда увидишь его. Ты умеешь читать?

— Так, немного.

— Немного? Понятно, — репортер снисходительно усмехнулся. — Я прошу лейтенанта, чтоб он не забыл об одном своем обещании. Если потеряешь записку, передай на словах.

— Передам.

— Но послушай, а что теперь будет с трупами дикарей?

— Отведи лошадей сам. К штабу.

Лицо репортера вытянулось. Ему явно не нравилось это предложение. Не для того он сюда прибыл, чтобы сопровождать окровавленные и дурно пахнущие останки каких-то дикарей.

— Знаешь, что? — Гончар все-таки решил потратить еще несколько драгоценных мгновений: — Знаешь, там, наверху, лежат наши раненые. Позови ребят или сам поднимись к ним. Они расскажут тебе много нового. Если ты застанешь их живыми. Поторопись.

— Ты тоже не теряй время, — повеселев, ответил репортер. — С дезертирами сейчас не церемонятся. Просто эпидемия какая-то. Стоило ребятам увидеть настоящую кровь, как настроение у них испортилось. Из кавалерии сбежали пятеро, из обоза человек десять, а пехота разбежалась почти вся. Трех успели отловить, и одного сразу повесили, потому что он вздумал отстреливаться.

— Ты напишешь об этом?

— По-твоему, я полный идиот? О дезертирах не пишут в газетах. Их просто вешают, и это правильно. Так что ты вовремя спохватился.

Репортер зашагал вверх по склону, опасливо переступая по скользкой траве и хватаясь за валуны. А Гончар перерезал веревку, крепившую тело Быстрого Лося к седлу, и хлестнул плеткой кобылу. Та понеслась вниз, к лесу. Следом помчали и остальные лошади. Когда все они скрылись за деревьями, Степан отбросил плеть.

40. Снова Гарленд

Он никогда прежде не был в этих краях, но знал, что только гарлендская тропа вела отсюда на север.

Итак, Гарленд.... Снова придется навестить этот городок на перекрестке скотоперегонных троп. Не прошло и года с тех пор, как Степан побывал там. Наверно, миссис Браун, хозяйка гостиницы, еще помнит своего постояльца, «ветеринара». Жаль, в этот раз у него не будет времени, чтобы заглянуть к ней.

Время превратилось в огонек, ползущий по бикфордову шнуру. Шнур горит не быстро и не медленно, он горит столько, сколько отмерено, и кончается взрывом. Если кто-то не перерубит этот шнур.

Вороной мчал, не дожидаясь понуканий, словно ему передалось нетерпение седока. Гончар и не заметил, как остались за спиной каменистая долина и извилистый перевал. Гудела земля под копытами, и пестрая зелень травы сплошным полотном летела навстречу. Только река смогла остановить этот безумный бег. Степан удержал вороного на берегу, не давая разгоряченному коню напиться.

— Остынь, остынь, — приговаривал он, протирая взмокшую атласную кожу. — Отдохни. Сейчас у нас ты самый главный. Все от тебя зависит. Ты уж береги себя. Я не хочу, чтобы ты рухнул по дороге. Мы успеем, успеем. Кавалеристы трусят потихоньку, а мы летим на крыльях. Мы успеем.

Он не сомневался, что опередит кавалеристов и догонит Майвиса. Раз уж ему не удалось принять славную смерть на Червивой Горке, значит, путь еще не пройден. Возможно, сейчас Гончар находится в самом начале того пути, о котором говорил Бизон. А возможно, только на дороге к его началу. Во всяком случае, ему опять удалось выбраться из могилы — а это можно считать хорошим знаком. Значит, все будет хорошо.

Степан дал коню отдохнуть, напоил и вымыл, и только потом снова пустился в погоню. В степи ясно виднелась тропа, протоптанная эскадроном. Гончар поначалу не собирался встречаться с кавалеристами, но когда по следам стало ясно, что он их вот-вот догонит, его планы снова изменились.

Он развернул записку репортера. «Лейтенанту Хиггинсу. Дорогой Сэр! Не забудьте о своем обещании. Если я получу хороший скальп промежности, Ваше фото украсит газету. В противном случае Ваша забывчивость послужит новой славе Полковника, который тоже

претендует на первую страницу «Денвер Дейли Ньюс». Искренне Ваш, Арчибальд Фицуотер».

— Вот уроды! — Гончар выругался так, что вороной поджал уши и покосился на него. — Извини, брат. Но сам пойми, эти фетишисты-некрофилы кого угодно выведут из себя. Ну, будет вам промежность, Дорогой Сэр!

Он нагнал эскадрон у подножия гор, где кавалеристы расположились на привал. Остановив взмыленного жеребца у костра, вокруг которого сидели офицеры, Степан прокричал:

— Кто тут лейтенант Хиггинс?

— В чем дело, рядовой?

Лейтенант, с кружкой в руке, поднялся со складного табурета.

— Я ищу своих! — выпалил Гончар. — В вашем полку мне сказали, что под Гарлендом парни должны присоединиться к эскадрону Хиггинса!

— Ты из отряда «красноногих»?

За секунду до этого Степан был «бойцом второго эскадрона». Но лейтенант невольно подсказал ему более правдоподобную версию.

— Ну да! А вы и есть Хиггинс? Тогда где же мои парни? Куда мне теперь податься?

— Ты неправильно понял, рядовой. С чего ты взял, что мы будем торчать в Гарленде?

— Так сказал ваш полковник! Наши все двинули в Гарленд! А я задержался в вашем лазарете. Теперь надо своих догонять.

— Тебя не слишком долго лечили. Могли бы хоть голову перевязать. Смотри, у тебя весь воротник в крови. Что с вами делать, с гражданскими тупицами, — лейтенант отхлебнул кофе и обратился к сидящим у костра: — Эти разгильдяи опять все перепутали. Будут сидеть, как бараны, в Гарленде, и ждать нас. Что будем делать, джентльмены?

— Ничего они не перепутали, — сердито ответил один из офицеров. — Им просто неохота идти в горы без прикрытия. Вот Морган и хочет, чтобы мы сделали крюк в сорок миль.

— Чего не сделаешь для родного брата, — усмехнулся лейтенант.

— Если бы мой брат командовал «красноногими», я бы не давал ему таких поблажек.

— Значит, берем курс на Гарленд? Теряем сутки.

— Не беда, — махнул рукой другой офицер. — Все равно Горбатый Медведь застрянет на перевале. У индейцев нет крыльев, чтобы перелететь через горы. Там, на осыпях, их и перебьем.

— Ну уж нет, пускай это сделают люди Крэка. Наша задача — блокировать ущелье. Вот мы ее и выполним.

— Чтобы выполнить задачу, нет нужды тащиться в Гарленд, — заявил лейтенант Хиггинс. — Не будем ничего менять. Если «красноногие» опоздают, справимся без них.

— Так мне-то что делать? — напомнил о себе Гончар.

— Иди на кухню, рядовой. Пусть тебя покормят. Дальше пойдешь с нами.

— Я бы пошел, да у меня все барахло в отряде осталось, — Степан сокрушенно вздохнул, скребя затылок. — Боюсь, пропадет. Нет, придется своих искать.

— Ты бравый солдат, — сказал лейтенант Хиггинс. — Мне будет жаль, если ты подаришь свой скальп шайенам. Они валят огромной толпой, и убивают всех, кто попадется на пути.

— Не попадусь. — Степан козырнул и развернул вороного.

— Эй, сорвиголова! Держись подальше от дюн! Шайены отсиживаются в песках. Лучше сделай крюк, зато спасешь шкуру. И если доберешься до своих, скажи, что мы ждем их в точке сбора!

— Ждите! Мы не опоздаем!

Он проехал через весь лагерь, на ходу считая людей. Десять костров, возле каждого не меньше дюжины едоков. Да еще четверо часовых, которые проводили его неприязненными взглядами. Плюс офицеры. Получается примерно полторы сотни штыков. Точнее — сабель,

ведь речь идет о кавалерии. Сколько воинов у Горбатого Медведя? Даже в лучшие времена он не мог собрать больше пятидесяти. Лейтенант говорил об огромной толпе? Что ж, полсотни вооруженных шайенов — это серьезная сила. Правда, за ними едут их жены, матери и дети. Горбатый Медведь будет всеми силами избегать боя. Значит, надо догнать его раньше, чем он покинет дюны и войдет в долину Последней реки. Надо направить его в обход. Надо спешить.

Вороной летел, едва касаясь копытами гладкой утоптанной дороги. Бешеная скачка выветрила из головы Степана все ненужные мысли, кроме одной — надо спешить. И все-таки ему пришлось задержаться.

На развилке дорог, между голыми холмами, стояли всадники. Их было четверо. Степан заметил их только тогда, когда перевалил через холм. Сворачивать было поздно, да и незачем. Перехватив повод левой рукой, он достал револьвер и прижал его к бедру. Времени на долгие разговоры у него не было. Он сбавил ход и, приближаясь к всадникам, внимательно разглядывал их, стараясь определить самого опасного, которого придется валить первым.

Чем ближе он подъезжал к ним, тем яснее понимал, что начинать можно с любого. Обветренные физиономии едва проглядывали из-под длинных волос и бород. Грудь каждого из них крест-накрест пересекали патронташи, а под седлами болтались запыленные косы индейских скальпов.

— Эй, кавалерия! — «Красноногий» поднял над головой винчестер. — Не спеши! Ты от Моргана?

— Само собой, от кого же еще. — Степан остановился в десятке шагов от них.

— А мы как раз ехали к нему. Хорошо, что тебя встретили.

Всадники стояли цепью и представляли собой отличную групповую мишень. «Как только попытаются взять меня в кольцо, начну стрелять», — решил Гончар. Но «красноногие» не выказывали никакого желания нападать на него. Наоборот, их главарь развернулся к нему спиной и хлестнул своего мерина.

— Давай за нами.

Степан поравнялся с последним в цепочке. Главарь оглянулся:

— Вечно эти кавалеристы тащатся, как дохлые курицы. Что бы вы делали без нас? Ходу, парни! Солнце садится так быстро, что у меня пересохло в горле!

Гончар еще раз мысленно прокрутил карту. Майвис не двинется по дороге. Он с девчонками ушел в лабиринт каньонов, и выйдет к Хампе не раньше, чем через три дня. Горбатый Медведь пережидает в дюнах. Там-то Степан и найдет его. Но самый короткий путь к дюнам лежит через Гарленд. Значит, нет смысла никуда сворачивать.

Он опустил револьвер в кобуру, но не стал застегивать предохранительный ремешок. От «красноногих» можно ожидать любых сюрпризов.

Они остановились у покосившейся хижины на въезде в город. Четыре лошади стояли у коновязи. Гончар привычно окинул их оценивающим взглядом. Три мерина под армейским седлом, у одного тавро — «две семерки». Четвертая лошадь... Он окаменел. С краю у коновязи стояла его Тучка.

Она мотнула головой и коротко всхрапнула. Он едва слышно свистнул в ответ, и тут же принялся насвистывать какой-то мотивчик.

— Вот мы и дома, — весело проговорил главарь «красноногих».

Его спутники загоготали:

— Да тебе, Хочкис, где нальют, там и дом.

— А где баба, там и церковь!

— Молчать, псы бродячие! — огрызнулся Хочкис, пинком открывая дверь хижины.

Гончар спешил последним. Он привязал вороного рядом с Тучкой, едва удерживаясь, чтобы не обнять ее. Седельные сумки были вскрыты и опустошены. Все ремешки, на которых он обычно подвешивал флягу и подсумки — срезаны. Не было и скатки под задней лукой. Стремена были подтянуты чуть выше, чем обычно. В спутанной гриве он увидел

обрывок розовой ленточки, и его сердце бешено заколотилось.

— Где ты была, малышка, — прошептал он. — Майвис забрал тебя из Маршал-Сити, когда меня там подстрелили. Он привел тебя на Холм Смерти. С кем ты ушла оттуда? С Милли, да? С Милли? Так почему ты здесь?

— Эй, кавалерия! — окликнул его «красноногий». — Ты где там застрял? Наш командир ждет твоего доклада!

«Сейчас он его дождется», — подумал Гончар.

41. Тихо и спокойно

Войдя в хижину, он едва не задохнулся от духоты и смрада. Не меньше десяти бородачей расположились за столом, перебрасываясь картами и дымя самокрутками.

— Крэк, вот он! Парни, угомонитесь, дайте командиру поговорить с посыльным!

Командиром тут называли верзилу, чей наголо обритый череп был украшен длинным шрамом от виска до затылка. Крэк сидел в середине стола, на месте банкомета, и лениво тасовал карты.

— Ты, что ли, от Хиггинса? — невянятно спросил он, и Степан увидел, что у Крэка было всего три или четыре зуба. — Хорошо, что твой лейтенант сообразил выслать вперед человека. Потому что мы решили все переиграть.

«Да уж, придется все переиграть, — подумал Степан, отступив в сторону от входа и прижимаясь спиной к простенку. — Жалко, я не прихватил винчестер. Но на вас, псов бродячих, хватит и двух стволов. Сейчас мы все переиграем».

Он плохо слушал то, что говорил Крэк, потому что ловил иные звуки — не скачет ли сюда кто-нибудь, не возится ли за печкой, не храпит ли под лавкой. Прежде чем стрелять, надо многое уточнить. Чтобы потом не удивляться. Однажды он уже поторопился, не проверил тылы. И получил пулю в спину. На этот раз... И вдруг до него дошел смысл сказанного Крэком.

— ... Так ему и передай: пусть не заходит в ущелье. Передай, его задача — загнать в ущелье Медведя, со всеми его медведицами и медвежатами. А мы их всех там завалим.

— погоди, Крэк! — Степан вытер взмокший лоб. — Я совсем замотался, башка гудит. Ничего не слышу после дороги. Дай хоть глотку промочить, потом поговорим.

— Эй, воды!

Кто-то протянул Гончару глиняную кружку. Он погрузил губы прямо в воду, стараясь не задеть липкие края.

— Теперь, значит, можно и поговорить, — он перевел дух. — Что я должен передать лейтенанту?

— Да сколько тебе повторять! Ну, видать, Хиггинс знал, кого посылать! Самого сообразительного выбрал!

«Ругайся, ругайся, — думал Степан, — только за стол не приглашай».

— Командир, давай лучше письмо отправим кавалеристам, а то этот олух все напутает!

— Пусть попробует! Я-то умею вбивать в башку правильные понятия! Солдат, слушай меня так, словно ты Моисей, а я Господь Бог по кликухе Саваоф!

Каратели дружно заржали.

— Тихо вы, жеребцы! Ну что, ты готов воспринять истину?

— Да я что, я человек маленький, — простодушно улыбнулся Степан.

— Запоминай. Банда Медведя застряла в дюнах. Мы сделали все, как сказал ваш полковник Морган. Мои ребята с двумя «гатлингами» перекрыли им северную дорогу. Медведь не попрет на «мясорубки⁷», пожалеет своих баб и щенков. Сегодня ночью он

⁷ «мясорубка» — семиствольная картечьница Гатлинга, прообраз современных турельных пулеметов, стрелявшая со скоростью 250 выстрелов в минуту.

поведет банду по долине Последней реки. Там, в ущелье, его должен был перехватить твой эскадрон. Вот теперь слушай внимательно. Не надо их перехватывать, понял?

— Понял, — кивнул Степан. — А почему не надо?

— А говоришь «понял»? Вот олух-то! Передай лейтенанту, чтоб он не входил в ущелье! Пусть пойдет напрямиком на дюны. Повтори!

— Пусть пойдет напрямиком на дюны. А зачем?

— Да чтоб шугануть краснокожих, вот зачем. Те кинутся в ущелье, а там мы их встретим. У нас уже все готово.

— Что готово? — тупо переспросил Гончар.

— Последние почести, вот что!

Крэк ударил кулаком по столу, чтобы перекрыть гогот карателей.

— Тихо! Ты все усвоил? Повтори!

— Ну, это, значит... — Степан переминался с ноги на ногу, теребя в руках армейское кепи. Он пытался рассчитать, сколько времени потребуется ему, чтобы добраться до дюн. Если сейчас затеять пальбу, будет хорошая драка. И будет славная смерть. Но тогда погибнет и Медведь... — Значится, так. Надо шугануть краснокожих, выкурить из песков, чтобы они вошли в ущелье Последней реки. А нашим, значится, в ущелье не входить.

— Не верю ушам своим, — картинно развел руками Крэк. — Джентльмены, я могу быть спокоен за наше славное ополчение, когда в его рядах состоят такие умники! Смотри, солдат, не перепутай! Можешь возвращаться к своему лейтенанту, да поживее, пока память не отшибло.

— Мне, значится, овса бы, — важно сказал Гончар. — Лейтенант Хиггинс строго-настрого приказали. Коня зря не гонять, холить и лелеять, овса давать от пуза. Пока жеребец не отдохнет, никуда не трогаться.

— Хочкис! — Крэк хлопнул в ладоши. — Жеребца накормить, солдата напоить. И чтоб через полчаса обоих тут не было!

Он снова взялся за карты, и каратели моментально притихли.

— Продолжим, джентльмены?

Еще несколько секунд Гончар стоял у порога, пока не убедился, что на него уже никто не обращает внимания. Разговор с олухом-кавалеристом был окончен, и присутствующие занялись куда более важным делом.

Он вышел из хижины и направился к лошадям. Рядом с ящиком для корма стоял початый мешок овса, и Гончар высыпал его весь, до последнего зернышка, и подвел к ящику вороного и Тучку. Он знал, что заберет кобылу с собой. Выкупит, или договорится как-нибудь еще, но заберет. В нем вдруг вспыхнула надежда — может быть, лошадь отстала от табуна, когда Майвис уводил девчонок с Червивой Горки? Нет, это невозможно. Тучка не могла бросить хозяйку.

«Лучше не думай об этом, — приказал он себе. — Думай о том, как поскорее найти Медведя. Каратели оседлали северную дорогу? Тем лучше. Вот на них-то ты и можешь отыгаться за всё. А сейчас тебе надо тихо и спокойно, незаметно и скромно уйти отсюда. Тихо и спокойно. Тихо и спокойно».

— Эй, солдат! Вижу, ты сам управился. — Хочкис поднял с земли пустой мешок. — А не лопнет твой жеребец-то? Чужого добра не жалко, да?

— Чья это кобыла? — спросил Гончар, поглаживая Тучку. — Лейтенант заказал достать для него как раз такую. Он и денег дал.

— Денег? Сколько?

— А сколько она стоит?

Хочкис похлопал кобылу по крупу:

— Такой лошади цены нет.

— Я знаю, — кивнул Степан. — Она твоя?

— Ну да. С прошлой ночи — моя.

— Дам тридцать долларов.

— Рехнулся, солдатик? Это шайенская лошадь! Лазает по горам, как козочка, а в степи несется, как почтовый экспресс!

— Да ну? — Гончар недоверчиво хмыкнул. — А ты не шутишь? Откуда у тебя шайенская лошадь?

— В карты выиграл!

— Сорок.

— Семьдесят.

У Степана было больше чем семьдесят долларов, и он мог бы не торговаться дальше. Но ему хотелось поговорить с Хочкисом.

— Даю пятьдесят, а ты расскажешь, кто был ее хозяином раньше.

— Тебе не все равно?

— Некоторые очень переживают из-за проигрыша. Вдруг старый хозяин увидит лейтенанта на своей кобыле? Как бы мне потом не пришлось отдуваться.

— Вот за это не волнуйся, — ухмыльнулся каратель. — Старый хозяин умер. В общем, шестьдесят, и седло в придачу.

— Умер, говоришь? — Степан поправил стремя. — Похоже, он был не очень-то высоким.

— Он? Ну да, коротышка. Как девчонка. Так ты берешь ее?

— Беру, беру.

Он полез в карман за деньгами. Из открытого окна заорали:

— Хочкис! Ты играешь или нет! Твоя ставка!

— Иду! — Хочкис протянул руку. — Гони монету и вали отсюда.

Пересчитав засаленные бумажки, каратель довольно оскалился:

— Ты не прогадал, солдат. Лошадка смирная, твой лейтенант останется доволен. На ней раньше баба ездила. Хиггинсу такая кляча в самый раз. Она умная. Если он сверзится, будет стоять рядом, не убежит.

И снова рука сама потянулась к кобуре. «Дай ему уйти! — приказал себе Гончар. — И сам уходи! Немедленно!»

— Будь здоров, солдатик.

— Постой, — задержал его Степан, борясь с искушением. — А что случилось с хозяйкой?

— Далась тебе эта хозяйка! Шайенка она была, понял? Удирала от нас, табун уводила. Табун увела, сама пропала. Заманила нас на скалы, кобылу бросила и смылась.

— Смылась? — переспросил Гончар, и голос его дрогнул. — Смылась... Но ты говорил...

Хочкис неправильно понял его волнение.

— Смыться-то она смылась. Но ты не сомневайся. Ее лавина накрыла, у нас на глазах. Сами еле ноги унесли. Так что, говорю тебе, не сомневайся, никто к твоему лейтенанту приставать не будет. А теперь вали отсюда. Меня парни заждались.

Он хлопнул Степана по плечу и надвинул ему козырек кепи на нос. Захохотав, Хочкис ушел в хижину.

А Гончар замер, обняв Тучку.

Пора уходить. Тихо и спокойно. Отомстить ты всегда успеешь. А сейчас тебе надо уходить.

Он подошел к окну, откуда несло запахом застарелого пота. Все каратели собрались вокруг стола. Они сбились в кучу, наклонившись и рассматривая что-то.

— Надо же, чего только не возят с собой шайенки!

— Говорю тебе, она была белая!

— Иди проспись. Тебе ночью все девки белые.

— Неужто она могла стрелять из такого кольта? Да еще со спиленной мушкой? Нет, парни, чует мое сердце, девка просто села в чужое седло. Не хотел бы я встретиться с тем, кто держал этот кольт в руке.

«Это они копаются в моей сумке, — равнодушно подумал Степан. — Колыт не пропал. Хорошо, что Майвис его сохранил».

— Что там еще? О, вот этим уже можно и расплатиться!

— Цепочка золотая, да слишком тонкая. Крестик какой-то хилый. Нет, дружок, пять баксов за такую мишуру, не больше.

— Это же золото, Крэк! Ты посмотри, какая работа. Даже написано что-то на распятии! Каждую букровку видно!

«А это они достали мой нательный крестик», — подумал Степан и вспомнил, как долго выбирал его в лавке Никольского собора. Когда он очутился в Небраске, все его вещи исчезли. Кроме одежды, складного ножа и вот этого крестика, который сейчас рассматривают каратели.

Тихо и спокойно вошел он в хижину. Негромко свистнул, чтобы они оглянулись: не хотелось стрелять в спину.

Он держал обе руки на уровне лица, и целился быстро, но аккуратно. Шесть выстрелов с каждой руки, револьверы по карманам. Взял со стола свой колыт и добил Крэка. Тот медленно сползал по окровавленной стене, сжимая дымящий револьвер.

Все, что было рассыпано на карточном столе, он сгреб обратно в сумку. Надел крестик. Опрокинул железную печку, и ногой отпихнул тлеющие угли под лавку, где лежали свернутые тюфяки. А потом тихо и спокойно покинул загоревшуюся хижину, ведя в поводу свою верную Тучку.

Так же спокойно и неторопливо он проехал по знакомым улочкам Гарленда. На террасе «Приюта ковбоя» сидели шестеро «красноногих». Один наигрывал на губной гармошке, остальные дремали, вытянув ноги на перила. «Вот этих я не трону, — строго сказал себе Гончар. — Они получают свое в следующий раз. Интересно, а почему я так долго тянул с Крэком? Я ведь знал, что все равно убью их всех. Почему же тянул? Да я боялся! Ну да. Боялся схлопотать шальную пулю. Если бы меня продырявили, как бы я мог выручить Медведя? А если боялся, то почему все-таки убил их? Потому что кое-чего я боялся еще больше. Боялся, что никогда не смогу отомстить за Милли».

Отомстить? Разве она погибла? Степан не верил, что ее больше нет. Он слишком долго искал ее, чтобы так быстро потерять, даже не увидев.

«Мало ли что могут наплести пьяные ублюдки? Ох, извините, нельзя так отзываться о покойных... Но я же не виноват, что они были ублюдками».

Ему казалось, что он что-то забыл там, в хижине. Что-то оставил? Или что-то не доделал? Это «что-то» занимало его все больше, отвлекало от всех других забот, и уже на самой окраине Гарленда, оглянувшись напоследок, он увидел, что в дорожной пыли за ним тянется прерывистая цепочка крови.

Он ошупал себя, и ладонь сразу наткнулась на липкое горячее пятно на левом боку.

— Все-таки они ублюдки! — Степан придержал вороного и завел руку за спину. — Навылет. Вот, значится, что я там оставил-то. Кусок собственного мяса.

Морщась от боли, он стянул куртку и швырнул ее в сторону, оставшись в черной гимнастерке. Дышать стало легче, но теперь он яснее ощущал, как из обеих ран сочится кровь. И это не радовало. Кое-как Степан обмотался длинным шарфом, надеясь, что перевязка хотя бы немного задержит кровотечение.

Выехав за город, он пересел на Тучку, чтобы дать отдохнуть вороному.

— Ходу, малышка, ходу, — Степан потрепал ее по шее. — Нам надо успеть. Боюсь, времени у нас осталось — совсем ничего. Ты только не тряси меня слишком сильно. Мне сейчас главное не вырубиться. Надо успеть.

41. Тысяча дорог

Это было не первое его ранение, поэтому он хорошо представлял, что с ним будет дальше. Не потерял сознание от болевого шока? Отлично, теперь старайся не вырубиться из-

за кровопотери. Пуля прошила грудную клетку, аккуратно пройдя между ребрами. Нет, все-таки похоже, ребро-то надломлено. Легкое, наверно, пробито, но дышать можно. Очень удачно получилось — ткань гимнастерки плотно закупорила входное отверстие. О выходном же он старался не думать.

Тучка остановилась на берегу озера и потянулась губами к воде. Гончар сполз с седла и долго не мог отдышаться. Стоя на коленях, он перебирал траву в поисках знакомых красноватых стебельков «комариного глаза». Вообще-то шайены считали это растение ядовитым. Если съесть его слишком много, можно без промежуточных остановок долететь до самого дальнего конца Небесной Долины. Чтобы остановить кровотечение, надо было разжевать несколько стеблей и приложить кашицу к ранам. При значительных потерях крови следовало жевать эту траву до тех пор, пока удары сердца не станут отдаваться в затылке. Были и еще какие-то рекомендации шайенской медицины, но сейчас Степан не мог их вспомнить. Он нажевался «комариного глаза» до одури, а потом еще, чтобы не заснуть, выкурил целую сигару, прихваченную на память о встрече с Крэком. Время шло, но Степан не мог двинуться с места. Глядя, как растут тени лошадей на песке, он пытался выбрать дорогу, по которой отправится отсюда. Таких дорог было несколько.

Одна из них вела в дюны. Там сейчас дожидался ночи Горбатый Медведь. Его надо было предупредить о засаде. Гончар посмотрел, сколько осталось солнцу до горизонта, и понял, что не успеет.

Вторая дорога шла к Последней реке. К ущелью, куда должен войти эскадрон Хиггинса. Если бы у Гончара был хотя бы один пулемет Калашникова и цинк патронов... Он мог бы опередить кавалеристов и дожидаться, пока они втянутся в тесное ущелье, и решить задачу. Но у него были только револьверы и винчестер. И он был один.

Третью дорогу и дорогой-то нельзя было назвать. Так, едва заметная тропа в море полыни. Она вела к перевалу, за которым начинался Каньон Семи Озер. По каньону Майвис с девчонками будет продвигаться на север, к Монтане. Если бы не Горбатый Медведь, и не эскадрон Хиггинса, и не засада «красноногих»... И если бы Гончар не был ранен, он обязательно пропустил бы именно по этой тропе, чтобы нагнать Красную Птицу и увидеть Милли. А если не увидеть, то хотя бы узнать, что с ней.

Сигара догорела, и раны покрылись сухой плотной коркой. Гончар наполнил флаги водой и перезарядил револьверы. С трудом взгромоздив непослушное тело в седло, он вдруг понял, что существует еще один путь. Углубиться в тенистую рощу, лечь у ручья и ждать, пока в его тело вольются новые силы. Он ранен. Ему надо лежать. Через несколько часов уже никакими усилиями воли он не сможет удерживаться в седле. Он просто заснет. Природу не обманешь. Ее можно немного отвлечь, но она неумолимо возьмет свое.

И так же неумолимо возьмет свое та сила, которая методично стирает с лица земли все, что мешает цивилизации. Нет, это не цивилизация. Это бизнес. Большой бизнес. Большие деньги. Большие отряды хорошо вооруженных ублюдков.

Кусок свинца пробил в тебе дыру как раз такого размера, чтобы душа могла спокойно вылететь к небесам. Чем ты ответишь? Травой и промокшей повязкой?

Чем ты можешь остановить армию, которая уже уничтожила всех, кто мешал Большому Бизнесу, и теперь понемногу добывает остатки сопротивления? С чем ты встанешь на ее пути — с винчестером?

Все это бесполезно, а значит, и бессмысленно. Ты уже никому не можешь помочь, никого не спасешь. Единственный человек, ради которого ты здесь оставался — это Милли. Но ее больше нет. Значит, и тебе здесь больше нечего делать. Выбери красивое место, с видом на горы и озеро, допей остатки виски — и дай себе отдохнуть в последний раз.

Степан тряхнул головой и огляделся. Тучка успела обогнуть озеро, пока он предавался своим глубокомысленным раздумьям.

— Куда ты меня везешь, малышка? Ты что, знаешь дорогу?

Услышав его голос, кобыла зашагала быстрее, и вороной жеребец трусил рядом, ревниво поглядывая на нее.

Гончар понемногу погрузился в состояние, которое испытывал во время дальних переходов по прерии. Со стороны кажется, что человек дремлет в седле. Он неподвижен, его тело расслабленно покачивается в ритме шагов лошади, но его полузакрытые глаза непрерывно ощупывают горизонт цепким взглядом. Он молчит, и может не расслышать вопроса, но от его взгляда не ускользнет ни койот, чья рыжая спина мелькнула в траве, ни темное облачко, вырастающее вдали, предвещающее грозу.

Степан понимал, что лошадь идет к ущелью, и был рад тому, что она сделала выбор за него. Когда же он разглядел едва заметную струйку дыма над кронами сосен, ему стало ясно, что пора готовиться к встрече. Там, за лесом, текла Последняя река. Там расположились в засаде «красноногие». Только они могли безбоязненно разводить костры в лесу, не заботясь о маскировке. Ну да, кого им бояться? Того одинокого всадника, что медленно продвигается вверх по извилистой тропке?

Как только Тучка вошла в лес, покрывавший склон, Гончар остановился.

— Дальше я пойду один, — сказал он, прыгивая на мягкий лесной настил. — Стойте здесь. Если до утра не вернусь...

Он расседлал лошадей, обняв на прощание.

— Если не вернусь, уходите к озерам. Вдвоем не пропадете. Вы отличная пара.

Взвалив на плечо винчестер и «спрингфилд» и опоясавшись двумя патронташами, он тяжело пошел в гору.

«Сколько их там может быть? Судя по тому, что горит только один костер, не больше десятка. Что они затеяли? «Мы их всех завалим», сказал Крэк. Чем? «Мясорубками»? В горах они неэффективны. Нет, каратели придумали какую-то хитрую гадость. От них всего можно ожидать».

В лесу было уже темно, и только верхушки сосен еще ярко зеленели в лучах солнца. Темнота не мешала продвигаться. Наоборот, благодаря ней он быстро заметил впереди мерцающую точку костра. Подбравшись к огню настолько, что ощущался запах тушеных бобов, Степан остановился. Он уложил винтовки и снял сапоги. Дальше надо идти босиком и налегке. Лишь бы они не додумались выставить дозор.

Они не додумались. Они сидели у костра. Один — лицом к Степану, второго он видел со спины. Еще несколько минут он стоял за поваленной сосной, прислушиваясь к разговору и пытаясь понять, нет ли в лесу еще кого-нибудь, кроме этих двоих.

— ... А еще хорошо идут перстни, — с набитым ртом бубнил тот, что сидел лицом к Степану, держа на коленях миску. — Самый захудалый перстенок ушел бы не меньше, чем за доллар. Слышь, рыжий? Говорят, у них серебряные и золотые перстни у каждого мужика. А бусы? Есть, конечно, дрянные, ракушечные. А есть и такие, что уходят по пятерке. Знаешь, из такого голубого камня. Вот те, голубые, можно и за десятку загнать, если встретишь любителя. Неплохо, да, рыжий? Чего ты не ешь-то?

Второй, не ответив, лег на бок и принялся ковырять палкой в огне.

— Ты не поднимал бы искры, слышь, рыжий? Лес сухой, как бы хвоя не занялась. Загорится, вдвоем не погасим.

Он облизал миску и отбросил ее в сторону.

— Ну вот, теперь можно и поспать. Покараулишь, рыжий? Ночью-то они в ущелье не полезут. На рассвете ждать надо. А на рассвете-то как раз самый сон. Не проспай бы. Крэк душу вынет, если проспим. Не проспишь, рыжий?

Не дождавшись ответа, каратель махнул рукой и вытянул из-за пазухи фляжку.

— Раз ты такой молчун, тебе и выпивка не полагается, — обиженно буркнул он.

Вытряхнув в рот последние капли, «красноногий» утер губы рукавом и закурил огрызок сигары.

«Их двое, — думал Степан, сжимая рукоятку револьвера. — Их можно взять живьем. Только — зачем?»

А каратель заговорил снова. Сытый и захмелевший, он быстро простил молчаливость угрюмого партнера.

— Ты, рыжий, здорово придумал. Нам бы еще долго пришлось бы гоняться, если б не ты. А так — хлоп, и готово. Одно плохо, сколько добра пропадет. Не полезешь ведь вниз, откапывать эти перстни да бусы. Долларов на двести разного добра. Но, все равно, это ты здорово придумал. Завалим дикарей — и по домам. Я уже три недели дома не был. По детишкам соскучился. У тебя есть дети? А у меня четверо. И всех кормить-одевать надо. Лишний бы доллар не помешал...

Он бубнил еще что-то о детях, но Гончар его уже не слышал. Все его тело наполнилось звенящей силой. Он вскинул невесомый револьвер и вышел из-за коряги.

— Вы люди Крэка? — спросил он. И выстрелил дважды. — Так отправляйтесь к нему.

Он еще постоял неподвижно, слушая угасающее эхо. Где-то вспорхнула испуганная птица — и всё. В мертвой тишине потрескивал костер, да журчала струйка крови, вытекающая из пробитой шеи карателя. Второй, «рыжий», повалился лицом вниз и тихо хрипел.

Гончар подсел к костру и снял с камней кофейник. Отпил из горлышка, не чувствуя вкуса. Горячая влага приятно растекалась по пересохшему горлу.

— Что же ты такое придумал, рыжий? — спросил он, оглядываясь.

На дереве висели две винтовки — винчестер и «шарпс». Под ними Гончар увидел пару узких деревянных ящиков. Они были пустыми, но он прекрасно знал, что за груз перевозят в такой таре. В холщовой сумке рядом он нашел остатки бикфордова шнура.

— Вот оно что! — проговорил Гончар и перевернул ногой «рыжего». — Ты сапер? Инженер?

Тот захрипел и выплюнул сгусток крови.

— Живучий, — покачал головой Степан. — Не повезло тебе.

Он поднял из огня горящую ветку, и в ее свете смог разглядеть лицо раненого.

— Вот так встреча...

Это был Фредерик Штерн. Его глаза открылись, и лицо исказила гримаса невыразимой боли.

— Питерс! Как... Что ты тут делаешь, ублюдок...

— Я-то здесь по делам, — Степан присел на корточки, разглядывая окровавленную грудь Штерна. Пуля прошла навывлет, не застрев ни в сердце, ни в позвонках. С такими ранениями, бывает, выживают. — А ты как сюда попал?

— Мелисса... Монах, который перевязывал Фарбера... Он сказал, что его дочь в Черном лесу... Я поехал туда с кавалеристами... Поздно, Питерс... Она погибла... Из-за тебя, из-за твоих краснокожих... Что б ты сдох, Питерс...

— Где заложен динамит? — спросил Гончар. — Можешь не отвечать. Но лучше скажи. Помоги мне, тогда и я тебе помогу. За все приходится платить, верно?

— Что б ты сдох, — твердо повторил Штерн и уронил голову.

Из уголка рта потянулась черная струйка. Открытые глаза застыли. Гончар поднес огонь ближе и увидел неподвижную щель зрачка.

— Теперь ты знаешь, каково это, получить пулю в спину, — сказал он и набросил на разгладившееся лицо шляпу, валявшуюся рядом. — А динамит я и сам найду.

Горло снова сжала острая сухость. Он снял с пояса Штерна флягу, открыл крышку и понюхал. Вода. Она показалась ему слаще шампанского.

«Хорошо бы сейчас полежать у огня, вздремнуть, — подумал он. — Я заслужил небольшой отдых. Да вот беда. Стоит только на минуту прикрыть глаза, и они больше никогда не откроются».

Револьвер казался тяжелым, как пудовая гиря. Но и сбросив с себя оружейный пояс, Гончар не почувствовал никакого облегчения. Ноги волочились по листве, и он часто останавливался, обняв дерево и стараясь отдышаться. Луна еще не взошла, но он видел перед собой тропу, натопанную карателями. Хорошо еще, что она вела под уклон. Теряя последние силы, Гончар добрался до края обрыва и там услышал шум бегущей внизу реки.

«Вот и ущелье, — понял он. — Вот мы и пришли». Его ноги подкосились, и он повалился на камни.

— Но-но, — сказал он. — Не хватало еще свалиться в пропасть. Вставай и иди дальше. Или ползи, по крайней мере.

Он прополз несколько метров вдоль обрыва, когда его руки наткнулись на липкий шнур. Рядом в жестяной банке были спички, обернутые в промасленную бумагу. Штерн предусмотрел все — и внезапный ночной дождь, и утреннюю росу. Степан был уверен, что и динамит на осыпях люди Крэка разместили именно так, как того требовал педантичный Штерн. Значит, можно не волноваться. Все сработает, как часы. Лишь бы не проспать на рассвете.

Он сдвинул несколько камней так, чтобы опереться на них спиной, и сидел на краю обрыва. Внизу, под ногами, неумолчно бормотала река.

Ночь пролетела быстро. Гончар еще успел полюбоваться ярким и стремительным восходом. В утреннем свете стало видно, что от того места, где он устроился, вверх по осыпям уходит не один шнур, а сразу три. И снова он мысленно похвалил Штерна за тщательно выполненную работу.

Эскадрон вошел в ущелье незадолго до полудня, когда Гончар, измученный жаждой, уже выпил всю воду из фляги. Он с трудом дождался, когда вся колонна покажется внизу, на галечном берегу. Всадники ехали парами, опасливо поглядывая вверх. Но они, конечно, не могли заметить ни зарядов, спрятанных под валунами, ни бегущих по осыпи огоньков, оставляющих дымный след.

Степану очень хотелось увидеть, как сработает динамит, но он понимал, что опасно оставаться на краю обрыва. У него не осталось сил, чтобы встать на ноги, и он пополз вверх, впиваясь пальцами в камни. Еще рывок, и еще один... Склон вздрогнул так, что Гончара подбросило. По ущелью прокатился раскат грома. Еще один удар, и еще! Навстречу Степану сверху покатались мелкие камни. А за его спиной все нарастал оглушительный шум сходящей лавины. Воздух заволокла пыль. Гончар почувствовал, что земля под ним вздрагивает, вздымаясь и опускаясь, как лед над волнами. Он понял, что еще немного — и этот участок склона обрушится вниз. Страх придавал ему сил, он вскочил на ноги и, хватаясь за все, что попадалось под руки, рванулся вверх. Он уже ничего не видел в густой пыли, а земля уходила из-под ног. Мрак и холод окутали его, и он подумал, что наконец-то добрался до леса. Руки наткнулись на холодную землю, он поскользнулся и рухнул на склон, обхватив угловатый обломок скалы и прижимаясь к нему грудью.

Грохот за спиной понемногу затихал, но мрак не рассеялся. «Может быть, я ослеп?» — испугался Степан. Он не видел ничего, кроме плотной пыльной завесы и потрескавшегося камня перед глазами.

Понемногу он стал различать перед собой редкие искривленные стволы и низко свисающие голые ветви. Он снова пополз вверх, удивляясь темноте. «Похоже, поднялось такое пыльное облако, что через него не пробивается солнечный свет», — подумал он.

Но и в этой темноте ему было видно, что лес неузнаваемо изменился. Вместо могучих сосен склон покрывали низкие деревца. Кое-где на ветвях болтались пожухлые бурые листья. А под деревьями на палой листве искрился иней.

«Кажется, я забрался слишком высоко», — подумал Степан и оглянулся. Но не увидел ничего, кроме непроницаемой стены тумана, надвигавшегося на него снизу.

42. Ты не один

— Да вот же он! — прозвучал в темноте голос Джека Тандерса.

— Я же говорил, что он выйдет сегодня! — радостно отозвался Домбровский. — Говорил? Жаль, мы не успели заключить пари!

«Как они тут оказались? — удивился Гончар, чувствуя, как сильные руки поднимают его с земли. — И почему Тандерс говорит по-русски?»

— На ногах держишься? — спросил Домбровский. — Вот и молодец. От тебя больше ничего не требуется. Только переставляй ножки, топ-топ, и потихонечку, полегонечку

вылезает...

— Пить, — с трудом выговорил Степан.

— Ранен? Спина вся в крови.

— Ерунда. Дайте воды.

— Сейчас дадим, сейчас.

— Я смочу тебе губы, станет легче, — сказал Тандерс. — Ну-ка, постой.

Влажная тряпка скользнула по лицу Степана, и он впился в нее зубами, чтобы выжать в рот хоть каплю воды. Сглотнув, он вдруг и в самом деле почувствовал облегчение.

— Вот пусть тебя сначала доктор посмотрит, тогда видно будет, — сказал Домбровский. — Можно ли тебе пить воду или нельзя. Или можно пить только воду, а все остальное нельзя. И это будет ужасно, потому что мы такую поляну накрыли! Где ж тебя так зацепило?

— По дурости, — выдохнул Степан. — Затеял пальбу в упор. Сам виноват. А где князь?

Вместо ответа оба рассмеялись и быстрее потащили его вверх. Он почувствовал под босыми ногами твердую дорогу. Впереди вспыхнул яркий свет. Он исходил из двух низких прямоугольных фонарей, и Гончар зажмурился, не выдержав пронзительного сияния. Когда же он открыл глаза, то увидел, как странно одеты его друзья. Под распахнутой кожаной курткой Домбровского виднелся грубый свитер. А Тандерс был в дубленке, под которой сияла белоснежная сорочка, и приспущенный галстук сбился набок.

— Что за маскарад? — спросил Гончар, и они снова расхохотались.

— К доктору, — задыхаясь от смеха, просипел Тандерс, — срочно к доктору, пока у пациента крыша не съехала окончательно.

Они подвели его к низкой черной машине. Мягко шелестел двигатель.

— Эта повозка называется автомобиль, — серьезно произнес Домбровский. — Она способна ездить без помощи лошадей. Как паровоз, например.

— Хватит издеваться, — слабеющим голосом попросил Степан. — И отпустите меня. Сам дойду.

Он сам дошел до машины и открыл заднюю дверь. Почему-то он был уверен, что его место там. И еще он был уверен, что в машине его кто-то ждет. Он даже догадывался — кто. Но боялся в это поверить.

— Я же обещала тебе, мы найдем друг друга, — сказала Милли.

— Не помню.

— Вспомнишь. Все вспомнишь.

— Можем ехать? — спросил Тандерс, садясь за руль.

— Да, и побыстрее, — приказала Милли.

Машина мягко рванулась, и Степана вжало в упругие подушки сиденья. За окном мелькали темные силуэты деревьев. Под колесами погромыхивала неровная дорога. Вот впереди показались цепочки фонарей, машина вывернула на шоссе и понеслась почти бесшумно, словно по воздуху.

— Я не поверил, что ты погибла, — сказал Гончар, разглядывая дорожное лицо.

— Ты о чем? — она поднесла палец к подбородку, ненадолго задумавшись. — Ах да, ты же только что оттуда.

— А ты — не только что?

— Не знаю, — протянула она, — стоит ли сейчас об этом?

— Чем раньше, тем лучше, — повернулся к ним Домбровский. — Нечего нюни разводить.

— Ну, хорошо, — Милли сжала ладонь Степана. — Ты только что вышел из ущелья Последней реки. А я покинула его семь лет назад.

— Что? Семь лет...

— Да. И оказалась на обочине. Над деревьями виднелись странные купола. Это была обсерватория, но я подумала, что это какие-то храмы. Подумала, что тут живут монахи. И

обрадовалась. Потому что они бы похоронили меня по-человечески. Появился Джек. Увидев меня на обочине, ободранную, в крови, он поначалу решил, что меня сбила машина. Мне и правда досталось.

Она улыбнулась и продолжила с гордостью в голосе:

— Там, на Червивой горке, я вызвалась увести солдат за собой. Думала, они погонятся за лошадьми, а я потом незаметно отстану и поеду им навстречу, вся такая белая и пушистая, сама невинность. «Ой, здравствуйте, а я та самая профессорская дочка, которую вы спасаете!» Как бы не так. Они сели мне на хвост слишком быстро, и мне оставалось только скакать что было сил. Потом я карабкалась по скалам, попала под лавину, висела над пропастью, держась за какой-то пруттик. Чудом вылезла. И попала вот сюда.

— Прошло два дня, — сказал Гончар. — Я оставил Тучку в лесу, у нее в гриве еще сохранилась твоя ленточка.

— Да, там прошло два дня, а здесь — семь лет, — спокойно ответила Милли. — Первый год был самым трудным. На счастье, у Джека великолепная библиотека. Я много читала. Привычное занятие помогло мне постепенно освоить новый мир. Твой мир, Стивен. И тогда мне, наконец, стали понятны слова, сказанные Бизоном.

— Бизоном?

— Да, там, на Холме Смерти он говорил не только с тобой. Я узнала, зачем живу. Но это неважно. Важно другое. Мне было сказано — ждать тебя в городе железных мостов. Я вспомнила, о чем ты говорил тогда, в Денвере, когда я тебя лечила в первый раз.

— И что я говорил?

— Это был бред, и я не пыталась запомнить каждое слово. Но в памяти осталось одно: однажды в январе ты остановишься, увидев меня на набережной под железным мостом. Все так и вышло. Ты остановился, и отправился в Небраску, к маленькой глупой девчонке.

— Это было обязательно? — спросил он. — Ну, вот мы встретились. Обязательно было забрасывать меня в прошлое? Мы же все равно встретились!

Домбровский снова повернулся к нему:

— Ты чем-то недоволен?

— Нет, но... Милли, разбойница, ты прожила семь лет без меня! Ты могла сто раз выйти замуж!

— Зачем? Мне нужен был ты, — просто ответила она. — Но не Степан Гончар, который подобрал попугайцу на ночной дороге. А Стивен Питерс, который строил города и водил караваны. И теперь мы встретились.

— Хотя меня никто не спрашивает, я все-таки замечу, — подал голос Тандерс. — Стив, надеюсь, ты не думаешь, что вся эта история затевалась только ради того, чтобы Мелисса Фарбер, наконец, вышла замуж?

— Ничего я не думаю, — махнул рукой Степан. — Ничего не думаю, ничего не понимаю, и, боюсь, что ничего никогда не пойму.

— А это и не требуется, — сказал Домбровский. — Сейчас твоя задача — оклематься. В кратчайшие сроки вернуться в строй. Доктор, сколько времени займет адаптация?

Гончар почувствовал, как горячие пальцы Мелиссы обхватили его запястье, нащупывая пульс.

— Не больше двух месяцев.

— Вскрытие показало, что больной практически здоров, — прокомментировал Тандерс.

Степан не мог наглядеться на Мелиссу, на ее лицо в мелькающем свете дорожных фонарей, на ее хрупкие белые кисти, которые он бережно сжимал в своих руках.

— Я знал, что так и будет, — тихо сказал он. — Знал это с самого начала. С самой первой встречи. Помнишь, мы точно так же сидели в моей «восьмерке»? А потом в дилижансе? Это было как будто вчера.

— Это было два дня назад, — улыбнулась она. — Не стоит говорить о времени.

— Почему?

— Потому что его не существует. Для нас.

— Для тебя, — сказал он. — Ты ничуть не изменилась.

— Тебе это кажется. Мне скоро будет двадцать пять.

— Отлично. Честно говоря, жениться на семнадцатилетней как-то неловко. Я чувствовал себя старым хрычом с картины «Неравный брак».

Тандерс свернул к тротуару и сказал, глядя на Степана в зеркало:

— А ты и есть старый хрыч. Прикинь, сколько тебе сейчас, если ты участвовал еще в индейских войнах. Годиков сто шестьдесят, не меньше.

— Почему стоим? — спросила Милли.

— Жду указаний. Мы заказали столик в «Аляске». Шеф будет ждать нас до утра. Но, может быть, отвезти вас домой?

— Сейчас решим, — Мелисса включила плафон и попросила Степана: — Покажи, куда тебя ранило.

Он задрал гимнастерку и осторожно провел пальцами по ребрам.

— Куда-то сюда... Черт, была же дырка...

— Была, да прошла, — сказал Домбровский. — Если бы дырки не зарастали, я бы сейчас был похож на дуршлаг. Короче, едем в «Аляску», да?

— Это обязательно? — спросил Гончар. — Меня туда пустят в таком виде?

— И не таких пускали. А уж в каком виде оттуда выпускают...

— Попрошу без намеков, — проворчал Тандерс. — Милли, наверно, Стиву больше хочется домой, чем в ресторан.

— Да, — сказал Степан. — Домой.

— Завези нас, а потом отправляйтесь пировать, — решила Мелисса. — Повод у вас есть.

— Вот так и рушатся вековые традиции, — вздохнул Домбровский. — Степа, но хоть на проводы наши ты придешь?

— Придем, придем, — ответила Милли.

Машина летела по ночному Петербургу. Гончар видел за окном сияние витрин и рекламных щитов, гирлянды фонарей и мозаику автомобильных огней... Он и забыл, что ночью может быть так светло. Ему казалось, что все эти годы его держали в темном чулане, и только сейчас позволили выглянуть наружу. Наверно, завтра, увидев город при свете дня, он почувствует разочарование. Он увидит грязь тесных улиц. Увидит небо, перечеркнутое проводами. И, наверно, захочет вернуться в горы и степи, туда, где так легко дышится на просторе...

— Вот здесь мы будем жить, — сказала Мелисса, когда машина притормозила в тихом переулке.

Домбровский открыл ей дверь и щеголевато козырнул Степану:

— Не прощаемся!

Фыркнул мощный мотор, и черный «мерседес» умчался, проскочив на красный свет. Милли достала ключи и отдала их Степану.

— Входи. Осваивайся. Тебе долго придется жить в этом доме.

— Погоди.

Он устало присел на гранитную тумбу возле подворотни.

— Я ничего не понимаю, и не хочу понимать. Но могу я хотя бы спросить?

— Ты замерзнешь, — она села перед ним на корточки и заглянула в глаза. — Пойдем в дом.

— Сейчас, сейчас... Домбровский и Тандерс... С ними случилось то же самое, что со мной?

— Да. Точнее, не с тобой, а со мной.

— То есть, они... Оттуда — сюда?

— Можно и так сказать.

— Куда мы должны их провожать?

— Это мы узнаем, когда они вернутся.
Степан невольно обернулся в ту сторону, куда умчался «мерседес».

— Эх! Я бы хотел отправиться с ними.

— У них свой путь. А тебе сейчас надо восстанавливаться. Ты вернулся с войны, тебе сейчас ко многому придется привыкать заново.

— Хорошо. Тогда еще один вопрос. Можно?

— Я знаю, о чем ты думаешь. Но не смогу тебе ответить. Как это происходит? Почему это случилось именно с нами? Не знаю. Тебе лучше поговорить об этом с Тандерсом, когда он вернется. Он называет нас корректорами. Представь, что история — это книга, которая еще не напечатана, а только пишется. И мелкие ошибки в рукописи можно исправить. Вот ты, например, остановил истребление шайенов. После того, что случилось на Последней реке, ополчение навсегда перестало участвовать в войне.

— Шайены. Я раньше и не слышал о них. Они выжили?

— Можно сказать, да. Сейчас их три тысячи. Живут в Монтане.

— В Монтане, — повторил Степан. — Горбатый Медведь добрался до Йелоустона. А Майвис? Что с ним? Он выжил?

— Он выжил и стал вождем. А в прошлом году я видела его внуков. Ну, пошли домой?

— погоди. Я хотел спросить совсем не об этом.

Он встал и поднял ее на руки.

— Уронишь! — засмеялась Милли.

— Никогда. Я понимаю, что обстановка неподходящая. Но очень боюсь опоздать. Так вот, мой вопрос. Мелисса Фарбер, согласна ли ты стать моей женой? Обещаю, что буду любить тебя вечно. Буду заботиться о тебе. И даже не буду смотреть на других женщин. Согласна?

Она задумалась.

— Если я отвечу «да», ты будешь считать меня ужасно легкомысленной.

— Почему?

— Потому что мы познакомились три дня назад.

Конец второй книги